

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И МОЛОДЕЖИ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И.ВЕРНАДСКОГО
КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ФЕВЗИ ЯКУБОВА**

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

VI Международный симпозиум

(8–12 июня 2022 г.)

**Сборник научных статей
Том I**

**СИМФЕРОПОЛЬ
Издательский дом КФУ
2022**

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)
Р89

Рекомендовано к печати Научно-техническим советом Института филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(протокол № 4 от 12 апреля 2022 г.)

Рецензенты:

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор
(ОмГУ им. Ф.М.Достоевского, Омск)
Людмила Александровна Орехова, доктор филологических наук, профессор
(КФУ имени В.И.Вернадского, Симферополь)

Редакционная коллегия:

И. П. Зайцева, доктор филологических наук, профессор (Витебск)
Е. М. Маркова, доктор филологических наук, профессор (Москва)
Т. С. Чабаненко, кандидат филологических наук (Симферополь)
Е. М. Шахова, кандидат филологических наук (Симферополь)
Д. А. Дмитриева (Москва)
Н. И. Иванюк (Симферополь)

Русский язык в поликультурном мире: VI Международный симпозиум (8–12 июня 2022 г.) / Ред. колл: И. П. Зайцева, Е. М. Маркова, Т. С. Чабаненко, Е. М. Шахова и др. : Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. I. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2022. – 300 с.

ISBN 978-5-6047624-8-6 (Т. I)

ISBN 978-5-6047624-7-9

В сборнике представлены научные статьи по докладам участников VI Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» (8–12 июня 2022, г. Ялта). Ученые обсуждают аспекты политической, юридической, социо- и медиалингвистики, теории и практики лингводидактики, преподавания русской словесности в средней и высшей школе, лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста. В статьях поднимаются актуальные проблемы государственной языковой политики, роли русского языка в эпоху глобализации, вопросы функционирования русского языка в разных типах дискурсов.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов филологических специальностей и журналистов.

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)

*Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, дат, названий, статистических данных ответственность несут авторы публикаций.
Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.*

ISBN 978-5-6047624-8-6 (Т. I)
ISBN 978-5-6047624-7-9

© Авторы публикаций 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

<i>С.С.Хромов, Е.А.Худоренко</i> Языковая политика России за рубежом: методологические подходы.....	7
<i>И.И. Скачкова</i> Недостатки государственной политики российской федерации в сфере популяризации русского языка за рубежом.....	11
<i>В.М. Калинин</i> Итоги и перспективы развития донецкой ономастической школы (к 90-летию со дня рождения Е.С. Отина)	15
<i>Е. М. Маркова</i> Особенности обучения грамматике русского языка в инославянской (словацкой) аудитории	21
<i>А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, А. И. Золотайко, А. В. Цыганкова</i> Образ полиции в средствах массовой информации России, Украины и Белоруссии ..	27
<i>Ю.А.Бурменкова</i> «Брат» и «bratr» в русской и чешской языковой картине мира	33
<i>М.А. Гладко</i> Русский и белорусский языки в эфире радиоканалов Беларуси.....	39
<i>Е. Н. Антонова, О. Н. Волкова</i> Русский язык в переводном дискурсе: образы животных в аллюзиях тувинских поэтов.....	43
<i>Е.В. Полякова, Люй Сыци</i> Концепты «жизнь» и «смерть» в китайской и русской эстетической рецепции.....	50

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

<i>Т.Б. Радбиль</i> Метаязыковые комментарии в отечественном медиадискурсе: рефлексии в буквальном смысле слова как языковой механизм манипулятивной коммуникации.....	56
<i>В.А. Юматов, Р.И. Захаров</i> QR-код – новое ключевое слово коронавирусной эпохи.....	64
<i>С.Г. Буданова</i> Поликодовый рекламный текст как сложное знаковое образование	69
<i>А.А. Рештаненко</i> Креолизованные тексты как продуктивный тип текстов в журналистском дискурсе.....	75
<i>Л.А. Исаева, А.Г. Рябина</i> Тексты-циклы и тексты-продолжения как вид поликодового текста современной рекламы	79
<i>А. Б. Бурляй</i> Особенности языковой личности интернет-тролля	84
<i>И.А. Герасименко, А.В. Пивень</i> Отображение концептуального поля ‘шахтёр’ в годонимиконе современной Горловки	88

<i>Н.В. Гладкая</i> Интернет-мем в медийном пространстве: теоретический аспект	93
<i>О.А. Димитриева</i> Неологизм «фуди» в современном гастрономическом дискурсе	100
<i>М. А. Жилина</i> Образовательный блог как жанр персонального интернет–дискурса	106
<i>Е.Н.Ильина</i> Медиа в северной деревне: к проблеме реконструкции диалектной языковой картины мира	110
<i>Л. Ю. Костина</i> Лексико-тематический комплекс как способ презентации диалектной лексики (на материале говора станицы Архангельской Краснодарского края).....	115
<i>Е.С. Моштылева</i> История одного самиздата: дискурсивная организация макронарратива	119
<i>Т.В. Романова, Д.А. Маликова</i> Научно-популярный подкаст как отражение современных речевых поведенческих моделей	125
<i>Д.С. Скнарев</i> Лингвомаркетинг как направление прикладной лингвистики.....	131
<i>М.В. Слизкова</i> Языковые средства речевого воздействия.....	137
<i>Н.Г. Тищенко, С.Ф. Тищенко</i> Роль прецедентных включений в современном политическом дискурсе	141
<i>Т. А. Наймушина</i> Как правильно возбудить читателя: об одной интернет- публикации.....	146
<i>О. Б. Трубина</i> О диминутивах в жаргонном дискурсе	152
<i>Т.В. Федотова</i> Молодежный дискурс: аспекты варваризации языка.....	156
<i>Л.П.Авдонина</i> Экскурсия в современном музее.....	164
<i>О.Л. Арискина, Е.А. Дрянгина</i> Концепты «сердце», «душа», «разум» в дискурсе игумена Никона Воробьева	170
<i>С.Н. Стародубец</i> Амбивалентность атрибута «духовный» в дискурсе Н.А. Бердяева.....	175
<i>Н.В. Лешкова</i> Этноспецифика православной проповеди	179
<i>А. А. Хамраева</i> Языковая личность православного священника	184

ЛЕКСИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ, ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>О. Г. Борисова</i> Идеографический словарь лексики и фразеологии кубанских говоров: структура и лингвистический потенциал.....	188
<i>О. И. Глазунова</i> Объективное и субъективное в структуре языка и речи	193
<i>В. И. Теркулов</i> Формально-ономастологический подход к определению способов словообразования	200
<i>Н. А. Герасименко</i> Фразеологизмы в инфинитивно-субстантивных предложениях	207
<i>Ю. Ю. Балацкая</i> Аспектуальные модификации глаголов-стержневых компонентов русских фразеологических оборотов в речи.....	212
<i>А. И. Бровец</i> Дешифровальный стимул сложносокращённого слова: лексикографирование	217
<i>Е. В. Генералова</i> Субстантивная лексика паремий петровского времени: опыт лексикографического описания.....	221
<i>И. В. Ерофеева</i> Активные процессы в именном словообразовании современного русского языка	226
<i>П. А. Боронкин, Е. Н. Вакулова</i> Диминутивные обращения как средство усиления эмоциональности письменной речи (на примере переписки А. П. Чехова с О. Л. Книппер-Чеховой).....	233
<i>Т. А. Дьякова</i> Фонетические и грамматические архаизмы в произведениях Михаила Матусовского: лексикографическое и функционально-стилистическое осмысление	238
<i>Л. И. Жуковская</i> Снова о грамматических преобразованиях лексем <i>менталитет</i> и <i>ментальность</i> в современной русской речи: метонимия или метафора?	244
<i>Л. Ф. Килина</i> Лексико-грамматические особенности прилагательного <i>довольный</i> в диахроническом аспекте	250
<i>И. А. Меркулова</i> “Свои слова у времени любого” (лексика русского языка на современном этапе)	256
<i>С. Л. Михеева</i> Элативные прилагательные в тексте романа Ф. М. Достоевского «Бесы»	262
<i>В. И. Мозговой</i> Невербально-деятельностная природа устной речи и её кодификация в знаках препинания	274
<i>М. Е. Новичихина</i> К вопросу о перспективах пополнения словаря ономастических терминов.....	277

<i>А.И. Ольховская</i> Новые заимствования и их эквиваленты в аспекте семантических оппозиций.....	282
<i>М. Н. Панчехина</i> О структуре «Словаря лингвокультурем в поэзии метареализма».....	288
<i>Е. В. Сачкова</i> Заимствования как механизм гибридизации языка.....	293

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

С.С.Хромов, Е.А.Худоренко

chelovek653@mail.ru; khudorenko@gmail.com

ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
(Москва)

Проблемы языковой политики, места и роли русского языка в разработке концепции внешней политики России занимают особое место в последние годы. Эти вопросы широко обсуждаются на всероссийских и международных форумах, им посвящены многочисленные публикации в сборниках научных трудов и статьях в журналах. Недавнее свидетельство тому – проведение II Международного конгресса «Языковая политика стран Содружества независимых государств» (СНГ) 26-28 октября 2021 г. в Алма-Ате, который показал большой интерес к этим проблемам как в России, так и в ближнем зарубежье [1]. Диапазон вопросов, рассматриваемых в рамках этой проблематики, широк и многогранен. В связи с этим встает вопрос о необходимости разработки алгоритма проведения научного поиска в исследуемой проблематике. Наметим некоторые положения.

Первое. Мы считаем, что прежде всего следует учитывать, что языковая политика может рассматриваться как в широком, так и в узком смысле слова. В узком смысле слова языковая политика выступает как субъект или объект государственной политики. Если языковая политика рассматривается в широком смысле слова, то она включает в себя синтез смежных гуманитарных филологических и социальных, юридических аспектов, предполагающих анализ таких как проблем, как:

- конкурентоспособность языков в глобальной коммуникации;
- параметризация оценки глобальной конкуренции языков;

- билингвизм и полилингвизм в межнациональном государственном и межгосударственном пространстве;
- язык как проводник культурных, идеологических ценностей [7];
- русский язык образовательном, научном, политическом пространстве той или иной страны [7];
- языковое законодательство в странах бывшего СССР и в других странах;
- русский язык как язык урегулирования конфликтов разного уровня;
- русский язык в аспекте политической лингвистики и другие.

Диапазон этих проблем хорошо представлен, но далеко не исчерпан в сборнике трудов Международного конгресса «Языковая политика стран содружества независимых государств (СНГ) [1].

Второе. При анализе языковой политики России в узком смысле слова следует опираться на основополагающие документы, к которым относятся, прежде всего, такие, как: Конституция РФ, федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации", Концепция внешней политики, "Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом", указ Президента "О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации", "О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации", а также на нормы и принципы международного права, международные договоры и нормативные правовые акты России, которые регулируют деятельность федеральных органов государственной власти в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [4, 5, 6].

Третье. При анализе языковой политики России за рубежом необходимо учитывать роль русского языка в качестве инструмента «мягкой силы» во внешней политике России как основополагающего фактора, что было декларировано в «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» в 2010 г. Диапазон инструментов внешней политики, использующих «мягкую силу», широк. К ним относятся следующие: поддержка и популяризация в иностранных государствах русского языка и культуры народов Российской Федерации, экспорт

российских образовательных услуг, расширение объемов подготовки иностранных специалистов в российских образовательных учреждениях, поддержка изучения русского языка за рубежом, подготовка иностранных преподавателей-русистов, системная работа с иностранными выпускниками российских вузов, развитие молодежных обменов и др.

Четвертое. Для анализа языковой политики России за рубежом нужен апробированный инвентарь объективных критериев, но при этом нельзя опираться на взятый из контекста какой-то один критерий, требуется разработка универсальных критериев, которые позволили бы представить объективную картину. В связи с этим хочется отметить разработанный сотрудниками Института русского языка имени А. С. Пушкина индекс глобальной конкурентоспособности русского языка, который может служить универсальным инструментом, который позволит определить реальное положение русского языка в мире и индекс его устойчивости в странах постсоветского пространства.

Так, для анализа российской языковой политики за рубежом коллективом сотрудников Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина были разработаны индекс глобальной конкурентоспособности русского языка, определяющий его реальное положение в мире и индекс устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства, оценивающий место русского языка и его роль для государств бывшего СССР [1].

Один рассчитывается исходя из конкурентоспособности русского языка среди 12 наиболее крупных мировых языков на основании шести следующих параметров: численности говорящих на языке, статусе языка в международных организациях (официальный или рабочий), количестве публикаций в международных научных базах данных, количестве СМИ, численности пользователей Интернета, количестве ресурсов в Интернете.

При расчете второго используются три показателя: роль языка в государственно-общественной сфере, образовании и научной коммуникации.

Пятое. Большую роль в реализации языковой политики России за рубежом, в продвижении русского языка за рубежом играют международные мероприятия как в России, так и за рубежом, одним из которых является фестиваль «Великое русское слово» в Крыму, в рамках

которого российские и иностранные политики, филологи, лингвисты, социологи и ученые иных специальностей обсуждают и дают практические рекомендации по укреплению русского языка и совершенствованию языковой политики России. Целью фестиваля является усиление позиций русского языка, развитие русской культуры и международного сотрудничества в гуманитарной сфере.

Таким образом, можно с уверенностью заявить, что несмотря на имеющиеся достаточно серьезные проблемы, языковая политика России за рубежом уже сейчас имеет системный стратегический характер, обладающий долгосрочной перспективой воздействия, что вселяет вполне обоснованные надежды на ее будущую результативность и положительный синергетический эффект как в мировом, так и в региональном аспекте.

«Убеждён, что мы — на правильном пути в вопросе защиты и сохранения нашего великого и могучего русского языка», — считает сенатор Совета Федерации от Республики Крым Сергей Цеков, и мы с ним полностью согласны [3].

Литература

1. Камышева С.Ю. Объективные инструменты оценки глобальной конкурентоспособности языков // II Международный конгресс «Языковая политика стран Содружества Независимых Государств (СНГ)» (Алма-Ата, 26–28 октября 2021 г.): сборник тезисов / сост. и ответ. ред. С. Ю. Камышева. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. — 300 с.
2. Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2021 - 2023 годы (утв. Президиумом Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, январь, 2021 г.) // Режим доступа: <https://base.garant.ru/400417732/>.
3. Крымская история даёт наглядные примеры противостояния России и Запада. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimea.gov.ru/news/09_06_21_4
4. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48953/>.
5. Приложение №1 к Концепции внешней политики РФ от 2008 г. / МИД РФ. М., 2010. – 18 декабря. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/217418 (Дата посещения: 21.10.2019.)
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2015. 31 декабря. Режим доступа: URL <http://rg.ru/2015/12/31/nacbezopasnost-site-doc.html> (дата обращения: 29.09.2017).
7. Хромов С.С. Современный звучащий дискурс в аспекте межкультурной коммуникации // Ярославский педагогический вестник. 2012. №3 — С. 161-165.

НЕДОСТАТКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА РУБЕЖОМ

И.И. Скачкова

irinask.2007@mail.ru

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
(Волгоград)

Государственный язык является важным условием национальной безопасности любого независимого государства. Это подчеркнул В.В. Путин в своем выступлении на заседании Совета по русскому языку при Президенте РФ, которое состоялось 5 ноября 2019 г., сказав, что русский язык «в огромной степени обеспечивает суверенитет, единство и идентичность российской нации» [1]. Поэтому в России необходимо формировать «активную и целостную языковую политику, которая обеспечит сохранение и развитие русского языка ... и в России, и в мире» [7]. Одной из задач языковой политики является реализация «действенной системы поддержки русской языковой среды за рубежом в информационной, в образовательной, в гуманитарной сферах» [там же]. Это, в свою очередь, будет способствовать «глобальной конкурентоспособности, притягательности русского языка как современного, живого, динамично развивающегося средства общения» [там же]. Сказанным объясняется актуальность данной работы. Целью нашего исследования является изучение языковой политики Российской Федерации. Для достижения этой цели необходимо описать основные направления государственной политики в сфере популяризации русского языка за рубежом и недостатки этой политики. В данной статье рассматриваются недостатки государственной политики в сфере популяризации русского языка за рубежом.

В последние несколько лет вопросы внешней языковой политики приобретают все большую актуальность, и на смену отдельным мерам, предпринимаемым государствами в этом направлении, приходит целенаправленная многоплановая внешняя языковая политика. На сегодняшний день целями продвижения русского языка на мировой арене можно считать «привлечение внимания зарубежной общественности к русскому языку, а также расширение условий для его изучения, что будет способствовать усилению российского влияния, формированию

положительного образа страны за рубежом, повышению ее международного авторитета и, в конечном счете, защите геополитических интересов России» [7].

В 2011 году в российском МИДе была разработана концепция «Русская школа за рубежом». Она предусматривает открытие за границей школ четырех типов. Первый тип – это обычные общеобразовательные школы, обучение в которых ведется по российским программам, выпускники которых по результатам государственных экзаменов получают государственные дипломы. Школы второго типа создаются на основе межгосударственных договоров – это школы с преподаванием на русском языке, где лишь часть программ являются российскими, а их выпускники получают как российский диплом, так и диплом страны проживания. Третий тип – это школы (или классы), где преподавание будет вестись только по-русски по образовательным программам страны проживания с последующим получением документа об образовании этой страны и возможностью сдать также российские экзамены и получить диплом РФ. Школы четвертого типа – это организации дополнительного образования, с преподаванием отдельных предметов на русском языке. К сожалению, этот проект на настоящий момент не реализован. Одной из причин такого положения дел считают слишком большое количество организаций, занятых в разработке проекта: Минкультуры, Минобразования, МИД и Россотрудничество, – что затрудняет координацию и решение организационных вопросов. Кроме того, идея открытия школ, работающих по российским стандартам, представляется нежелательной или даже недопустимой в ряде государств.

На сегодняшний день проект «Продвижение русского языка за рубежом» является одним из приоритетных для Министерства образования и науки РФ. Для достижения целей проекта в качестве инструмента используется народная дипломатия, представляющая собой перспективный и набирающий популярность в России ресурс. Так, в 2015 году в рамках проекта началась реализация волонтерской программы «Послы русского языка в мире», открывающая возможности для использования ресурса так называемой народной дипломатии в целях реализации внешней политики государства.

Как показывает проведенное исследование, работа по использованию «языкового ресурса» в реализации политики мягкой силы

находится сегодня в центре внимания, о чем свидетельствует количество проектов и организаций, занимающихся соответствующими вопросами, а также серьезные объемы финансирования, выделяемые на эти цели. Однако работа в этом направлении ведется сравнительно недолго, и ее результаты можно будет оценить спустя несколько лет. Говоря о результатах, мы имеем в виду не только распространение языка, но и изменение отношения к РФ, повышение уровня ее привлекательности для представителей других стран, ставшее результатом популяризации русского языка и культуры в совокупности с другими направлениями политики популяризации русского языка за рубежом.

Следует отметить тот факт, что даже в РФ существуют проблемы популяризацией русского языка, которые выражаются в нехватке учителей русского языка. Например, в Российской газете от 03.12.2019 г. опубликовано интервью с Борисом Петровичем Екимовым, в котором он говорил об острой нехватке учителей русского языка и литературы в городах и сёлах Волгоградской области [5].

Такая же проблема существует и в других регионах Российской Федерации. Например, 23.09.2019 в газете «Московский комсомолец» сообщалось об острой нехватке учителей русского языка в школах Костромской области [4]. Такая же ситуация характерна и для других областей страны. Например, мониторинг, проведённый общероссийским народным фронтом совместно с фондом «Национальные ресурсы образования», показал, что в 2018 г. 30% школ в России испытывали нехватку учителей по русскому языку и литературе [2].

Евгений Примаков, внук знаменитого главы правительства, утверждает, что, несмотря на старания государственных и правительственных органов РФ, политика в сфере популяризации русского языка за рубежом неэффективна, потому что воспринимается официальными лицами как «непонятная и нелюбимая нагрузка к настоящей политике» [6]. «Русский язык снова зазвучит, когда он станет «lingua franca» свободного мира, дающего возможности для межнационального общения, для социального развития, для нового роста в науке, в профессии, в бизнесе», когда российские компании ... начнут активно работать за рубежом, нанимать новых сотрудников с русским языком за рубежом, если российская наука и образование ... дадут в разы больше мест и стипендий для обучения студентов и научного обмена. Когда утилитарная выгода от изучения

русского языка станет очевидной [6]. Кроме того, с точки зрения Евгения Примакова, необходимо:

- менять терминологию;
- переориентировать работу на условия жизни и работу с неправительственным сектором с общих вопросов про «культуру», «язык вообще» и «духовность»;
- вести экономическую оценку и оценку эффективности проектов;
- решить вопрос с миграционным законодательством и законодательством о гражданстве;
- перераспределить финансирование Минфина.

И вот тогда популяризация русского языка за рубежом будет возможна.

Литература

1. Арская Ю.А. Продвижение русского языка за рубежом как инструмент «мягкой силы»: роль вузов в реализации Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (на примере деятельности Иркутского государственного университета) // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 22. Серия «Политология. Религиоведение». С. 141–148. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-russkogo-yazyka-za-rubezhom-kak-instrument-myagkoj-sily-rol-vuzov-v-realizatsii-kontseptsii-gosudarstvennoy-podderzhki-i-prodvizheniya-russkogo-yazyka-za-rubezhom> (дата обращения 19.02.2020)
2. Бутузова Л. Вон из школы! Дефицит учителей становится национальной бедой // Новые известия. 3 августа 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/03-08-2018/von-iz-shkoly-defitsit-uchiteley-stanovitsya-natsionalnoy-bedoy> (дата обращения 23.02.2020).
3. Заседание совета по русскому языку [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения 19.02.2020).
4. Максимова С.Г. Институционализация сетевых механизмов функционирования русского мира: аспекты сохранения и продвижения русского языка за рубежом / С.Г. Максимова, С.Н. Шерматова, Д.А. Омельченко, О.Е. Ноянзина // Безопасность и интеграция в странах азиатского региона. 2018. № 4. С. 16–36. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-setevyih-mehanizmov-funktsionirovaniya-russkogo-mira-aspekty-sohraneniya-i-prodvizheniya-russkogo-yazyka-i> (дата обращения 20.02.2020).
5. Писатель Борис Екимов: о дефиците учителей в Волгоградской области, скудных зарплатах и оптимизации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://v102.ru/news/84939.html> (дата обращения 23.02.2020)].
6. Примаков Е. У нас большие проблемы: О провале продвижения «Русского мира» за рубежом [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rusvesna.su/news/1554330374> (дата обращения 26.02.2020).
7. Распоряжение Правительства РФ от 10.12.2016 № 2647-р «О внесении изменений в распоряжение правительства РФ от 11.11.2013 N 2083-Р» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-10.12.2016-N-2647-r/> (дата обращения 20.02.2020).

**ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ДОНЕЦКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е.С. ОТИНА)**

В.М. Калинин

kalinkin.valeriy@mail.ru

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

(Горловка)

13 апреля 2022 года Евгению Степановичу Отину, несомненно, лидеру лингвистических исследований в Донбассе, исполнилось бы 90 лет. С начала 2015 года нам остаётся только сожалеть о том, что великий учёный, трудившийся до последней минуты жизни, ушёл из неё, закончив работу над очередной публикацией и попросив лаборанта кафедры прийти за статьей.

Мой учитель был широко эрудированным и разносторонним учёным-лингвистом. Об этом я неоднократно писал и, думаю, ещё напишу. Однако рамки доклада призывают к экономии пространства публикации и времени для его озвучивания. Поэтому я попытаюсь осветить только одно направление научной и организаторской деятельности Е.С. Отина – ономастических исследований Донбасса.

Начать же хочу с воспоминания. В 2019 году, уже через 4 года после ухода из жизни Е.С. Отина, у меня появилась возможность познакомиться с текстом доклада сотрудника Института языкознания РАН (г. Москва, РФ), доктора филологических наук Юлианы Юрьевны Гордовой, присланного на Донецкие чтения «Создание каталога Донецкой топонимии: возможности, реализация, перспективы». Зная о некоторых её трудах, посвящённых топонимии Рязанщины и интересной монографии о способах обработки и представления ономастических данных в топонимических каталогах, я с интересом приступил к изучению доклада. Из него я узнал, что «Российские топонимисты готовы оказать всяческую помощь в составлении и издании каталога донецких топонимов по разработанной технологии и дальнейшей интеграции полученных сведений в материалы обобщающего каталога и атласа. Осуществление такого проекта может стать одним из способов научного взаимодействия Донецка и Москвы» [2, с.103]. Удивило меня только одно: ни труды Е.С. Отина, ни даже его фамилия автором доклада упомянуты не были. Просмотрев всё, что мне удалось найти из

научных публикаций Юлианы Юрьевны в Интернете, я в её обзорах ономастических исследований даже намёка на знакомство с трудами Е.С. Отина не нашёл. Именно после этого я с особой ясностью осознал, насколько плохо мы пропагандируем достижения Донецкой ономастической школы и “громадьё” вклада её основоположника в ономастическое краеведение Донбасса. А доброжелательность и покровительственный тон московской топонимистки, обещающей навести, наконец, порядок в “ономастической неразберихе” Дикого Поля, подтолкнули меня к написанию сообщения, в котором я решительно настаиваю, что мой учитель, профессор Евгений Степанович Отин был и останется навсегда в истории науки основоположником и организатором ономастического обследования Большого Донбасса и его “окрестностей”. И вклад его в это дело ещё будет по достоинству оценён, если мы, его наследники, не упустим “эстафетные палочки”, заботливо подготовленные выдающимся учёным и бережно переданные нам.

В начале шестидесятых годов прошлого столетия, когда само слово “ономастика” (до тех пор малоизвестное в широких кругах нашей общественности) воспринималось даже в университетской среде скорее как экзотизм, чем научный термин, центр арены зарождающегося движения ономастического краеведения Донбасса занял Евгений Степанович Отин – молодой перспективный учёный уже имевший опыт научных исследований в “сложноустроенных” областях языкознания. В начале его деятельности лежит первое удовлетворительное объяснение происхождения названия реки *Кальмиус*, на которой расположена столица нашего шахтёрского края. Переоценить значимость этого труда невозможно. История довольно длительной, исключительно скрупулёзной работы над ним представлена в других моих публикациях. Но главным итогом успеха и высокой оценки этой работы выдающимися учёными (этимологами, ономастами, историками языка) как на Украине, так и в России стало желание Е.С. Отина не только продолжить собственные ономастические исследования, но и привлечь к этой работе студентов-филологов и начинающих учёных.

Воплощение замысла началось с организации на кафедре русского языка, а немногим позднее и на кафедре общего языкознания группы исследователей онимного пространства из числа преподавателей и старшекурсников, работающих над дипломными проектами. Она

положила начало ономастическому краеведению Большого Донбасса и стала костяком формирующейся ономастической школы.

Для организационного обеспечения проекта Е.С. Отин разработал программы регулярных топонимических экспедиций студентов филологического факультета. Началось изучение ономастики (вначале, топонимии) Донбасса в пределах Донецкой области. Но планы учёного, уже после первого топонимического опыта осознавшего огромную роль тотального обследования топонимии значительных территорий, были куда более широкими. Он понимал, что современные административные границы, как правило, не совпадают с пределами топонимических пространств, формировавшихся длительное время и сопровождавшихся миграционными процессами, затрагивавшими разные народы, племена, и просто группы переселенцев, искателей счастливой доли.

Как нельзя лучше для этой цели подходили фактически не исследованная топонимия пространств юго-востока Украины, Северного Приазовья, Дикого Поля и того, что принято называть Большим Донбассом. По данным фундаментального труда «Гидрогеология СССР», его используют для обозначения территории, “в административном отношении расположенной в пределах Днепропетровской, Полтавской, Харьковской, Донецкой и Ворошиловградской областей УССР (87 тыс. км²), а также Белгородской, Воронежской, Ростовской и Волгоградской областей РСФСР (60 тыс. км²)” [1, с.9]. Определение ‘*большой*’ мотивировано, прежде всего, геологическими факторами: в обозначенной зоне расположено крупнейшее месторождение каменного угля, в составе которого геологи выделяют 30 угленосных районов.

В 60-70 годы прошлого века под руководством Е. С. Отина проводились полевые диалектолого-топонимические экспедиции не только в приазовский регион, но и по всей Донецкой области. А в 80-90 годы силами студентов-филологов, родившихся и живших в сёлах с урму-и румеязычным населением, осуществлялось анкетирование населения Северного Приазовья.

Начиная с 1965 года по 2014 год Е.С. Отин опубликовал 89 научных трудов, посвящённых ономастическим исследованиям только территории центральной части Донецкой области. В 2013 и 2014 годах учёный собрал воедино и опубликовал некоторые материалы из своего краеведческого ономастического архива в двух книгах – «Топонимия Донетчины» [6] и «Происхождение географических названий

Донбасса» [7]. Всего в форме словарных статей им было описано 352 топообъекта. И это не считая множества вариантов именования одних и тех же объектов.

В 2002 году свет увидела «Топонимия приазовских греков» [3]. В ней Е. С. Отин представил результаты исследования 600 топонимов. Думаю, не ошибусь, если позволю себе предположить, что Евгений Степанович историко-этимологически описал не менее 1000 собственных имён, обозначающих различные топообъекты только центрального (малого) Донбасса. Кроме этого, более 30 лет было отдано изучению топонимии “вокругдонбасского” пространства. Начав с защиты первой на Украине “гидронимической” докторской диссертации «Гидронимия юго-восточной Украины», Е.С. Отин приступил к обследованию бассейна реки Дон. Труд, которому было отдано более 30 лет научных изысканий, – «Гидронимия Дона» был опубликован в двух томах, общим объёмом более полутора тысяч страниц [4; 5].

Книга содержит сведения о всех водных объектах бассейна реки Дон, одной из крупнейших рек Европы от истоков в районе оврага *Урванка* близ *Иван-озера* до гирла, места впадения Дона в Таганрогский залив Азовского моря, а также о названиях других территориально близких объектов, в которых учёному удалось обнаружить сходство в значениях. Специалисты не только у нас, но и за рубежом, считают, что «Гидронимия Дона» Е. С. Отина является уникальным трудом, равного которому в мире в настоящее время нет и в ближайшем обозримом будущем не будет, а более полное описание топонимии бассейна Дона вряд ли создадут в нашем веке.

Была ещё одна причина, подтолкнувшая меня к написанию этого доклада, – непоправимый урон, нанесённый Донецкой ономастической школе внутренним противостоянием её представителей, оказавшихся, если так можно выразиться, по разные стороны “линии фронта”, возникшего в самом начале дящейся уже восемь лет войны. Это беда, масштабы, причины и следствия которой ещё предстоит осмыслить. Не буду здесь касаться ни её корней, ни истоков разногласий, ибо они не носили научного характера. Я же пытаюсь дать только научную оценку Донецкой ономастической школе за все годы существования и представить роль Е.С. Отина в её возникновении и развитии.

После смерти Е.С. Отина, часть уже состоявшихся учёных и молодых исследователей-ономастов, оставшихся в Донецке, объединилась вокруг сохранившегося естественного центра – кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина филологического факультета ДонНУ. Как и в течение многих предшествовавших этим событиям лет, значительную организационную работу взял на себя Фонд гуманитарных исследований и инициатив «Азбука», основанный ещё при жизни Е.С. Отина. Активизировалась работа его сайта (Azбука.in.ua). На добровольные пожертвования началось и продолжается издание научных трудов как общепилологической и лингвистической направленности, так и ономастических по преимуществу.

В память о Е.С. Отине началось издание «“Восточноукраинского лингвистического сборника” имени Е.С. Отина», продолжающего традиции, заложенные и развитые его основателем. Продолжился выпуск сборника «Филологические исследования», всегда с удовольствием предоставлявшего свои страницы ономастическим публикациям, были предприняты усилия к восстановлению журнала «Логос ономастики». В содружестве учёных филфака ДонНУ, филологов-ономастов кафедры русского языка ДонНМУ, исследователей ономастических пространств из Горловского института иностранных языков и филологов Таврического университета продолжилось издание ежегодника «In Nōminum Spatio», публикующего материалы совместных ономастических конференций. Под эгидой Фонда гуманитарных исследований и инициатив «Азбука» (создан в 2010 г.) на добровольные пожертвования издаются названные выше и другие научные труды. Ежегодно с 2006 года организовываются и проводятся две, а в последние годы, три Международные конференции. Кроме того, за годы существования Лаборатории прикладного языкознания и медицинской лексикографии издано порядка 10 томов различных нерегулярных (в том числе, мемориальных) сборников научных трудов. Защищено 16 кандидатских и 3 докторских диссертации. Умышленно не касаюсь здесь двух моментов: развития поэтонимологического направления исследований (о нём много и регулярно пишу уже более 30 лет) и юридических аспектов охраны онимного пространства региона. О нём – докторское исследование В.И. Мозгового. Думаю, он сам познакомит участников конференции с результатами.

Следуя заветам Е.С. Отина, группа учёных ДОШ приступила к осуществлению давней мечты её основателя – разработке концепции, сбору и обработке материалов, обсуждению на конференциях и семинарах онимной части «Энциклопедии Донбасса».

Нам есть, у кого учиться и кем гордиться. И нам есть, к чему стремиться в деле развития ДОШ.

Литература

1. Гидрогеология СССР, т. VI, Донбасс. М.: Изд-во «Недра», 1971. – 480 с.
2. Гордова Ю.Ю. Создание каталога Донецкой топонимии: возможности, реализация, перспективы // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). Том 4: Филологические науки. Культура и искусство. Часть 2 / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С.101–104.
3. Отин Е.С. Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий): Изд. втор., испр. и доп. Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2002. – 212 с.
4. Отин Е.С. Гидронимия Дона: монография: в 2 т. Т. 1: Верхний и Средний Дон. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2011. – 574 с.
5. Отин Е.С. Гидронимия Дона: монография: в 2 т. Т. 2: Нижний Дон. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2012. – 791 с.
6. Отин Е.С. Топонимия Донетчины. Донецк: Юго-Восток, 2013. – 118 с.
7. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса. Донецк : Юго-Восток, 2014. – 197с.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНОСЛАВЯНСКОЙ (СЛОВАЦКОЙ) АУДИТОРИИ

Е. М. Маркова

elena-m-m@mail.ru

ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет им. А. Н. Косыгина»

(Москва)

Экономический университет в г. Братиславе

(Словакия)

Бытует мнение, что изучать близкородственный язык (например, русский язык словакам) легче, чем неблизкородственный (скажем, им же немецкий или английский). Однако «лёгкость» изучения родственного языка на самом деле оказывается мнимой. Многочисленные «подводные камни» в лексике и грамматике в виде ложных сходств, несоответствия систем склонения и спряжения, различия в форме, семантике и сочетаемости префиксальных глаголов, в целом в синтагматике лексем, в построении сложных предложений – все это значительно тормозит изучение родственного языка, вызывая ещё более сильную интерференцию, чем при изучении неродственного. Для преодоления ее и более эффективного овладения лексико-грамматической системой русского языка в славянской аудитории преподавателю следует не просто учитывать родной язык учащихся, но опираться на него, исходить из системы родного языка, в котором уже сформированы грамматические навыки. В результате близости родного и изучаемого языков сформированные в родном языке навыки переносятся более активно, тем самым усиливая интерференцию со стороны родного языка.

При объяснении структурных явлений русского языка славянам всегда необходимо исходить из системы родного языка, так как грамматически они устроены одинаково, но имеют многочисленные частные отличия. Это касается в первую очередь: 1) рода существительных; 2) падежной системы; 3) глагольного управления; 4) систем спряжения; 5) образования видовых пар; 6) глаголов движения; 7) структуры предложений, особенно сложных; 8) неопределенных местоимений и др.

Во всех славянских языках имена существительные относятся к тому или иному роду, поэтому родовая принадлежность русских

субстантивов и изменение по родам прилагательных, притяжательных местоимений, порядковых числительных – явление понятное и близкое славянам. Однако род отдельных общих слов не всегда совпадает, что ведет к многочисленным ошибкам в их согласовании. Так, рус. *банк, университет* – мужского рода, а словц. *banka, univerzita* – женского, рус. *программа* относится к женскому роду, а словц. *program* – к мужскому и т. д. Подобные случаи должны быть объектом активной тренировки в упражнениях на согласование их с адъективными формами.

В славянской аудитории не работает принятый в практике обучения РКИ функциональный принцип овладения падежной системой русского языка, в соответствии с которым изучаются отдельные значения разных падежей. В условиях близкородственного билингвизма целесообразнее изучать падежные окончания *парадигматически*, т.е. при помощи так называемых *образцов склонения* (напр., существительных мужского рода твердого типа (*стол, друг*) и мягкого типа (*корабль, санаторий*), женского рода твердого типа (*лампа, подруга*) и мягкого типа (*дверь, аудитория*), а также типа *дочь*, среднего рода твердого типа (*окно*) и мягкого типа (*море, здание*), а также типа *время*, с учётом такого способа обучения именам существительным в родном языке. «Хотя функциональный подход эффективнее способствует развитию коммуникативной компетенции, славянам он кажется трудным и несистемным, так как у них уже существует устойчивый навык овладения изменением существительных, сформированный на занятиях по родному языку» [4].

Всем славянским языкам свойственна категория *вида глагола*, поэтому она не представляет для славян таких трудностей, как для носителей неславянских языков. Однако образуются глаголы совершенного вида в русском языке зачастую при помощи иных приставок, напр. рус. *думать - подумать* // словц. *mysliet' – rozmysliet' si, premysliet'*. Их презентация целесообразна в сопоставлении с соответствующими формами родного языка.

Говоря о *глаголах движения*, нужно помнить, что в словацком языке они не имеют различий в зависимости от характера движения: пешком или на транспорте. В отличие от русских глаголов *идти* ('передвигаться пешком') и *ехать* ('передвигаться на транспорте'), в словацком языке во всех контекстах их употребления используется глагол *íst'* 'идти' (в прошедшем времени *šiel, šla, šli*). Поэтому в речи

словаков частотными являются ошибочные фразы: «Когда вы пришли из Москвы?». Глаголу *ездить* во всех значениях, кроме ‘ездить на велосипеде, мотоцикле’, где используется словацкий эквивалент *jazdit’ (nabicykli)*, соответствует глагол *cestovat’* ‘путешествовать’. Поэтому дифференциации глаголов, обозначающих передвижение пешком и на транспорте, и активной тренировке конструкций с глаголами *ехать – ездить* необходимо уделить большое внимание в словацкой аудитории.

Как известно, особенно прочными являются навыки и умения, выработанные в родном и первом иностранном языке, **на синтаксическом уровне**: «Синтаксические обороты, связи, конструкции постоянно «вторгаются» в русскую речь обучаемых» [3, с. 36]. В связи с этим многократно усиливается в славянской аудитории важность работы над синтаксическими структурами. На разницу в глагольном управлении между словацкими и русскими эквивалентами накладываются еще английские варианты, приводя к интерференции не только со стороны родного языка, но и первого иностранного. Целесообразны поэтому трехязычные сопоставления глаголов с разным управлением, которые можно тренировать, например, в «игре в переводчиков»:

рус. *интересоваться (чем?) (литературой)*

слвц. *zaujímať sa (o čo?) (o literaturu)*

англ. *be interested (in literature);*

рус. *ждать (кого? что?) (друга, зарплату)*

слвц. *čakať (na koho?na čo?) (na priateľa, na mzdu)*

англ. *wait (for a friend, for a salary);*

рус. *думать (ком? о чем?) (о брате, о семье)*

слвц. *myslieť (na koho?na čo?) (na bratra, narodinu)*

англ. *think (about brother, about family);*

рус. *войти (куда?) (в аудиторию), пойти (куда?) (в библиотеку)*

слвц. *vstúpiť (do čeho?)(doposluchárni), pôjdu (do čeho?) (do knižnice)*

англ. *come in (into the lecture-room), go (to the library)*

Существуют различия в русском и словацком языках *в структуре простых и сложных предложений*. Так, говоря о конструкциях обладания, преподавателю важно помнить о том, что русский и словацкий языки принадлежат к разным типам: русский – к языкам типа «быть», а словацкий – к языкам типа «иметь». Поэтому русской конструкции: *У меня есть брат* – соответствует словацкая: *Mám bratra* (букв. ‘Имею брата’), при этом субъект действия выражен при помощи личной формы глагола, вследствие чего у словацких учащихся возникают трудности с употреблением субъекта в косвенном падеже: *у меня, у тебя, у него* и т. п. Трудности возникают и с русскими конструкциями для выражения желания пить и есть, они тоже различаются в русском и родном языках. В русском варианте: *Я хочу есть. Я хочу пить*, в словацком они строятся по другим моделям, причем различным: *Mám hlad* (букв. ‘Имею голод’), *Somsmädny* (букв. ‘Я жаждущий’). Отсюда важный методический вывод: при изучении иностранного языка обучать нужно не словам и грамматике, а речевым образцам, моделям, и наполнять их конкретным языковым содержанием.

Из сложных предложений нужно выделить предложения с *придаточными изъяснительными с частицей ли*. В словацком языке здесь используется эквивалентная конструкция с союзом *či*, который соответствует русскому союзу *если*. В результате возникают ошибки типа: *Я не знаю, ЕСЛИ он придет завтра* (вместо правильного: *Я не знаю, придет ЛИ он завтра*). Для формирования прочного навыка употребления этой модели можно предложить различные упражнения: а) на преобразование прямой речи в косвенную (*Она спросила: «У вас есть время?» – Она спросила, есть ли у меня время*), б) на перевод (*Opýtal sa, či zajtra bude chladno. – Он спросил, холодно ли завтра будет*), в) на выбор правильных вариантов и др.

Трудной для словаков представляется и тема «*неопределенные местоимения*». В словацкой русистике изучением этого вопроса занимались такие лингвисты, как Рыбак Ю. [6], Галло Я. [7] и др. Неопределенные местоимения имеют значение приблизительного указания на предмет или признак, в русском языке они образуются от вопросительно-относительных местоимений при помощи частицы-приставки *не-*, неопределенных частиц-постфиксов *-то, -либо, -нибудь* и частицы-префикса *кое-* [1]. В традиции русской грамматики для иностранных учащихся принято говорить о трех составляющих

неопределенности в значении этого разряда местоимений: *неизвестности, несущественности и неполноты охвата* [5, с. 78].

Неизвестность выражается при помощи частиц *-то* и *не-*: *Какой-то человек вышел из здания напротив. Нечто странное произошло с ним по дороге домой.* Несущественность транслируется частицами *-нибудь, -либо*: *Мы встретимся где-нибудь за океаном. Все члены клуба были чем-либо заняты.* Для выражения значения неполноты охвата используется частица *кое-* и два местоимения с частицей *не-* (*некоторый* и *несколько*): *Кое-какие деньги у него еще оставались после покупки машины.*

Словацкий язык, принадлежащий к группе западнославянских языков, по сравнению с другими славянскими языками, очень богат неопределенными местоимениями [8, с. 3], однако в учебной литературе противопоставление русских неопределенных местоимений с частицами *-то* и *-нибудь* рекомендуется соотносить с противопоставлением словацких местоимений с *-nie(ne)* и *-si* [6, с. 314]. Синонимичность местоимений с компонентом *-si* и *nie-* (*ne-*) в словацком языке способствует тому, что при изучении русского языка словаки не улавливают тонкие смысловые оттенки значений русских неопределенных местоимений и употребляют их во всех контекстах как синонимы, что приводит к многочисленным ошибкам.

Чтобы в поисках нужного местоимения учащиеся не прибегали к привычным схемам из родного языка, необходимо выработать у них навык видеть в структурах лексических значений неопределенных местоимений с *-то* и *-нибудь* разные семантические компоненты, разные смыслы, идти от структуры русского языка, а не переводить буквально с родного языка на изучаемый.

Обучение русскому языку в славянской аудитории характеризуется особой лингводидактической группировкой лексико-грамматического материала, которая должна найти отражение в учебниках и на уроках. Изучение русского языка славянами должно быть основано на системно-сопоставительных исследованиях родного и изучаемого языков, причем в этом случае необходимо говорить не просто об учете родного языка, но об *опоре на родной язык* учащихся. Путем наложения языковых систем, выявления в них общего и специфического определяются универсалии и уникалии, дающие возможность *транспозиции* (положительного переноса), на фоне которой выявляются

возможные участки *интерференции* (отрицательного влияния родного языка). Общие и дифференциальные факты, отобранные с учетом их функционирования, должны стать основой презентации, группировки и тренировки языкового материала в учебниках русского языка для славян.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. – 303 с.
2. Маркова Е.М. Специфика обучения русскому языку как второму иностранному в инославянской аудитории // Сб. статей IV Всеросс. научно-практ. конф. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 380-385.
3. Розанова С.П. Преподавателям РКИ. Сто сорок семь полезных советов. М.: Флинта; Наука, 2015.– 237 с.
4. Розбоудова Л., Копечны Я., Маркова Е.М. Школьные учебники русского языка в Чехии сегодня: плюсы и минусы. Вестник РУДН: Русистика. 2019, 17 (1): 90–102.
5. Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. М. : Русский язык, 1989. – 236с.
6. Baláž G., Benediková E., Čabala M., Mikluš M. Miloslavskij I., Rybák J. Súčasná ruština v porovnaní so slovenčinou. Morfológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1989. – S. 307–326.
7. Gallo J. Vyjadrovanie kategórie neurčitosti v ruštine a slovenčine. Nitra: UKF, 2008. – 78 s.
8. Lifanov K. Základné neurčité zámená vo vývine spisovnej slovenčiny // Slovenská reč. 2007, 72(1). – S. 3

ОБРАЗ ПОЛИЦИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ

А. П. Чудинов¹, Э. В. Будаев², А. И. Золотайко³, А. В. Цыганкова¹

¹ ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

² ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»

³ ФГКОУ ВО «Уральский юридический институт МВД РФ»

(Екатеринбург)

Прагматический и аксиологический потенциал политических метафор, в том числе проблемы сопоставления и эволюции метафорических систем, уже давно вызывают значительный интерес со стороны лингвистов, политологов и специалистов по массовой коммуникации. Для сопоставительной лингвистики важно обнаружить общие закономерности и национальные особенности в эволюции метафорических систем, а также выявить типовые сферы-источники и сферы-мишени «полицейских» метафор, сопоставить указанные системы метафор с иными (милитарная, педагогическая, медицинская и др.). Еще один актуальный аспект – сопоставление прагматического потенциала вербальных, визуальных и полимодальных (креолизованных) метафор, а также исследование взаимодействия в рамках текста политических метафор и других средств прагматического воздействия (аксиологемы, фейки, ярлыки, эффект постправды, эффект «фактоида» и др.).

Для теории и практики массовой коммуникации важна направленность проекта на исследования электронных СМИ и особенно «новых СМИ» (социальные сети и мессенджеры и др.), которые еще недавно воспринимались как одна из площадок для политических дискуссий и «выпуска пара», но в последние годы превратились в мощную силу, которую пытаются использовать в своих интересах как власть, так и оппозиция. Образ того или иного государственного института, в том числе **полиции**, который создается в «новых СМИ», становится мощным политическим ресурсом. Проблема использования «новых СМИ» в политической борьбе находится в центре внимания как практиков, так и ученых, она требует оперативного осмысления, которое возможно только с опорой на достижения науки и уже накопленный опыт.

Для политологии актуально рассмотрение воздействия материалов СМИ на взаимоотношения полиции и общества. Материалы оппозиционных СМИ нередко направлены на дискредитацию полиции, на

представление полицейских как жестоких преступников, пренебрегающих нормами закона. С другой стороны, СМИ нередко используют стратегию «героизации» полиции, которая всегда доблестно исполняет свой долг. Умело подобранные метафоры в одинаковой степени могут использоваться как в первом, так и во втором случае.

Цель проекта – выявить общие закономерности и национальные особенности метафорического моделирования образа полиции в электронных СМИ России, Украины и Белоруссии с учетом ситуационной динамики метафорического моделирования, прагматики, аксиологического модуса и политической позиции автора и редакции. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- отбор и систематизация «полицейских» метафор на основе корпусного анализа СМИ России, Украины и Белоруссии;
- уточнение концепции комплексного исследования дискурса полиции;
- теоретическое обоснование выбора экспериментального инструментария для моделирования дискурса полиции в СМИ; апробация методологии исследования в ходе пилотных экспериментов;
- анализ общих закономерностей метафорического моделирования образа полиции в СМИ России, Украины и Белоруссии;
- анализ национальных особенностей метафорического моделирования образа полиции в СМИ России, Украины и Белоруссии;
- изучение ситуационной динамики метафорического моделирования образа полиции в условиях острых политических ситуаций («Крымская весна», «Майдан», поствыборные протесты в Белоруссии и др.);
- сопоставительное исследование прагматического потенциала вербальных, визуальных и полимодальных (креолизованных) метафор;
- исследование взаимодействия в рамках текста политических метафор и других средств прагматического воздействия (аксиологемы, фейки, ярлыки, эффект постправды и др.).

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые крупный научный проект посвящен исследованию метафорического моделирования образа полиции на постсоветском пространстве. При рассмотрении более двух тысяч публикаций, посвященных метафорическому моделированию в различных регионах мира [Anikin, Budaev, Chudinov, 2015; Будаев, Чудинов, 2020; Чудинов, Будаев, Солопова,

2020], не обнаружено исследований, ориентированных именно на метафорическое моделирование образа полиции, и лишь в немногих зарубежных работах упоминается о метафорах, представляющих полицию в современных средствах массовой информации.

Обращаясь к более широкой проблеме, отметим, что теория и практика использования когнитивного моделирования объекта и прагматического воздействия на адресата в политической борьбе – это научное направление, которое активно развивается в различных государствах (R. Amossy, W. Benuit, S. Boukala, P. Chilton, T. A. Van Dijk, G. Lakoff, J. Mercieca, R. Wodak), том числе в России (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, В. В. Дементьев, О. С. Иссерс, Н. Б. Руженцева, О. А. Солопова, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.). Разнообразные подходы к проблемам взаимоотношения власти и СМИ обнаруживаются в многочисленных работах как отечественных, так и зарубежных исследователей (А. И. Бобков, О. С. Васильева, О. С. Возженникова, А. И. Дубнякова, В. Л. Кубышко, В. М. Крук, Д. Г. Передня, А. В. Тищенко, О. В. Ушакова, Ю. А. Шаранов, A. Baban, C. O'Connor, C. L. Rus, L. Ratiu, G. Vonas, J. L. Worrall, J. P. Walsh). Среди последних зарубежных публикаций выделим коллективную монографию под редакцией N. M. Montessori, M. Farrelly, J. Mulderrig [Critical, 2019], а также [Price, 2019].

Гибридный характер рассматриваемых проблем, которые находятся на пересечении лингвистики и политологии, предопределяет специфический характер их рассмотрения специалистами. Политологи, признавая реальную значимость вопроса о методах когнитивного моделирования, обычно не вдаются в «лингвистические тонкости», которые весьма значимы для языковедов. С другой стороны, лингвисты, увлеченные профессиональными приемами рассмотрения и классификации метафорических моделей тактик, не всегда учитывают политологические и социологические аспекты проблемы.

Ряд исследований относительно влияния метафор на принятие решений по социально-политическим вопросам доказывают, что метафоры, формируя образ мышления человека, могут напрямую воздействовать на решение сложных проблем [Thibodeau, Voroditsky, 2011]. А. Н. Баранов и Й. Цинкен в сопоставительном ключе проанализировали системы метафорических дескрипторов для русского и немецкого политического медиадискурсов, выявив отличительные черты

метафорической репрезентации политических реформ [Baranov, Zinken, 2003]. Дж. Чартерис-Блэк предложил использовать корпусный подход для исследования метафоричности политического дискурса [Charteris-Black, 2004]. В разработанном им методе критического анализа метафоры (Critical Metaphor Analysis) соединяются методы критического дискурс-анализа, корпусной лингвистики и теории концептуальной метафоры. Исследования в этой сфере продолжает монография А. Мусолффа [Musolff, 2016], в которой автор предлагает рассматривать системы метафор как «кластеры», которые реализуют в политическом дискурсе определенные «сценарии», в которых есть этапы «зарождения, развития и угасания». При этом политические метафорические сценарии одновременно и отражают тенденции политической сферы жизни общества, и формируют их.

При исследовании метафорического моделирования образа полиции будут использованы различные методики: от традиционных риторических и уже классических когнитивных и психолингвистических до самых современных – корпусных (цифровых), основанных на компьютерных методиках обработки обширных баз данных.

Ведущее место в нашем исследовании занимает метафора. Современные специалисты отмечают рост влияния метафор на принятие решений по социально-политическим вопросам, доказывают, что метафоры, формируя образ мышления человека, могут напрямую воздействовать на решение сложных проблем [Thibodeau, Voroditsky, 2011]. Метафора, отражая культурные ценности, может переносить их содержание на предмет речи, усиливая эффект речевого воздействия. В частности, З. Ковечеш писал о вариативности метафоры, обусловленной культурой [Kövecses, 2005]. Метафора, являясь важным и широко используемым выразительным средством, оказывает большое влияние на ход политической коммуникации.

Для рассмотрения столь объемного материала необходимо создать крупный лингвистический корпус, включающий материалы социальных сетей. В нашем исследовании будет использован созданный в УрФУ под руководством доктора филологических наук М. Ю. Мухина корпус, включающий материалы социальной сети «ВКонтакте» и записи (посты) за период с февраля 2019 по февраль 2020. Общий объем корпуса – около 26 млн записей (постов). Для практического

использования подготовлены материалы 1 327 474 постов (примерно 5% от общего объема корпуса), которые включают около 30,5 млн слов.

Ценность полученных данных заключается в неинституциональном и актуальном характере дискурса, который станет доступен для анализа. В рамках исследования планируется применение комбинированного подхода – интеграция методов коммуникативного, лингвистического, психолингвистического, дискурсивного, корпусного, сетевого анализа для комплексного изучения цифрового контента. Предполагается создать экспертный набор данных для автоматического формирования корпуса, включающего посты, комментарии пользователей социальной сети «ВКонтакте», а также блогов, форумов, персональных страниц и других источников, включая мессенджеры; для формирования запросов на поиск информации в источниках. Корпус будет регулярно пополняться новыми данными, что позволит отслеживать динамику.

Выявление и описание закономерностей метафорического моделирования дискурса власти планируются на основе теории концептуальных метафор, восходящей к Дж. Лакоффу и успешно развиваемой в современной политической лингвистике (А. Мусолфф, Ж. Фоконье и др.), в том числе российской (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова, А. П. Чудинов и др.).

Литература

1. Будаев, Э. В. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 56–70.
2. Чудинов, А. П. Политическая метафорология. Дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. – Москва : Флинта, 2020. – 236 с.
3. Anikin, E. Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication / E. Anikin, E. Budaev, A. Chudinov. // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 26–32.
4. Baranov, A. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode / A. Baranov, J. Zinken. // Metapher, Bild und Figur: Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten / Ed. by B. Symanzik, G. Birkfellner, A. Sproede. – Hamburg : Kovac, 2003. – P. 93–121.
5. Charteris-Black, J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis / J. Charteris-Black. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. – 263 p.
6. Critical Policy Discourse Analysis / ed. by N. M. Montessori, M. Farrelly, J. Mulderrig. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2019. – 296 p.
7. Kövecses, Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation / Z. Kövecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 314 p.

8. Musolff, A. Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios / A. Musolff. – London : Bloomsbury Academic, 2016. – 208 p.
9. Price, S. Discourse Power Address: The Politics of Public Communication / S. Price. – London : Routledge, 2019. – 264 p.
10. Thibodeau, P. H. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning / P. H. Thibodeau, L. Boroditsky. – Текст : электронный // PLoS ONE. – 2011. – № 6(2). – URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0016782> (дата обращения: 29.01.2022).

«БРАТ» И «BRATR» В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ю.А.Бурменкова

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород)

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ объема и содержания концептов «брат» и «bratr» в русской и чешской языковой картине мира. Материалом исследования послужили данные русских и чешских толковых словарей. По результатам исследования выделены общекультурные и этноспецифические когнитивные признаки концептов «брат» и «bratr» в русской и чешской языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт, брат, bratr, когнитивный признак, обращение, языковая картина мира

Цель исследования – выявить и сопоставить набор когнитивных признаков концептов «брат» и «bratr» в русской и чешской языковой картине мира. Материалом для исследования послужили толковые словари русского и чешского языков.

Основными словами-репрезентантами концепта «брат» в обоих языках выступают одноименные лексемы, выражающие его в наиболее полном объеме.

«Брат» – один из древнейших славянских терминов родства, и это отражено в первом когнитивном признаке концепта «брат» в русском языке: ‘сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям’ [1; 2; 3; 4]. В чешском языке ему соответствует когнитивный признак ‘sourozenec mužského pohlaví’ – «один из детей мужского пола» [5; 7; 8; 9]. Ср.: рус. *родной брат, двоюродный брат, сводный брат*; чеш. *nevlastní bratr, mladší / starší bratr* – «сводный брат», «младший / старший брат».

Второй когнитивный признак концепта «брат» в русском языке – ‘человек, близкий другому по духу, деятельности, интересам, положению, условиям’: *братья по перу, братья по оружию* [1; 2; 3; 4].

В чешском языке данному признаку нет однозначного соответствия, он конкретизирован в двух когнитивных признаках чешского концепта:

1. *‘člen některých církevních, zájmových nebo politických organizací (často jako oslovení uvnitř příslušné organizace)’* [5; 7; 9] – «член некоторых церковных, политических организаций или сообществ по интересам (часто в качестве обращения внутри организации)»: *Mnoho bratrů sokolů se zapojilo do ilegálního odboje* – «Много братьев-соколов¹ присоединилось к незаконному сопротивлению.

2. книжн. *‘příslušník téhož nebo příbuzného národa, člověk velmi blízký svou činností, svou příslušností (např. k témuž nebo příbuznému národu), druh’* [5; 7; 9] – «представитель той же или родственной нации, человек, очень близкий по своей принадлежности (например, к той же или родственной нации)»: например, *slovanští bratři* – «братья-славяне», *bratři ve zbraní* – «братья по оружию».

Если первый из данных признаков можно соотнести с русским ‘человек, близкий другому по духу, деятельности, интересам, положению, условиям’, то второй признак в современных русских словарях не зафиксирован, хотя встречается в БАС: ‘брат по отечеству (родине), национальности’ [3].

Третий когнитивный признак концепта «брат» в русском языке – ‘член религиозного братства; монах’ [1; 2; 3; 4] соответствует чешскому *‘člen náboženského společenství, mnišského řádu’* [8] – «член религиозной общины, монашеского ордена».

Четвертый когнитивный признак концепта «брат» в русском языке – ‘форма дружеского или фамильярного обращения к лицу мужского пола’ [1; 2; 3; 4]. В чешском языке данный признак выделяется только у разговорного «brácha» – «брат, братишка, братан» и исключительно в речи. Например, подвыпивший мужчина может у постороннего человека попросить сигарету: «Hele, brácho, nemáš cígo?» («Брат, слушай, у тебя сигареты не будет?»). Как форма обращения лексема «bratr» современными носителями чешского языка не используется.

Как мы видим, содержание концептов «брат» и «bratr», по данным толковых словарей, имеет существенные различия.

В чешском языке не зафиксировано такое значение слова «bratr», как «обращение к лицу мужского пола». Однако это значение отмечено во всех проанализированных русских словарях: использование

¹ Братья-соколы – члены спортивной организации Sokol.

терминов родства в коммуникации – это особенность русского общения, несвойственная западной коммуникации.

Однако отметим, что обращение «bratr» в чешском языке употреблялось как минимум до конца XV века, а потом исчезло из языка. В словаре старочешского языка, зафиксировавшем лексику чешского языка от его истоков и до конца XV века, приведены следующие значения слова «bratr» [6]:

1. '*bratr, sourozenec mužského pohlaví*' – «один из детей мужского пола»;

2. '*pokrevný příbuzný, zvl. syn otcova bratra, bratranec (od otcova bratra)*' – «кровный родственник, особенно сын брата отца, двоюродный брат»;

3. '*stoupenec Kristova učení, zvl. prvotní stoupenec Krista*' – «последователь учений Христа»;

4. '*řádový bratr, mnich, kněz*' – «член ордена, монах, священник»;

5. '*člen husitské obce*' – «член гуситской общины»;

6. '*řemeslník sdružený v cechu*' – «ремесленник, связанный с гильдией»;

7. '*v oslovení brach, druh, přítel ap.*' – «обращение к приятелю, другу, доброму человеку и т.п.».

Нельзя точно сказать, на каком временном промежутке это произошло, так как первые «самобытные» чешские толковые словари появились только в начале XX века, после выхода страны из состава Австро-Венгрии.

В Словаре старочешского языка одним из значений слова «bratr» было «обращение к приятелю, другу, доброму человеку». Возможно, такая форма обращения возникла в языке под влиянием деятельности сторонников гуситского движения, которые выступали за свержение немецкой олигархии и обращались друг к другу «bratříku» – братья. С исчезновением самой реалии (гуситского движения) была утрачена и форма обращения.

Кроме того, чешский язык, в отличие от русского, имеет общепринятую форму обращения к незнакомым людям – *pan/paní*. У чехов принято проявлять уважение к каждому человеку как к личности, поэтому фамильярная и дружеская форма обращения типа «brácha» или «bratr» в большинстве случаев оказывается недопустимой. Получается, что у

чехов просто нет потребности в создании новых языковых средств для обращения к незнакомым людям.

Возможно, обращение «bratr» появилось в чешском языке как языковое отражение подъемов национального самосознания, на волне единения чехов перед внешними и внутренними угрозами, но затем было утрачено языком вследствие отсутствия потребности в нем. Однако, как было сказано выше, членов некоторых церковных, политических организаций или сообществ по интересам по-прежнему называют «братьями», и в этом значении отражена историческая память о движении гуситов и затем и моравских братьев, продолживших деятельность гуситов в плане отпора рекаатолизации.

Появление обращения «брат» в русском языке, напротив, связано с отсутствием закрепленной в языке универсальной формы обращения. Такое обращение было принято в первоапостольских церквях, что видно из посланий апостолов, которые называли всех верующих братьями и сестрами: «А тем, которые приняли Его, верующим во Имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Евангелие от Иоанна, гл. 1, ст. 12). Согласно этому, все верующие по отношению друг к другу считаются духовными братьями и сестрами. Подобное отношение вытекает и из самого христианского вероучения, согласно которому все верующие являются детьми Божиими. С учетом того, что в России 80% населения верующих, а Чехия – одна из самых атеистических стран в Европе, такая разница в употреблении обращения «брат» с позиции влияния христианского вероучения на язык вполне объяснима.

И еще одно принципиальное различие в содержании русского и чешского концептов. Концепт «bratr» в чешском языке имеет когнитивный признак «представитель той же или родственной нации, человек, очень близкий по своей принадлежности», который в русском языке содержательно включен в когнитивный признак «человек, близкий другому по духу, деятельности, интересам, положению, условиям».

Если мы обратимся к иллюстративному материалу чешских словарей середины и второй трети XX в., то увидим, что в этом значении слово «bratr» употреблялось в основном по отношению к самим чехам и русским [7; 9]:

Němec nikdy Čechu bratrem – «немец никогда не будет братом чеху»

naši slovanští bratři – «наши братья-славяне»

naši ruští bratři – «наши русские братья»

В русском языке идеологема «братья-славяне» появилась в период Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда русские помогали угнетенным сербам, болгарам и др. На тот момент Россия была единственной государствообразующей славянской нацией и считалась единственной силой, способной поддержать национальные устремления славянских народов. Национальные движения славян с российской поддержкой действительно ослабляли враждебные России Османскую и Австро-Венгерскую империи. И Чехословакия, находясь под властью Австро-Венгрии, тоже воспринимала Россию как старшего брата в славянской семье, как возможную защиту. В XIX веке на волне возрождения национальной культуры в Чехии было сильно русофильское движение. После октябрьского переворота Чехия приняла у себя более 20 тысяч эмигрантов, а затем благодарилась России за освобождение Праги в 1945 г.

Словари, отражающие развитие языка в первой половине и второй трети XX в., отразили эту близость двух народов в значении слова «член того же племени, нации; друг, коллега». Но уже в XXI в. это и схожие значения слова представлены с пометой «книжное», то есть употребляются преимущественно в книжной речи.

Мы предполагаем, что такая конкретизация значения в чешском языке – закономерный итог стремления чешского народа к самоопределению и обретению единства внутри нации. Как малый народ, периодически находящийся под властью более сильного соседа, чехи надеялись на помощь братьев-славян, и до тех пор, пока они ее получали, идеологема «братья-славяне» была распространена. Однако после событий 1968 года, когда чехи стали строить социализм под руководством «большого брата», а коммунистические идеи насаждались насильно, отношения между двумя государствами кардинально поменялись.

В 1968 году, после вторжения советских войск, всего за одну ночь чешский поэт и исполнитель Карел Крыл написал песню «*Bratříčku, zavírej vrátka*» («Братишка, закрывай ворота!»). В этой песне

«братишка» – это не русский брат-славянин и не конкретный человек: Крыл обращается к своим соотечественникам.

Когда Чехия стала окончательно независимой, потребность в защите извне отпала, и это также отражено в языке. При этом мы не можем точно сказать, сознательно или естественно обращение «брат» в значении «приятель, товарищ» было вытеснено чешским языком.

Таким образом, по результатам исследования были выделены общекультурные и этноспецифические когнитивные признаки концептов «брат» и «bratr» в русской и чешской языковой картинах мира. Полученные результаты – яркий пример того, как в языке отражается история и менталитет народа.

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.
2. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. А – Й. 1981. – 698 с.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965: В 17 т. Т. 1. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 444 с.
4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1: А – Кюрины / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. – 1562 стб.
5. Akademický slovník současné češtiny [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slovníkcestiny.cz/heslo/bratr/0/2610> (дата обращения: 28.12.2021).
6. Elektronický slovník staré češtiny [Электронный ресурс]. URL: https://ujc.avcr.cz/elektronicke-slovníky-a-zdroje/Elektronicky_slovník_stare_cestiny.html (дата обращения: 28.12.2021).
7. Příruční slovník jazyka českého (1935–1957) [Электронный ресурс]. URL: https://ujc.avcr.cz/elektronicke-slovníky-a-zdroje/Prirucni_slovnik_jazyka_ceskeho.html (дата обращения: 28.12.2021).
8. Slovník současné češtiny [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nechybujte.cz/slovník-soucasne-cestiny> (дата обращения: 28.12.2021).
9. Slovník spisovného jazyka českého (1960-1971) [Электронный ресурс]. URL: https://ujc.avcr.cz/elektronicke-slovníky-a-zdroje/Slovník_spisovneho_jazyka_ceskeho.html

РУССКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫКИ В ЭФИРЕ РАДИОКАНАЛОВ БЕЛАРУСИ

М.А. Гладко

glad_26@tut.by

Минский государственный лингвистический университет
(Минск)

Белорусские средства массовой информации функционируют в условиях государственного двуязычия. Многолетняя история сосуществования на одном географическом пространстве русского и белорусского языков породила своеобразную языковую ситуацию. Ее специфика состоит в том, что в ней одновременно существуют два государственных языка: белорусский и русский. Причем последний является наиболее употребительным в таких сферах, как образование, наука и техника, культура, государственное управление, делопроизводство и бытовое общение.

Белорусский радиоконтент отражает бинальное функционирование русского и белорусского языков. Поэтому изучение особенностей их функционирования в радиопространстве представляется актуальным в контексте роли и особенностей языкового кода в коммуникативном радиопространстве. Цель статьи — установить особенности реализации русского и белорусского языков в современных белорусских радиопрограммах, выявить функции их использования. В ходе исследования проведен контент-анализ 300 национальных радиоканалов на предмет использования двух государственных языков в эфире за период 2015-2022 гг.

Язык радиовещания во многом обуславливается концепцией и целью канала. Так, основной язык вещания государственных каналов «Культура», «Столица» – белорусский. В эфире звучат информационные, познавательные и музыкально-развлекательные программы; обсуждаются актуальные общественно-политические, экономические события, правовые вопросы, национальные культурные достижения; транслируются инсценировки литературных произведений. Особое место занимают программы, посвященные истории и культуре Беларуси, путешествию по городам и местечкам Беларуси, позволяющие совершить экскурс в историю и прикоснуться к богатому культурному наследию Беларуси. Соответственно, основной целью радиоконтента

на белорусском языке является идентификация национальной культуры, формирование национальной идентичности.

Все остальные каналы, формирующие радиопространство Беларуси, осуществляют вещание преимущественно на русском языке. Вместе с тем среди множества русскоязычных радиопередач, в сетке некоторых радиостанций выделяются познавательно-развлекательные, познавательно-музыкальные программы на белорусском языке, ориентированные на популяризацию лексики белорусского языка: «This is мова» (Радио Юнистар), «Палічка» (радиостанция Минская волна).

В рамках одной радиопрограммы в качестве языкового кода может использоваться: а) только белорусский язык, б) только русский язык, в) русский и белорусский языки одновременно.

Исключительно белорусскоязычные радиопередачи в основном посвящены истории и культуре Беларуси, белорусскому языку и литературе. Автор, участники передачи (в основном представители культуры, учителя белорусского языка) разговаривают на белорусском языке. Эти передачи нацелены в первую очередь на интеллектуалов, людей, интересующихся культурным наследием родной страны. Языковые единицы в совокупности с национально маркированной информацией, которую они передают, ориентированы на создание ауры ментальности, культуры белорусского народа.

Моно-, русскоязычные передачи имеют более широкую тематическую палитру: национальные и мировые политические, общественно-политические, культурные события, правовые вопросы, волнующие граждан страны, образовательные (специализирующиеся на определенной сфере: автомобили, воспитание детей и т.д.) и развлекательные темы (музыка, открытия, интересные, любопытные, забавные факты, громкие происшествия и т.д.). Такие передачи нацелены на более широкую целевую аудиторию, большее число слушателей.

Для радиоэфира характерна ситуация переключения языкового кода в рамках одной передачи. Переключение кода осуществляется: 1) в зависимости от блока радиопередачи, 2) в рамках коммуникативной ситуации.

Переключение языкового кода в радиопространстве в подавляющем большинстве случаев обусловлено языковыми предпочтениями говорящих. Особенностью радиокommunikации является оформление

начала и в ряде случаев завершающей части передачи на белорусском языке. Непосредственно основная часть, представленная жанрами: интервью, беседа с гостями, радиосообщение, обзор, комментарий, радиоочерк, радиорассказ - осуществляется на русском языке.

Иллюстрацией переключения языкового кода в рамках познавательной радиопередачи является программа «Залатое сячэнне». Оформление вступительного и заключительного блоков на белорусском языке выполняет идентифицирующую функцию, позволяющую акцентировать внимание слушателя на национальной, этнической составляющей, принадлежности сообщаемой информации к национальном сфере. При переходе к собственно информативной части включается русский язык:

Ведущая: Праграма Залатое сячэнне пратягвае бенефіс. І я вітаю у студыі гасця – мастацтвазнаўца Алега Рыгоравіча Ойстраха.

О. Ойстрах: Добрый вечер! Эти последние весенние дни перед летом. ... Эта последняя передача будет посвящена человеку, ... о котором можно говорить бесконечно, ибо грани его таланта, его гений действительно безграничны, сколько бы мы ни встречались с его великим творчеством. Это – Марк Шагал [«Залатое сячэнне», 25.09.2017].

В целом в коммуникативном пространстве радио соблюдается максима вежливости, проявляющаяся в использовании в общении языка, который знает собеседник. Так, русский язык используется в беседе с русскоговорящим партнером, чтобы обеспечить комфортность коммуникативного взаимодействия. Вместе с тем коммуникативно обусловленное переключение кодов наблюдается в радиопередачах о новом поколении, молодых людях, их увлечениях, интересах. Ведущие беседуют с русскоговорящим гостем на белорусском языке:

Ведущая: Вы пачуеце шчырую гісторыю пра узлеты і падзенні. Гісторыя, якая вучыць, але не навучае. З якой кожны можа узяць нешта для сябе. Прывітанне, Аляксандр. Вельмі прыемна вас убачыць у нашай студыі. Распачнем з таго, як пачалося ваше знаёмства з шоу-бізнесам увогуле.

Гость: У нас была група в 90 каком-то четвертом, что ли. Называлась она Конфликтная ситуация. Культовый состав там был...

Ведущая: Вас цікавіла больш музыка, чым...

Гость: *Да, интересовала музыка, продвижение альтернативной музыки. Дальше историю?*

Ведущая: *Ну, мне цікава як усе скончылася [«Пакаленне.ВУ», 6.06.2018].*

Диалогическое переключение кодов неслучайно. Оно призвано демонстрировать принадлежность к определенному социуму – молодого поколения талантливых людей, говорящих на русском языке, и более старшего поколения, хранящего традиции белорусского языка, но интересующегося жизнью и творчеством молодежи. Коммуникативной целью кодового переключения становится акцентуация идеи преемственности и связи поколений.

Таким образом, белорусское радио пространство демонстрирует большую тематическую и жанровую вариативность при выборе русского языка. Однако в силу идейной составляющей государственных радиоканалов различные сферы жизни общества (общественно-политическая, культурная, социально-экономическая, развлекательная) кодируются посредством национального языка. Вместе с тем ориентация на широкую аудиторию, социальный контекст заведомо требуют маркированное переключение кодов, преимущественно обусловленное ориентацией на языковые предпочтения собеседников (гостей) радиопрограмм.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПЕРЕВОДНОМ ДИСКУРСЕ: ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В АЛЛЮЗИЯХ ТУВИНСКИХ ПОЭТОВ

Е. Н. Антонова¹, О. Н. Волкова²

stchl@yandex.ru¹, aurumgolden@yandex.ru²

ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»
(Москва)¹

МБУ «Центр психолого-педагогической,
медицинской и социальной помощи» Суземского района
(Брянская обл.)²

В стихах русских авторов, в отличие от тувинских, образ животного является преимущественно фоновым. Однако для поэтического мира любой лингвокультуры зооморфная концептуализация становится инструментом создания символов и тропов, поскольку стихи как когнитивно-эмотивные структуры отражают приоритеты и акценты целого этноса. Данная синергия объясняет широту творческой мысли и глубину мотивов, образов, коннотаций и т. д. в мастерской художников слова. В коннотативно-прагматическом ключе образная типология концептов на примере изображения различных групп животных [8] может быть охарактеризована по следующим направлениям.

1. По наличию концептуальной контаминации (количество образов животных в одном поэтическом контексте). Сказочный сюжет (аллюзия к концовке сказки «Колобок», переведенной на многие языки, и другим идентичным сказочным сюжетам) прослеживается в стихотворении Сергея Пюрбю «Сообразительная мышь»: *«Полевая мышка там нашла приют. / Рыжий Лис, как камень замер неподвижно»* [7]. В данном лирическом тексте мышь ловко провела Лиса, однако во многих сказках лиса выступает как самое хитрое животное, это отражается и в поговорках: *«Лиса собаку хвостом обманывает»* или *«Хитер, как лиса, / Ловок, как белка»* [6, с. 25]. Изображение мыши в поговорках также носит противоречивый характер: *«Торопливая мышь в молоке утонет»* [6, с. 24]. Представлены смысловые параллели с иными фольклорными произведениями, в частности с тувинской народной сказкой «Две мыши». Наблюдаются сквозные аллюзии в фольклорных жанрах – поговорки и сказке, где в иносказательной форме изображаются разные животные. Похожий сюжет представлен в стихотворении «Хитрая белка» (Сергей Пюрбю) [7], завершённом

басенной моралью. В стихотворении «Первая волна» (автор и переводчик – Эдуард Мижит) также обнаружена концептуализация двух образов: «*Я был и бабочкой, и воробьем, / Почти не видел разницы меж нами*» [9].

В русскоязычной интерпретации (перевод на тувинский язык Монгуша Кенин-Лопсана) интересен поэтический текст Светланы Козловой «Звуки речи азиатской», в котором также фигурирует концепт «животное», в том числе и имплицитно. Язык как коммуникативный инструмент представлен так: «*это резкий клич орлиный*», «*песня жаворонка в небе*», «*а еще – копытный топот / по дороге к перевалу*» [5]. Наблюдается три образа в одном стихотворении, как и в следующем контексте, в котором концептуальная контаминация животных является фоном для изображения родного края: «*Вновь над Тувой / встал солнца круг – / весенний мир / звенит вокруг! / ...Кукушки зов / то там, то тут... / ...Вот бабочки, – / как снег, легки... / ...И золотом / блеснул малек*» (Комбу Бижек, «Весеннее солнце», авторизованный перевод с тувинского В. Гордеева) [7].

Четыре и более образов находим в стихотворениях: «*не боимся волка!*», «*убегай, рогатый лось!*», «*эй, медведь! Спрячь шубу!..*», «*это – из гнезда птенцы / уронили шишки*» (Комбу Бижек, «Храбрецы», авторизованный перевод с тувинского В. Гордеева) [7]; «*Есть щенок у Кокерека, / удивительный щенок! / ...самый храбрый в мире пес... / ...Если ж курицу увидит, / выдрать хвост он ей готов! / ...А теленку эта кроха / волка серого страшней... / ...слышит песни птиц над лугом... / ...Тут же бабочка цветная / рассердилась...*» (Экер-оол Кечил-оол, «Ак-Тос», перевод В. Потёмкиной) [7]. Образ «серого волка» (см. русские народные сказки) в устном народном творчестве имеет ярко выраженные отрицательные коннотации.

Смысловая контаминация в поэзии может быть представлена в ином морфологическом выражении: «*В пустынном воздухе возник / и резко прокатился крик. / Звериный? / Птичий? / Человечий?*» (Галина Принцева, «Метель») [7].

2. По репрезентации областей общественной жизни. Выделим три обобщенных области, работая по данному направлению.

Коммуникативная сфера:

И, увидев тот обман,

Так и замер караван.

*И скалою обернулся
Весь верблюжий караван.
...который век подряд
В цикле летоисчисленья
Мыши первыми стоят.*

*...Если будете в Туве,
Подойдите к той скале.
Краше скал
И величавей*

Не встречал я на земле! (Куулар Черлиг-оол, «Верблюд-скала», перевод с тувинского Н. Карпова и Т. Веселовой) [7].

Этот текст представляет собой опоэтизированное сказание-аллегорию о том, как мышь перехитрила верблюда и получила первенство «в цикле летоисчисленья». Представлена интересная интерпретация известной легенды (существуют ее разные варианты) о двенадцати животных китайского гороскопа, согласно которой крыса перехитрила быка и прибыла первой по приглашению на день рождения Желтого или Нефритового Императора (по другой версии – на праздник к Будде). В данном стихотворении наблюдается событийная контаминация: обозначенная легенда и объяснение происхождения тувинского топонима.

Верблюд в качестве лирического образа предстает и в других ракурсах, например, в паремиях: «*У себя на голове верблюда не заметит, / У товарища на голове иголку увидит*» [6, с. 21]. Просматривается аналогия с русской паремией «*В чужом глазу соломинку видеть, в своём – бревна не замечать*». Аксиологии, фразеологии, паремиологии и афористике, лингвокультурному трансферу в поэзии посвящены следующие работы [1; 2; 3; 4].

Бытовая сфера: «*Старое пальтишко / с заплаткой на боку – / серый воробышка / стынет на суку*» (Экер-оол Кечил-оол, «Воробышка», перевод Ю. Щербака) [7]; «*Я смочу водою глину, / Смастерю на весь колхоз / ...Лошадей, верблюдов, коз*» (Степан Сарыг-оол, «Вода – моя игра») [7]; «*Жизнь моя – / Овечьи отары пасла с малолетства*» (Шончалай Мааты-Оол, «Жизнь моя...», перевод Е. Богдановой) [7].

Культурная сфера: «*Журавли... Во все века / тувинцы / в этих птиц не выпускали стрел – / чтили как богов. Считали люди – / нет*

священной птицы, чем журавль!» (Александр Даржай, «Журавли – парные птицы», перевод с тувинского В. Евпатова, А. Смольникова, И. Слепнева, Д. Самойлова) [7]. Эксплицитная фольклорная аллюзия в структуре поэтического текста в форме поверья воспринимается как прямая отсылка к устному народному творчеству.

В стихотворении «Зеленый конь» также есть ссылка на фольклор: *«Доводилось не раз слышать мне / В детстве сказку от древних старух: / Мол, блуждает в родной стороне / Ээрен – добрый дух», «Встретишь вновь ээрена во сне – / Попроси-ка о том, чего нет: / О зеленом коне»* (Александр Даржай, перевод с тувинского В. Евпатова, А. Смольникова, И. Слепнева, Д. Самойлова) [7]. В тувинской мифологии Ээреном называли доброго духа.

3. По типу художественного тропа в рамках поэтической структуры. Изобразительно-выразительные средства с включенной концептуализацией животных играют важную роль и в поэзии, и в фольклоре. Приведем примеры.

Сравнение: *«Как будто это / и не почки – / цыплят пушистые комочки / сбежали от своей наседки...»* (Комбу Бижек, «Вербь», авторизованный перевод с тувинского В. Гордеева) [7]. Летящий конь является распространенным художественным символом, в том числе мифологическим (Пегас) и фольклорным (Аран-Чула), изображается, например, в таких поэтических строках: *«Лети, мой конь, / Стрелю к цели, / Быстрее ястреба лети!»* (Куулар Черлиг-оол, «Мой конь», перевод с тувинского Н. Карпова и Т. Веселовой) [7]; *«Улетели от нас на крылатых конях / Озорные мальчишки – в далекую даль...»* (Александр Даржай, «На лугу», перевод с тувинского В. Евпатова, А. Смольникова, И. Слепнева, Д. Самойлова) [7].

Эпитеты и метафоры наряду со сравнениями: *«...И впрямь скакун стрелю быстрой стал... / как будто птицей прямо в небо взмыл он! / Гнедой скакун, конь мой быстроногий»* (Экер-оол Кечил-оол, «На скачках», перевод С. Козловой) [7]; *«...теперь неслась, как рыжий лис, / сметая след хвостом-волною»* (Комбу Бижек, «Полуденный портрет», авторизованный перевод с тувинского В. Гордеева) [7]. Типичный фольклорный образ – лиса, заметающая своим хвостом следы.

Эпитет на базе деминутива: *«Спешит к реке напиться / лобастенький бычок»* (Комбу Бижек, «Победитель», авторизованный перевод с тувинского В. Гордеева) [7].

Метафора: *«Но оттуда я возвращался / такой же усталый / от попыток ускользнуть / из лап кровожадных драконов / времени / охраняющих горы и горы, / бессмысленно нагроможденных / смыслов»* (Эдуард Мижит, «На грани») [7]. В структуре поэтического текста фигурирует мифическое животное – дракон.

Олицетворение: *«И туча обернулась вдруг / волшебной кобылицей»* (Комбу Бижек, «Кузница грозы», авторизованный перевод с тувинского В. Гордеева) [7]. Волшебная кобылица – обобщенный сказочный образ.

Скрытое сравнение, олицетворение, фольклорный и литературно-художественный образ золотой рыбки, умеющей говорить и претворять мечты в жизнь, лежит в основе следующих поэтических строк: *«Золотой ныряет рыбкой / наше солнце в Енисей»* (Комбу Бижек, «Бабочки», авторизованный перевод с тувинского В. Гордеева) [7].

Присутствует прием сопоставления: *«Птицы молодые рвутся в поднебесье – / Если жить на свете, надо жить как в песне»* (Александр Даржай, «Благодарность юрте», перевод с тувинского В. Евпатова, А. Смольникова, И. Слепнева, Д. Самойлова) [7]; *«Летают птицы и поют, / И облака гурьбой плывут»* (Леонид Чадамба, «Утро», перевод Л. Батуриной) [7].

Иллюстрацией по данному аспекту выступает текст «Летающая загадка» (Экер-оол Кечил-оол, перевод В. Аушева) [7] как фольклорная аллюзия, в основе которой – изображение бабочки.

4. По эмотивно-оценочному принципу.

Положительные оценки: *«Рассветный танец журавлей – / предвестие счастливых дней»* (Комбу Бижек, «Журки-журавли», авторизованный перевод с тувинского В. Гордеева) [7]; *«Как крылья бабочек прекрасны!»* (Комбу Бижек, «Бабочки», авторизованный перевод с тувинского В. Гордеева) [7]; *«Но и поныне / говорит народ: / «Дал человек / Коню узду свою, / А конь копытом / Победил змею»* (Олег Сувакпит, «Черно-пестрая змея») [7]. В последнем контексте присутствует эксплицитное указание на народные предания. В паремиологическом ключе вспоминается пословица: *«Злой человек – как змея»* [6, с. 34]. Помимо фольклорных аллюзий, концептуализирующих образ животного в тувинской лирике, паремии отражают духовно-этическое начало, носят назидательный характер. Большинство из них имеет

аналоги в русской паремиологии, поэтому речь идет о лингвокультурологическом диалоге.

Отрицательные оценки: «Унылое мерцанье их <звезд> / Напоминает взгляд / Овцы, которая своих / Утратила ягнят» (Александр Даржай, «Звезда», перевод с тувинского В. Евпатова, А. Смольникова, И. Слепнева, Д. Самойлова) [7]; «Коршун кычет в небе утром рано. / Вдруг меня накрыло тенью зла: / Я увидел образ Чингисхана, / Что над миром распростер крыла» (Александр Даржай, «Подражая ржанью жеребенка», перевод с тувинского В. Евпатова, А. Смольникова, И. Слепнева, Д. Самойлова) [7].

Таким образом, аллюзивные свойства поэтических текстов часто формируются под влиянием фольклорных традиций, в том числе паремиологических, в большей мере отражающих народную мудрость. Кроме того, в прагматике художественного мира русскоязычной переводной тувинской лирики важная роль отведена концептуализации животных с учетом этнокультурных, лингвосоциальных и иных факторов. Изучение русского языка в переводном дискурсе лишний раз убеждает исследователей в безграничных возможностях нашего средства общения.

Литература

1. Антонова Е. Н. Аксиологический компонент в дискурсе поэтической фразеологии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Материалы международной научной конференции. 2018. – С. 199–203.
2. Антонова Е. Н. Фразеолого-паремиологический аспект языковой личности в синхронии лингвокультуры // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 1. – С. 71–78.
3. Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. 2020. № 60. – С. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>
4. Голованевский А. Л., Сычёва Е. Н. Афористика и фразеология, или афористическая фразеология (на материале поэзии Ф. И. Тютчева) // Устойчивые фразы в парадигмах науки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского. ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого». 2015. – С. 247–252.
5. Николай Куулар. Переводчик мира книг [Электронный ресурс] // Газета «Центр Азии». Люди центра Азии. ЦА № 16 (20–26 мая 2016). URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2016/16/5291-nikolay-kuular.-perevodchik-mira-knig.html> (дата обращения: 25.02.2022).

Русский язык в поликультурном мире (8 – 12 июня 2022 г.)

6. Пословицы и поговорки тувинского народа. Автор-составитель Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт “Радуга Тувы”», 2020. – 112 с.
7. Поэзия (на русском языке) [Электронный ресурс] // Детский литературный сайт «Радуга Тувы». URL: <https://tuvacheleesh.ru/7232> (дата обращения: 25.02.2022).
8. Самарин А. В. Образная типология концептов в словаре и тексте (на материале лексико-семантических групп «Насекомые», «Птицы» и «Животные») // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2007. – 168 с.
9. Тувинский язык [Электронный ресурс] // Проект МИА «Россия сегодня». «Портал национальных литератур». URL: <https://rus4all.ru/tyv/> (дата обращения: 25.02.2022).

КОНЦЕПТЫ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Е.В. Полякова, Люй Сыци

Lelya2008-72@mail.ru ; lvsiqi@mail.ru

Российский университет дружбы народов
(Москва)

XXI век ознаменовался в науке сменой научных парадигм (Т. Кун): «тектонический сдвиг» затронул все области научного знания, в том числе филологию. Имманентный подход к языку, в рамках которого он изучался как «*causa sui*», сменился на антропоцентрический вектор, где точкой отсчета стал Человек как сложный феномен со своими биологическими, когнитивными, поведенческими, социальными, культурными настройками. Как отмечает Е.С. Кубрякова [4, с. 49], для филологии нового времени (заметим, что «смерть чистой лингвистики» была провозглашена еще в конце XX века) характерны такие тенденции, как междисциплинарность, экспланаторность и неофункционализм. Междисциплинарность мы выделяем особо. Синергетическое слияние концептуальных полей нескольких дисциплин, исследующих общий объект, дало импульс к возникновению и развитию целого ряда дисциплин «смежного типа»: психолингвистики, лингвокультурологии, политической лингвистики, транслингвального литературоведения и многих других.

В диахроническом аспекте такие науки, как лингвокультурология, еще только в начале пути своего становления. Активно разрабатывается их концептуальное поле; формируется терминологический тезаурус, способный обслуживать новую область знания; апробируются различные методы исследования.

У лингвокультурологии немало сторонников и противников. Последние отказывают ей в статусе науки, настаивая, что разработанные в ее рамках эпистемы не верифицируемы. Можно ли установить связь между языком и мышлением, доказать взаимную корреляцию этих феноменов, обосновать (как это делает А. Вежбицкая [1]), что в самом грамматическом строе языка, его синтаксисе и этноспецифической лексике заложен уникальный *modus vivendi* того или иного народа? Однако разработки новейшего времени дают нам убедительные

ответы на поставленные вопросы. Так, лингвист Г. Дойчер пишет: «Реальное воздействие родного языка формирует привычки, которые развиваются посредством частого использования определенных способов выражения. Понятия, с которыми мы обучены обходиться как с разными, информация, которую наш родной язык вынуждает нас передавать, детали, к которым он требует от нас внимания, и повторяющиеся ассоциации, на которые он нас наводит, – все эти речевые привычки могут переходить в привычки мышления, что значит гораздо больше, чем знание языка как таковое» [3, с. 295].

О языке как «духе народа» писал еще В. фон Гумбольдт; этот тезис стал для современной лингвистики аксиоматическим. Большое значение для подкрепления научного базиса лингвокультурологии имеют изыскания Г.Д. Гачева, который пишет о национальных образах мира, порожденных культурами разного типа – ургийной и гонийной. В первом случае это культуры, созданные целенаправленными действиями коллектива по освоению пространства; во втором – культуры «стихийные», порожденные теми климатическими и географическими особенностями, которые диктуют сообществу способы вживания в окружающий мир [2]. По мнению ученого, каждая культура несет в себе Психею – уникальную душу, самобытность которой заложена самой природой бытования этноспецифического коллектива.

О том, что «Психея» как дух народа незримо присутствует в языке, свидетельствуют огромные корпуса текстов – это и паремиологические фонды языков, и язык художественной литературы, и узуальный дискурс, внутри которого циркулируют одни и те же языковые элементы, ежедневно отбираемые носителями языка в речевой практике. На материале обширного лексического фонда языка становится возможным реконструировать базисные концепты культуры: они отличаются рекуррентностью, ретранслируемостью, тесно связаны с архетипическими первоосновами культуры. Под архетипами мы подразумеваем воспроизводимые из поколения в поколения паттерны коллективного бессознательного, обладающие универсальным содержательным ядром и этноспецифической ближней и дальней перифериями. К таким базисным концептам мы относим и дихотомию «Жизнь – Смерть». В строгом смысле это концепт-гипероним: его гипонимические корреляты очень многообразны и выходят далеко за пределы

дериватологических цепочек. Так, концепт «Жизнь-Смерть» может быть реконструирован (хотя и под знаком астериска) из широкого культурологического контекста, где однокоренные репрезентанты его вербального воплощения вовсе не будут представлены. Тем не менее, на уровне герменевтического комментария установить их – реальная задача. В настоящей работе мы хотели бы сосредоточиться на произведениях китайской классической поэзии, где указанный концепт-дихотомия представлен имплицитно или эксплицитно. Стихотворения, переведенные на русский язык выдающимся знатоком китайской поэзии Б. Мещеряковым – это топос встречи языков и культур. Происходит ли в данном случае аккультурация? Имеют ли сходство в двух языковых системах, относящихся к разным типам и языковым семьям, эти базисные концепты?

Предпринятый нами анализ продиктован не праздным интересом, но вполне прагматическими интенциями. Установление ментальных схождений и расхождений в интерпретации базисных концептов – важная пресуппозиция для дальнейшей работы исследователя-аутсайдера (которым является один из авторов настоящей работы) с единицами языка, который не является для него первичным.

题破山寺后禅院²

作者：常建

清晨入古寺，初日照高林。
曲径通幽处，禅房花木深。
山光悦鸟性，潭影空人心。
万籁此都寂，但余钟磬音。

Чан Цзянь (708 — 765)

В зале для медитации за храмом монастыря обрушенной горы

Раннее утро / входит в старинный храм;

² Мещеряков Б. Перевожу китайскую классическую поэзию.
https://vk.com/feed?c%5Bq%5D=%23%EF%E5%F0%E5%E2%EE%E6%F3_%EA%E8%F2%E0%E9%F1%EA%F3%FE_%EA%EB%E0%F1%F1%E8%F7%E5%F1%EA%F3%FE_%EF%EE%FD%E7%E8%FE§ion=search

Первое солнце / светит на стройный бор.
Тайные тропы / к чаньским ведут скитам;
Тихие кельи / прячет цветов убор.
Гор светозарность / птиц веселит сердца;
Отблески пруда / опустошили дух.
Звуки природы / стихли все до конца;
Звоны молений / мой наполняют слух.

Чан Цзянь – поэт-странник; как многие просвещенные люди своего времени, он мечтал добиться должности в столице, но его карьерные амбиции не оправдались. В приведенном стихотворении – реконструкция реального эпизода из жизни поэта. Он посещает один из главных буддийских монастырей эпохи династий Тан и Сун, который в те времена именовался Пошаньсы («Монастырь обрушенной горы»). Каждый элемент стихотворения значим для понимания той культуры, внутри которой было создано произведение. Так, «чаньские скиты» – хижины, где монахи занимались медитацией. Однако в прямом переводе «чань» означает «созерцание»

Созерцание в буддийской культуре тесно связано с такими понятиями, как «дух», «разум», «сознание». Именно дух и разум, по мнению китайских философов, отличают человека от прочих форм жизни. Мир иллюзорен; его постижение невозможно эмпирически. Чувственный опыт должен быть преодолен с помощью созерцания, главное назначение которого – сделать сознание человека «пустым» (кит. 空人心), чтобы прозреть, постичь трансцендентную сущность бытия.

Очень важна здесь следующая деталь: лирический герой смотрит не на горы, но на их отражения в монастырском пруду. Мотив отражения очень важен: видимый мир иллюзорен настолько же, насколько отражение вещи не есть сама вещь. Внешний мир перестает существовать для героя: затихают звуки природы, слышны лишь удары гонга.

野望³

作者：王绩

³ Мещеряков Б. Перевожу китайскую классическую поэзию
https://vk.com/feed?c%5Bq%5D=%23%EF%E5%F0%E5%E2%EE%E6%F3_%EA%E8%F2%E0%E9%F1%EA%F3%FE_%EA%EB%E0%F1%F1%E8%F7%E5%F1%EA%F3%FE_%EF%EE%FD%E7%E8%FE§ion=search

东皋薄暮望，徙倚欲何依。
树树皆秋色，山山唯落晖。
牧人驱犊返，猎马带禽归。
相顾无相识，长歌怀采薇。

Ван Цзи (585 — 644)

Смотрю вдаль

Восточная Пойма... / Смотрю на дальний закат.
Бесцельно блуждаю... / Опору где обрести?
За кроною крону / осенний красит наряд;
Гора за горою / последней зарёй блесит.
Пастух подгоняет / к деревне стадо телят;
С добычей богатой / охотник скачет домой...
Здесь лица чужие / повсюду встречает взгляд.
О «непокорённых» / напев безутешный мой...

Ван Цзи, уроженец провинции Шаньси, поселился в деревне Дунгао после выхода в отставку. Следует отметить, что у топонима «Донгао» существует ряд позитивных корреляций: благодаря поэзии Тао Юаньмина он обрел славу «рая сельской жизни», простого и честного труда. Пример Тао воодушевлял Ван Цзи. Лирический герой слагает печальную песню, навеянную словами мудрецов Бо-и и Шу-ци. Когда-то они отказались служить У-вану. Разочаровавшись в правителях, они ушли в горы, питаясь папоротниками. «Жизни нашей пришел конец», говорилось в строках этой песни. «О непокоренных напев безутешный мой», — поет Ван Цзи. Эта строка должна быть должным образом содержательно эксплицирована.

Бо-и и Шу-ци, отказавшиеся служить правителю государства Чжоу (который захватил их родину), удалились далеко в горы, где стали отшельниками. Они питались лишь чистоустом и орляком — двумя видами папоротника, и погибли от истощения. Их смерть потомки воспринимали как подвиг чести. Для нас это важный комментарий: честной должна быть не только жизнь, но и смерть.

В приведенных стихотворениях концепт «Жизнь-Смерть» может быть реконструирован на уровне таких дифференциальных сем, как «созерцание», «дух, сознание», «пустота», «подвиг», «честь». Что немаловажно, смерть должна быть такой же нравственно высокой, как и жизнь. Это еще раз свидетельствует об антиномической слиянности двух полюсов рассматриваемого концепта.

Литература

1. Вежбицкая А. Языковые универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 446 с.
3. Дойчер Г. Сквозь зеркало языка. М.: АСТ, 2016. 382 с.
4. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Актуальные проблемы современной лингвистики. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 46 – 59.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ КОММЕНТАРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: РЕФЛЕКСИИ *В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА* КАК ЯЗЫКОВОЙ МЕХАНИЗМ МАНИПУЛЯТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т.Б. Радбиль

timur@radbil.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
(*Нижний Новгород*)

В работе рассматриваются прагмасемантические особенности функционирования метаязыкового комментария *в буквальном смысле слова* в дискурсе современных российских сетевых СМИ.

Методологической основой работы являются теоретические принципы анализа «языка культуры» и «языка ценностей» [7; 9], а также научный инструментарий лингвокультурологической интерпретации активных процессов в современном русском языке [10; 11; 14]. В качестве непосредственного метода использована оригинальная технология логического анализа метаязыковых комментариев, разработанная в наших предыдущих исследованиях [7; 8]. Материалом исследования являются контексты из газетного корпуса НКРЯ и некоторых русскоязычных сетевых медийных изданий в интернете.

Роль метаязыковых комментариев (или рефлексивов [4]) в организации речевого взаимодействия посредством формирования так называемой «метаязыковой оправы» текста [3] представляется крайне существенной. При этом в дискурсах «активного воздействия» (термин О.В. Соколовой [13]), к которым, несомненно, относится и медийный дискурс, особенно в его сетевой разновидности, метаязыковые комментарии зачастую выступают как языковые механизмы моделирования позиции говорящего, как средство выражения его разнообразных интенций. С точки зрения логического анализа языка, рефлексивы являются метаязыковыми операторами модальных, смысловых и оценочных преобразований комментируемых выражений, причем с

разнообразными интенциями говорящего, не всегда направленными на коммуникативное сотрудничество.

Все это в высшей мере справедливо и для рассматриваемого в работе метаязыкового комментария *в буквальном смысле (слова)*. На первый взгляд, исходя из его прямого значения, данный метаязыковой комментарий употребляется говорящим (автором) исключительно в целях уточнения семантики слов и выражений для оптимизации коммуникации в операционной среде действия принципа кооперации. Это было бы верно, если бы данный рефлексив употреблялся говорящим в прямом, неидиоматичном смысле. Однако наши наблюдения свидетельствуют об обратном: *Двухлетний британец Элфи Клэмп в буквальном смысле слова шокировал врачей* [<https://dni.ru/society/2011/4/13/210600.html>].

В этом примере можно заметить, что экспликация установки на буквальную интерпретацию выражения избыточна, потому что никакого «небуквального» смысла, который мог бы предполагаться по умолчанию в зоне адресата, у слова *шокировать* ‘приводить в смущение нарушением правил приличия, общепринятых норм’ просто нет. Иными словами, у адресата просто отсутствует возможность альтернативной, непредвиденной говорящим трактовки смысла предлагаемого высказывания, от которой говорящий мог бы «страховаться» посредством употребления оператора *в буквальном смысле (слова)*.

Тогда зачем же этот оператор понадобился говорящему? Мы полагаем, что подобная экспликация служит средством непрямого воздействия на языковую рефлексию и языковую компетенцию адресата, а точнее — своего рода призывом к нарушению «постулата об идиоматичности» Дж. Р. Серля, т.е. к отказу от нормальной для узуса ситуации небуквального восприятия большинства высказываний. Постулат об идиоматичности, сформулированный Дж. Р. Серлем, есть важнейший принцип обыденной коммуникации: «Говори идиоматично, если только нет особой причины не говорить идиоматично» [12, с. 215]. Иными словами, адресат, в рамках соблюдения принципа кооперации, «по умолчанию» вынужден интерпретировать высказывания, нарушающие языковую или коммуникативную конвенцию, в режиме косвенного речевого акта, если его буквальная интерпретация ведет к бессмысленности, тавтологичности или неинформативности. Т.е. норма, конвенция повседневного общения — это как раз небуквальная

интерпретация, тогда как интерпретация буквальная — как раз нарушение принципов речевого общения, основанное на некорректной рецепции имплицатур дискурса [5]. В рассмотренном примере употребление *в буквальном смысле (слова)* апеллирует не к значению, а к внутренней форме слова *шокировать* (апелляция к прямому значению производящего слова *шок* ‘тяжелое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения’, отсутствующему у производного глагола).

Схожие модели употребления, когда *в буквальном смысле (слова)* вовсе не апеллирует к действительно буквальному его смыслу, в изобилии наблюдаем и в газетном корпусе НКРЯ: *Но в компании, да еще среди молодых парней, энергия у которых в буквальном смысле слова льется через уши, мне было сложно* [Константин Колотов. «Все русские солдаты так стреляют?» // *lenta.ru*, 2019.07.08]; *Во время этой паузы случилось невообразимое — зал в буквальном смысле взорвался неслыханными овациями!* [«Простить эту дерзость ей не могли» // *lenta.ru*, 2018.03.04]. — Трудно вообразить, как может энергия именно в буквальном смысле литься через уши, а зал в буквальном смысле, т.е. реально, взорваться от аплодисментов. Очевидно, что здесь мы имеем дело не с установкой на прояснение первоначального смысла выражений для предполагаемого адресата, а просто — с экспрессивным выделением ремы высказывания.

В чем же заключается подлинный, не декларируемый в высказывании коммуникативно-прагматический смысл подобной экспликацией установки говорящего на употребление своих слов в неидиоматичном значении? Ведь, по сути, мы имеем дело с заявлением о том, что говорящий расходится с общепринятым толкованием употребляемых им слов и выражений, что он не согласен с толкованиями этих языковых единиц, принятыми в узусе, так сказать, «по умолчанию», что, наконец, лишь ему ведом истинный смысл этих слов и выражений, почему-то утраченный в массиве совокупного речевого взаимодействия носителей языка. Так, например, неясный намек на то, что некий первоначальный смысл, неведомый носителям языка, существует у следующих выражений, реализован, на наш взгляд, в следующем контексте: *Спустя 30 лет автор этих строк в буквальном смысле сгнил в тюрьме* [Константин Дворецкий. «Меня схватили, как собаку» // *lenta.ru*, 2019.04.08]; *Вот только заслуженным докторам, которые со*

дня на день могут оказаться в буквальном смысле на улице, места в больничной новостройке не нашлось [Александр Широков. Квартирный разброс // lenta.ru, 2017.04.17].

Во всех этих примерах в общем остается непонятно, какой необщепринятый смысл закладывается говорящим в языковые выражения *сгнить в тюрьме, остаться бездомным оказаться на улице*, которые и так употреблены им во вполне узуальном значении?

Вопреки существующему мнению о том, что данный метаязыковой комментарий употребляется говорящим (автором) исключительно в целях уточнения значения слов и выражений для оптимизации коммуникации в операционной среде действия принципа кооперации, мы считаем, что чаще всего этот рефлексив используется как действенный механизм языкового манипулирования в рамках реализации говорящим специфической манипулятивной коммуникативной стратегии *de re*, т.е. как средство мифологизации, искажения в языковом знаке отражаемой объективной реальности (А.Ф. Лосев [6]) или как прием «языковой демагогии» [2].

Манипулятивность подобного рода употреблений заключается в том, что адресату навязываются некоторые мнения, позиции, трактовки, которые не предполагают дальнейшего обсуждения как раз в силу того, что говорящий, в рамках стратегии *de re*, использует универсальную оправдательную и усиливающую значимость сказанного формулу, которая взывает к неким исходным, базовым, первоначальным понятиям, к общеизвестным истинам. На этом фоне провоцируются и различные отклонения от логики, от истинного смысла, к которому, казалось бы, и апеллирует сам говорящий: *«То, что сегодня происходит в далекой, казалось бы, Сирии, которая на самом деле далекой вовсе не является, это в буквальном смысле наш сосед, — это и есть защита Отечества»*, — сказал Кирилл (цитата по «Интерфаксу») [Патриарх Кирилл назвал операцию в Сирии «оборонительной войной» // РБК, 2016.01.07]. — Несложный логический анализ мог бы легко показать, что Сирия нам не сосед ни в буквальном, ни в каком-либо ином смысле. Но подобные логические неувязки не рефлектируются адресатом. Именно так и «работает» демагогический прием «магия слова», как он трактуется в работе [2], когда разного рода несоответствия действительности скрыты посредством намеренного

употребления в высказывании массива образных, эмоционально-экспрессивных, оценочных средств языковой суггестии.

Итак, указанный прием «магия слова» с использованием метаязыкового комментария *в буквальном смысле (слова)* часто базируется на использовании языковых аномалий, сразу не распознаваемых адресатом. В работах Ю.Д. Апресяна языковые аномалии основаны на столкновении взаимоисключающих смыслов «глубинно залегающих» компонентов высказывания (значения и модальной рамки, значения и пресуппозиции, лексического и грамматического компонентов и пр.). В нашем случае — это столкновение семантики метаязыкового комментария и самого комментируемого языкового выражения или слова. Ю.Д. Апресян выделяет два типа аномалий: аномалии-противоречия и аномалии-тавтологии [1]. В наших работах добавляется третий тип — аномалии-алогизмы [7]. Ниже — см. некоторые механизмы языковых аномалий всех трех видов на базе рефлексива *в буквальном смысле (слова)* в демагогическом приеме «магия слова».

(1) Языковые аномалии — противоречия. К аномалиям этого рода мы относим случаи, когда эксплицитная семантика интересующего нас метаязыкового комментария приходит в логическое противоречие с заявленным в модальной рамке переносным значением комментируемого слова, которое самим автором поставлено в кавычки (тем самым говорящий, употребляя это слово, вроде бы сам предлагает нам воспринимать его смысл небуквально): *Это все о той жизни, которая для большинства здоровых людей остается в буквальном смысле «за кадром»* [Наталья Чернова. «Когда себя жалеешь, трудно смотреть за горизонт». Интервью с членом жюри фестиваля фильмов «Кино без барьеров» — о жизни людей с инвалидностью // Новая газета, 2018.11.28]. — Нетрудно заметить, что здесь прибавление метаязыкового комментария с установкой на буквальное восприятие смысла комментируемого слова никаким образом не устраняет их переносно-метафорическую семантику. Получается, что здесь задействована внутренне противоречивая когнитивная схема считывания общего смысла: ‘воспринимай в буквальном смысле то, что не может и должно, по моему замыслу, восприниматься буквально’, т.е. модус буквального и небуквального восприятия как бы задействуется одновременно. Это вполне соответствует «формуле подлинной языковой

аномальности» Ю.Д. Апресяна: для говорящего нельзя одновременно иметь противоречивые намерения [1].

(2) Языковые аномалии — тавтологии. К аномалиям этого рода мы относим случаи, во многом противоположные описанным выше, когда метаязыковой комментарий с установкой на буквальное восприятие смысла комментируемого слова относится к слову, которое и так само по себе употреблено в буквальном смысле (и не предполагает в данном контексте иных, небуквальных, идиоматичных интерпретаций): «*Моя мама в буквальном смысле этого слова потеряла миксер, но кто-то таскает его с собой по городу, чтобы поиздеваться над ней*», — рассказала дочь женщины [Отношения путешественников на расстоянии стали хитом соцсетей // *lenta.ru*, 2017.01.31]. — Здесь можно видеть тавтологически избыточную когнитивную схему считывания общего смысла ‘воспринимай в буквальном смысле то, что я и так, по умолчанию, употребил в прямом, буквальном смысле’. Представляется излишней, с точки зрения коммуникативного сотрудничества, вербализация установки понимать буквально то, что уже и так сказано в буквальном смысле.

(3) Языковые аномалии — алогизмы. К аномалиям этого рода в нашей теории языковой аномальности относятся случаи, когда в пределах одной пропозиции и, соответственно, одного высказывания совмещаются явления, принадлежащие к разным, в реальности несовместимым сферам (типа **умная фонема, северная рука* и под.). Так, например, в контексте: *Посреди записи она в буквальном смысле поставила Владимира Ленина в один ряд с Адольфом Гитлером, говоря об «извергах» прошлого столетия* [Дина Ушакова. Депутатский профиль // *lenta.ru*, 2016.11.20] — наводится алогизм, связанный с тем, что «в буквальном смысле слова», т.е. в модусе «реальность», невозможно *поставить в один ряд* (в прямом, физическом плане действия) уже давно умерших исторических личностей, к тому же принадлежащих к разным идеологическим контекстам.

В целом рассмотренный материал еще раз подтверждает в общем простую мысль: в «нормальной», т.е. в кооперативной коммуникации говорящему нет нужды специально эксплицировать установки на какое-либо «правильное», «буквальное», «истинное», «хорошее» и пр. понимание сказанных им же самим слов. Ведь участники коммуникации и так — изначально, без всяческих экспликаций, по умолчанию —

– в своем речевом взаимодействии должны руководствоваться этими установками в рамках стратегии коммуникативного сотрудничества. Они входят в условия успешности речевого акта Дж. Р. Серля, а именно — в условие искренности [12].

Поэтому любой случай подобной экспликации может сигнализировать об отклонении говорящего от кооперативной речевой стратегии *de dicto*, о наличии у говорящего каких-то особых коммуникативных намерений, специальных целей, скрытых от распознавания адресатом. Иными словами, чаще всего в этих случаях речь идет об использовании говорящим языковых механизмов манипулятивной, демагогической коммуникации.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
3. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. VIII. Лингвистика текста: Сб. научн. трудов / Общ. ред. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. – С. 402–421.
4. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
6. Лосев А.Ф. Знак, символ, миф: Труды по языкознанию. М.: Изд-во Московского университета, 1982. – 480 с.
7. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №. 6. Ч. 2. – С. 569–573.
8. Радбиль Т.Б. Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Изд-во «Индрик», 2012. – С. 411–423.
9. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас–Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 49–54.
10. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. – С. 107–115.
11. Радбиль Т.Б. Рацибурская Л.В. Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, И.В. Палоши // Научный диалог. 2021. № 1. – С. 63–79.

Русский язык в поликультурном мире (8 – 12 июня 2022 г.)

12. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVII. Теория речевых актов: Сб. научн. трудов / Общ. ред. Б.Ю.Городецкого. М.: Прогресс, 1986. – С. 195–222.
13. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с.
14. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. – 232 с.

QR-КОД – НОВОЕ КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ

В.А. Юматов, Р.И. Захаров

yumatovva@yandex.ru ; riz1369@mail.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»

(г. Нижний Новгород)

Каждое изменение в жизни любого социума получает то или иное отражение в этническом языке, в первую очередь в его лексике посредством процессов заимствования и словообразования, что хорошо заметно на примере лексики русского языка последних лет. Эти перемены связаны с пандемией коронавирусной инфекции, затронувшей различные сферы жизни. Происходившие в этот период в языке изменения непрерывно исследовались и фиксировались в различного рода текстах: разговорных, публицистических, научных. Так, в мае 2021 г. были подписаны в печать две части одного издания, посвященные исследованию происходящих в период пандемии динамических процессов в русском языке учёными из России и ряда стран Европы: «Русский язык коронавирусной эпохи. Монография» [7] и «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [8]. Последующий год, так же, как и предыдущий, вновь продемонстрировал высокий темп изменений как в жизни общества, так в языке, подтвердив необходимость продолжения исследований по заявленной теме «Русский язык коронавирусной эпохи».

В коллективной монографии в качестве символов новой реальности были обозначены следующие ключевые слова: *корона, локдаун, карантин, самоизоляция, удалёнка, дистанционка, социальная дистанция, зум* [7, с. 3].

События 2021 г. актуализировали в качестве ключевой, по крайней мере, ещё одну лексему – *QR-код*, ставшую в речи такой же высокочастотной, как и мотивированные ею новообразования.

QR-код как реалья и репрезентирующая её лексема получили распространение в России в начале 2010-х годов.

В Национальном корпусе русского языка тексты с этой лексемой сегодня представлены слабо. По запросу было найдено всего 10 документов, 20 вхождений. Согласно представленным данным в 2011 г.

слово было употреблено в контексте изучения проблем перехода к информационному обществу для обозначения реалии, получившей распространение в странах Азии, Европе и Северной Америке. Разумеется, подборка в корпусе не представляет все случаи словоупотребления, но тем не менее, на наш взгляд, достаточно репрезентативна в плане показательности степени актуальности слова и обозначенной им реалии в России. Об этом свидетельствуют и толковые словари, в том числе иноязычных слов, в которых лексема *QR-код* не представлена [1; 4; 9], в отличие, например, от композитов с элементом *PR-/пиар-*. Разумеется, нужно учитывать и фактор запаздывания при кодификации изменений лексического состава в словарях.

Согласно анализу словоупотреблений, до начала пандемии анализируемая лексема либо не обладает коннотацией, либо приобретает позитивное оценочное значение в вербальном контексте: защита авторских прав, подтверждение подлинности продуктов, маркер любознательности, – в ситуативном контексте: получение информации о достопримечательностях с расположенных рядом с ними справочных стендов.

В целом, условия для актуализации как реалии, так и лексем в этот период отсутствовали.

В первый этап жизни общества в новую эпоху степень их актуализации, по крайней мере, по сравнению с другими, не была столь значимой, чтобы получить отражение в работах по лингвистике. Так, в словаре 2021 г. лексема *QR-код* не представлена, а в монографии встречается только один раз среди примеров демонстрации наименования лиц в период коронавирусной пандемии в предметно-тематической группе «ковидный больной» [7, с. 168].

Ситуация начинает меняться с весны 2021 г.: начало массовой вакцинации против COVID-19, использование QR-кодов для подтверждения, контроль режима доступа в различные учреждения, принятие в первом чтении в ноябре 2021 г. закона о QR-кодах.

Кроме происходящих в жизни социума изменений и отражения их в речи носителей языка, активизация использования лексемы *QRкод* оказалась тесно связанной (в большей степени, чем другие ключевые слова):

1. во-первых, с пониманием свободы как ценности – возможности её реализации, ограничения и отстаивания в различных сферах жизни общества:

2. передвижение (например, на транспорте);

3. доступ в различного рода учреждения (торговые, культурно-просветительские и т. д.);

4. как следствие, приобщение к культурному наследию;

5. дискриминация, заключающаяся в ограничении в правах.

Вопрос о её наличии/отсутствии продолжает активно обсуждаться. Появился даже специальный термин *QR-сегрегация*, придуманный известным философом и лингвистом М.Н. Эпштейном [10];

6. во-вторых, с возможностью самостоятельного принятия решения, что, учитывая культурно-исторический контекст, оказалось для граждан России крайне важным.

Сама идея ограничения в различных его проявлениях в публикациях на эту тему, особенно в Интернете: обуславливается такими факторами, как:

7. особые условия временного характера;

8. перспектива пролонгации (Достаточно набрать в поисковой строке браузера запрос «*qr-код с нами вечно*», чтобы увидеть количество текстов по этой теме);

9. необходимость соблюдения конституционных прав и свобод.

Именно восприятие свободы как ценности генерирует особое отношение ко всему, что не только ограничивает её здесь и сейчас, но и обладает таковой потенциальностью во временной перспективе, что и отражается в значениях новообразований, мотивированных рассматриваемым словом.

Итак, отметим, что лексема *QR-код* до начала коронавирусной эпохи может быть охарактеризована следующим образом:

10. номинативная единица;

11. неологизм, заимствованное слово – англицизм. *Quick Response code* – код быстрого отклика; сокр. *QR code* [3];

-составное наименованием, или композит, содержащее аббревиатуру, элементы латинской графики;

12. стилистически нейтральна;

13. основное лексическое значение – тип матричных штриховых кодов, предназначенных для обеспечения быстрого доступа (получения) нужной информации, то есть оно представляет способ взаимодействия с информацией.

В условиях становления информационного общества лексема *QRкод* как обозначение средства минимизации усилий при получении различной информации обладает возможностью к развитию преимущественно позитивных коннотативных значений.

В новых условиях в течение короткого промежутка времени прежде мало распространённая заимствованная номинативная единица быстро «уходит в народ» и активно включается в ассимиляционные процессы:

14. фонетические – [к'јуар], [к'уар], [куар];
15. графические – *QR-*, *куар-*;
16. словообразовательные – *QR-контролёр* и т. п.;
17. семантические.

Устанавливается ассоциативная связь лексемы с идеей ограничения и давления, пересмотра границ. Она становится репрезентантом понятия «лимитирование» (лимитация), то есть маркирует ситуацию прямо противоположную первоначальной – стеснение новыми условиями, максимизация затруднений и помех. Происходит сдвиг по шкале оценок в противоположную сторону. Слово обрастает коннотативным содержанием, преимущественно негативнооценочным, которое проявляется в вербальных и ситуативных контекстах употребления и самой лексемы, но, прежде всего, образованных по различным моделям неологизмах, мотивированных её препозитивным компонентом «*QR-*», который эксплицирует их интегральный семантический признак (общий смысловой стержень).

18. речеповеденческие. Становится элементом в различных моделях языковой игры, в которой отражаются творческое начало индивидуума, его речевая раскованность и речетворчество с целью создания игривого дискурса – *QR-кот*, *QRешеный* и т.п.

Происходит системное освоение заимствования носителями языка в контексте реакции общества на новую систему ограничений.

Этот появившийся пласт лексики, группирующийся вокруг лексемы *QR-код* как ядра лексико-семантической группы, можно назвать

«куарный лексикон русского языка», по аналогии с «ковидным лексиконом» [7, с. 16], частью которого он является. Информация о нём широко представлена в сети Интернет. Новые лексические единицы встречаются в виде как отдельных словоупотреблений, так и подборок, периодически либо эпизодически размещаемых на страницах некоторых сайтов. Например, последнее на момент написания статьи активное употребление было отмечено у неологизма *QRсопротивление* для характеристики событий, произошедших в Санкт-Петербурге в конце января 2022 г. [см., например, 2; 6].

Детальное изучение куарного лексикона, изменения в составе которого будут зависеть от интенсивности и длительности процессов, происходящих сейчас как в жизни социума, так и в языке, – тема дальнейших исследований.

Литература

1. Габдреева Н.В., Гурчиани М.Т. Словарь композитов русского языка новейшего периода. М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. – 280 с.
2. Видео|Питер [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vk.com/wall-187409234_93031 (Дата обращения 25.01.2022).
3. Википедия [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/QR-код> (Дата обращения 25.01.2022).
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 944 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (Дата обращения 15.01.2022).
6. РОСБАЛТ ПЕТЕРБУРГ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/piter/2022/01/25/1941044.html> (Дата обращения 25.01.2022).
7. Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография / Ред. коллегия Е.С. Громенко, Н.В. Козловская, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 610 с.
8. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевникова, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая / Ред. коллегия: Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.
9. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 413 с.
10. Эхо Москвы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/govorimporuski/2935786-echo/> (Дата обращения 25.01.2022).

ПОЛИКОДОВЫЙ РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК СЛОЖНОЕ ЗНАКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С.Г. Буданова

lanastar@bk.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Краснодар)

На сегодняшний день реклама настолько распространена, что устанавливает ценности и стандарты жизни, мораль, этические нормы. Ее изучением занимаются разные области знания: экономика, социология, юриспруденция, психология, культурология, философия и другие науки. В лингвистике рассмотрение рекламного текста тоже является актуальным.

Так, в работах исследователей, в центре внимания которых находится прагматика текста, реклама рассматривается в качестве коммуникативной единицы, характеризующейся «прагматичностью, семиотической осложненностью, оценочностью, эмоциональностью, нежесткостью стилевой структуры и краткостью» [4], имеющей «информативно-образные, экспрессивно-суггестивные» свойства [19, с. 5] в целях «продвижения товара (услуги), идеи или социальной ценности» [2, с. 3] и побуждения потенциального покупателя к установленным рекламодателем действиям. Этой точки зрения придерживается ряд ученых, занимающихся проблемой изучения рекламы: П.А. Пименов [16], Д.В. Беклешов [1], Л.Г. Фещенко [20], Е.Ю. Колтышева [12]. Необходимо отметить, что данное понимание рекламного текста раскрывает его признаки, функции, особенности построения, но не отражает в полной мере включение в материал разных семиотических компонентов (вербальных, визуальных, аудиальных), которые являются также важными в рамках настоящего исследования.

Рекламный текст в современном медиaprостранстве – сложное знаковое образование, изучить которое можно только в комплексном единстве всех его компонентов: вербальных, визуальных, аудиальных. Необходимость такого изучения подтверждают работы ученых, анализирующих реализацию разных знаковых систем в медиадискурсе. Так, рекламный текст рассматривается в качестве сложного семиотического или семантического целого [10], комплексного образования [11],

продукта рекламного дискурса [12], текста смешанного типа [23]. При этом его важной особенностью является включение вербальных и невербальных компонентов, которые имеют коммуникативную нагрузку, «передают сообщение воздействующего характера» [23].

Обозначенные точки зрения ученых соответствуют нашему представлению об особенностях построения рекламного текста и о включении в состав медиаматериала разных семиотических кодов. Однако в лингвистических исследованиях рассмотрение рекламного текста, состоящего из вербальных, визуальных, аудиальных компонентов, вызывает ряд сложностей в процессе выбора терминологического аппарата. В научных работах, посвященных рассмотрению подобного рода медиатекстов, используется целый массив терминов: **полимодалый** и **мультимодалый текст**, предполагающий восприятие сообщаемого посредством нескольких модальностей – зрительной и аудиальной [14], **поликодовый-полимодалый текст**, сочетающий вербальные и невербальные компоненты [9], **видеотекст**, содержащий «совокупность движущегося изображения, фонетического звука (речь), шумов, музыкального сопровождения и письма» [9, с. 300], **видеовербальный текст**, комбинирующий естественный язык с другими знаковыми системами, **креолизованный текст** [13; 18], включающий две части – вербальную и невербальную, **поликодовый текст** [3; 5; 8], имеющий в своем составе вербальные, изобразительные компоненты, а также иные знаки.

Многие ученые стремятся разграничить термины «креолизованный текст» и «поликодовый текст», получившие наибольшее распространение среди названных выше.

Характеристики креолизованных и поликодовых текстов показывают, что существуют значительные сходства в определениях этих терминов. Некоторые ученые рассматривают данные наименования текстов как синонимы, отмечая возможность материала визуализировать передаваемую вербально информацию [6]. Однако Е.А. Губина анализирует термины «креолизованный текст» и «поликодовый текст» в качестве «конкурирующих». По мнению исследователя, их отличие состоит в том, что особенностью креолизованного текста является «лингвистическая ориентированность» на вербальную часть, содержащую невербальную, а поликодовый текст имеет связь

преимущественно «с семиотическим контекстом», выходя «за пределы лингвистики» [7, с. 171, 172].

Как замечает Ю.М. Громова, современный этап изучения медиатекста характеризуется использованием термина «поликодовый текст», который передает возможность рекламы «содержать в себе помимо вербального и изобразительного еще и звуковой компонент» [6, с. 188]. По мнению А.Г. Сониной [17] функционирующих текстов термином «креолизованный текст». Страдательная форма причастия «креолизованный» «создает представление об интересующих исследователей текстах как возникших на основе каких-то других (вербальных) через процедуру их "креолизации"», однако «для большинства произведений, обозначаемых словом "креолизованный", такого исходного текста просто не существует, как не существует и самого действия по его "креолизации"» [17, с. 20]. Е.В. Чернявская поясняет, что изначально креолизацией назывался «процесс формирования языка на основе пиджинов в условиях ограничения контактов носителей языка-источника с носителями других несхожих с ним языков» [22, с. 88]. Включение вербальных и невербальных компонентов в пространство текста предполагает взаимодействие совершенно другого рода в отличие от креолизации языка. Для наименования семиотически нагруженных текстов в зарубежной литературе введен термин «коммуникат», который коррелирует с термином «поликодовый текст», являющимся точным и органичным для передачи сути рассматриваемого феномена [22].

Таким образом, исследователи активно анализируют терминологический аппарат текстов, осложненных несколькими семиотическими системами. Многие из предложенных наименований являются близкими по смыслу. Несмотря на это, учеными доказано, что термин «поликодовый текст» является удачным.

Необходимо отметить наличие терминологической неоднозначности в наименовании элементов, составляющих поликодовый текст. Одни исследователи называют их вербальными и иконическими, другие добавляют к имеющимся элементам мелодический (звуковой, или музыкальный) компонент, третьи отмечают взаимодействие вербального, визуального, аудиального (музыкального), одорического (обонятельного), осязательного компонентов, четвертые выделяют подвижное изображение, неподвижные маркеры-информанты, звучащий вербальный текст, аудиальные элементы

В настоящей работе считаем уместным понятие «поликодовый текст», так как внутренняя форма этого слова наиболее конкретно отражает семиотическую неоднородность материала, что точно передает особенности рекламного текста, включающего письменный текст, звучащую речь, видеофрагменты, графические изображения, звуковые эффекты и др.

Материалом поликодового текста послужили рекламные тексты, транслируемые по телевидению, озвученные на радио и размещенные на билбордах, брендмауэрах, басорамах. Каждый из названных медиатекстов рассматривается как поликодовый текст, включающий вербальный, визуальный и аудиальный компонент. Необходимость анализа специфики медиатекста в рамках настоящей работы обусловлена частотностью функционирования телерекламы, радиорекламы, наружной рекламы, которая совмещает не только языковые, но и визуальные, аудиальные элементы, значимые для понимания содержания текста, отсутствием единой системы в изучении поликодовых текстов, их включением в общественное сознание.

Поликодовые рекламные тексты, транслируемые по телевидению, состоят из вербальных, визуальных и аудиальных компонентов, что обеспечивает высокую степень воздействия на реципиента. Композиция рекламного материала состоит из заголовка, завязки, представляющей основную идею, информационного блока, включающего аргументы в пользу рекламируемого товара, дополнительной информации со справочными данными. Пикулева Ю.Б. отмечает, что одним из правил функционирования телерекламы является ее «многократная повторяемость», которая «гарантирует запоминание», «повышает вероятность устойчивого использования рекламного текста или его фрагмента в речевом обиходе» [15, с. 9].

Рекламные радиотексты функционируют непродолжительно (чаще всего не более 30 секунд), предполагают произнесение основного текста с учетом четкой ритмико-интонационной характеристики, сопровождаются дополнительными звуковыми эффектами (мануальными, записанными естественными, электронными). Реклама радио ситуативно обусловлена, так как ее воспроизведение зависит от времени суток, предполагающего вещание для конкретных реципиентов, и вида программы. Отмечается, что радиореклама имеет трехчастную структуру: введение, основную часть, раскрывающую качества

объекта рекламирования, и финал, подчеркивающий преимущества обладателя тем или иным товаром [21].

Поликодовый наружный текст рекламы, размещенный на билбордах, брендмауэрах, басорамах и других носителях, предусматривает графическое изображение вербальных и иконических знаков, иногда и музыкальное, световое оформление. В целях эффективности восприятия материала необходимо учитывать место размещения и размер баннера, длину текста, его расположение, шрифт, цветовую гамму. Такая реклама чаще всего имеет следующую структуру: образ, наименования бренда и товара, слоган.

Таким образом, под поликодовым рекламным текстом понимается сложное знаковое образование, включающее вербальные, визуальные, аудиальные элементы в различной их комбинации.

Литература

1. Беклешов Д.В. Реклама книг сегодня. М., 1986. – 207 с.
2. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе. М., 2008. – 288 с.
3. Большиянова Л.М. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: содержание и структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. – 17 с.
4. Бубнова А.С. Роль разговорного компонента в прагматике французского рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. – 20 с.
5. Волкова Ю.С. Невербальные акцентуаторы в телевизионном поликодовом тексте (на материале социально-политических ток-шоу) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы VI Междунар. конгресса исследователей русского языка. М., 2019. – С. 297.
6. Громова Н.С. Специфика взаимодействия вербального и невербального компонентов в поликодовых текстах // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы VI Междунар. конгресса исследователей русского языка. М., 2019. – С. 297–298.
7. Губина Е.А. О различении между понятиями «креолизованный текст» и «поликодовый текст» // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы IV Междунар. науч.-практич. конференции. Минск, 2018. – С. 169–173.
8. Данилевская Н.В. Функции слова в поликодовом тексте // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы VI Междунар. конгресса исследователей русского языка.. М., 2019. – С. 298–299.
9. Евграфова Ю.А., Максименко О.И. Перформативный акт АСМР: соотношение вербального и невербального в поликодовых-полимодальных текстах (на примере видеотекстов YouTube) // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы VI Междунар. конгресса исследователей русского языка. М., 2019. – С. 300–301.
10. Иванова Е.С. Когнитивно-прагматические особенности текстов англоязычной Интернет-рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. – 22 с.

11. Ключко К.А. Некоторые проблемы лингвистики рекламного текста и перспективы его исследования // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. – С. 5–18.
12. Колтышева Е.Ю. Манипулятивные воздействия в современном рекламном тексте (на материале англоязычных гляцевых журналов для женщин): дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2008. – 280 с.
13. Лазарева Э.А. Стилистика рекламы. Екатеринбург, 2004. – 84 с.
14. Михеев А.В. О некоторых типах взаимодействия изображения и текста // Типы коммуникации и содержательный аспект языка: сборник науч. трудов. М., 1987. – С. 191–199.
15. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. – 22 с.
16. Пименов П.А. Основы рекламы. М., 2005. – 209 с.
17. Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания в поликодовом тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. – 323 с.
18. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. – С. 178–187.
19. Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы. СПб, 2002. – 304 с.
20. Фещенко Л.Г. Структура рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2002. – 28 с.
21. Чабанюк Т.А. Теория и практика рекламы. Комсомольск-на-Амуре, 2013. – 62 с.
22. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009. – 248 с.
23. Шикина Д.С. О терминах «поликодовость» и «-я» в описании рекламного текста гляцевых журналов // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. – С. 351–363.

КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ КАК ПРОДУКТИВНЫЙ ТИП ТЕКСТОВ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

А.А.Рештаненко

ann.reshtanenko@gmail.com

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Московский политехнический университет»
(Московский Политех)
(Москва)

Стремительное развитие средств визуальной информации и укрепление их позиций в современной коммуникативной ситуации стало причиной появления нового типа массмедийных текстов – поликомпонентных. Считается, что тексты, которые содержат визуальный компонент, легче воспринимаются читателями и эффективнее передают информацию за счёт наглядного и эмоционально окрашенного воспроизведения. Связано это с тем, что визуальный способ передачи и восприятия информации является преобладающим в сфере новых СМИ. Неслучайно и появление термина «визуальная журналистика», который включает два основных значения: а) графическое оформление печатной полосы, то есть подбор начертания и кегля шрифта, иллюстраций и других компонентов; б) тенденция развития СМИ: вербальный план больше не является доминирующим.

Поликомпонентные тексты включают в себя два плана: *вербальный* (языковой) и *невербальный* (изобразительный). Наиболее полный список терминов для исследуемого явления был приведён М. Б. Ворошиловой. За несколько десятилетий изучения рассматриваемого явления в отечественном и мировом филологическом дискурсе были введены такие варианты наименований: синкретический текст, составной, семиотически осложнённый, поликодовый / дикодовый, полимодальный, бимедиальный/полимедиальный, мульти-медиальный, многоканальный, изовербальный/изоверб, видеовербальный, гетерогенный, контаминированный, интерсемиотический, гибридный, супертекст. Однако наиболее прочно в российской научной среде закрепился термин «креолизированный текст».

Термин «**креолизированный текст**» (далее – КТ) впервые был использован в работе Ю. А. Сорокина и Ю. Ф. Тарасова. В ней КТ анализируются больше с психолингвистической точки зрения: авторы не ставили своей целью обоснование лингвистической природы таких

текстов. По мнению Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова, КТ – это «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [4].

КТ имеют весомое значение для современного общества, поскольку они функционируют в письменных текстах многих сфер жизни. КТ активно используются СМИ в видеосюжетах, публицистике и рекламе. Рассматривая КТ в журналистском дискурсе, стоит говорить в первую очередь о типах визуальных элементов в тексте. Так, по способу визуализации большинство исследователей выделяют следующие элементы: фотографии, коллажи, рисунки, репродукции, диаграммы, схемы и др. По виду информации, которую могут передавать элементы, разграничивают визуальные компоненты, которые несут содержательно-фактуальную информацию, и компоненты, несущие содержательно-концептуальную информацию. Подобная классификация в частности встречается в работе О.А. Корды. Автор пишет о том, что тексты с содержательно-фактуальной информацией невербального компонента акцентируют внимание на субъектах (портрет персонажа, героя), месте (фотоизображение пространства как демонстрация места и как аргумент к авторскому тезису), событиях, их этапах и иных подобных характеристиках. В пределах визуальных элементов с содержательно-концептуальной информацией исследователь выделяет три группы в зависимости от роли компонента: 1. Визуальные элементы раскрывают главную мысль текста. 2. Изобразительные компоненты наглядно передают эмоциональное восприятие ситуации автором. 3. Изображения выражают авторскую оценку событий.

Е. Ю. Скороходова, Е. А. Бородянская, рассматривая КТ в современных СМИ как средство формирования оценки события и эмоции у читателей, делают акцент на оценку события и эмоции у читателя. В основу исследования положены критерии гетерогенности и характеристика взаимодействия планов текста. Использование изображений в СМИ можно разделить на несколько типов:

1. В публикации преобладает текст, при этом изображение выполняет дополняющую функцию, подтверждает языковой план.
2. В публикации преобладает иконический материал, а текст дополняет его смысл. Такие публикации, по мнению авторов работы, чаще всего помещают на первые полосы изданий.

3. Публикации, в которых изображение не зависит от текста, но воспринимается реципиентом как сообщение, передающее эмоции. Например, когда редакторы дополняют материалы фотографиями или рисунками с определённым настроением, чтобы вызвать нужную эмоцию у читателя.

4. Портретные фотографии участников, экспертов и журналистов. Авторы пишут, что портретные фотографии их интересуют меньше всего, поскольку цель работы заключается в определении технологий использования КТ для формирования оценки читателем описанного события.

Говоря о функциях визуальных элементов в креолизованном медиатексте, стоит выделить две основных: иллюстративно-информативная и экспрессивная. Информативно-иллюстративная функция обеспечивает достоверность вербального плана, уточняет его содержание. Экспрессивная функция привлекает внимание аудитории к тексту, передаёт эмоциональную оценку его содержания. Е.Е. Анисимова пишет о технической (организация визуального восприятия текста), информативной и эстетической функциях. А И. В. Любишева выделяет эстетическую, предупредительную, образную (иллюстративную) и референциальную функции.

Активное использование КТ в СМИ указывает на то, что визуальные образы становятся ключевыми элементами современной коммуникации. Текстам СМИ свойственна гипертекстуальность, то есть линейный набор единиц, который интегрирует информационные ресурсы и содержит переходы от одного компонента к другому. В контексте публикаций гипертекстуальность позволяет читателю самостоятельно выбирать последовательность изучения материала. Решающая роль в этом отведена именно иконическим средствам (рисункам, фотографиям, таблицам, схемам, карикатурам), поскольку сначала реципиент воспринимает визуальный образ, а затем, если его заинтересовал материал, начинает читать.

Подобные идеи можно найти в работах Д. Олигви, который пишет о том, что зрительные символы более убедительны, вызывают у читателей меньшее сопротивление. Помимо этого, иконический материал часто допускает большую свободу интерпретаций и предполагает включение социального, национального или другого колорита.

Всё это указывает на то, что КТ в современном массмедийном пространстве занимают лидирующие позиции. Популярность такого типа подачи материала связана с простотой восприятия информации, многоканальностью передачи и возможностью воздействовать на реципиента сразу на разных уровнях. Изучение особенностей функционирования КТ в журналистском дискурсе позволяет определить основные функции иконического материала, выделить наиболее распространённые типы изобразительного материала.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е.Анисимова – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Бородянская Е. А. Креолизованный текст в современных СМИ как формирование оценки события и эмоции у читателей / Е. А. Бородянская, Е. Ю. Скороходова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Том 13. – Выпуск 3. – С. 242–245.
3. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. – 194 с.
4. Сорокин Ю. А. Оптимизация речевого воздействия / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М. : Наука, 1990. – 240 с.

ТЕКСТЫ-ЦИКЛЫ И ТЕКСТЫ-ПРОДОЛЖЕНИЯ КАК ВИД ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ

Л.А. Исаева, А.Г. Рябинина

alyar2015@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Краснодар)

В поликодовом тексте современной рекламы визуализация системы образов и сюжета источника обеспечивает наиболее частое распознавание первичного текста. Нередко в текстах рекламы наблюдается включение узнаваемых эпизодов, персонажей, лексических, грамматических, структурных элементов.

Использование движущегося изображения, графических, иконических, сценографических и кинематографических элементов наряду с вербальными и аудиальными компонентами, переходящими из одного рекламного текста в другой, является характеристикой *сюжетно-образной вторичности*. Такие рекламные тексты характеризуются взаимосвязанной организацией в художественно-композиционном, событийном и/или системно-образном плане, наличием общих лексико-семантических компонентов, единой идейной направленностью, сохранением элемента(ов) изображаемой действительности (место действия, портрет главного героя и др.). Для построения подобных текстов рекламы используются собственно рекламные сюжеты и образы, которые переходят из одного текста в другой, становятся узнаваемыми, благодаря продуктивной и частой реализации в медиадискурсе.

Поликодовые тексты современной рекламы, обладающие сюжетно-образной вторичностью, разграничиваются на *тексты-циклы* (термин Л.М. Майдановой [3, с. 87]), *тексты-продолжения* (термин М.В. Вербицкой [1], С.В. Первухиной [4]).

Термины, введенные в научный обиход названными учеными, рассмотрены с несколько иных позиций и по отношению к другим видам текстов. Используя данные номинации, мы в настоящей диссертации учитываем их первоначальные дефиниции, но дополняем собственным содержанием к материалу поликодового текста современной рекламы.

Вторичные тексты (публицистические тексты, сборники афоризмов и т. п.), в которых какие-либо циклы, части исходных текстов используются для создания дополнительного смысла, относятся к «циклизации первичных текстов» [3, с. 87]. Их отличительный признак состоит в том, что авторы таких текстов «стремятся получить новую информацию исключительно в силу объединения, соположения и смыслового взаимодействия нескольких первичных текстов» [3, с. 87].

В работе Е.С. Друговой рассмотрены рекламные ролики цикла «Всемирная история. Банк Империял», которые строятся по типу мини-серий, включают ту или иную прецедентную личность, отсылают к прецедентной ситуации и относятся к серийной рекламе [2].

В современном рекламном пространстве тоже были зафиксированы подобные тексты. Остановимся на термине «тексты-циклы», так как он наиболее полно отражает специфику анализируемого материала в сюжетно-образном и содержательном аспектах.

Среди вторичных текстов современной рекламы *тексты-циклы*, по нашим наблюдениям, становятся наиболее распространенными. Они обладают общей авторской интенцией, темой, а также системой образов (иногда и единством окружающей внетекстовой реальности) и/или сюжетной линией, переходящей из одного речевого произведения в другое, но не имеют свойства событийного дополнения. Построение текстов-циклов чаще всего отличается лексико-семантическими элементами, структурой, но концепция, по которой порождается взаимосвязанный блок текстов, представляющих собой единое целое, всегда сохраняется. В *широком смысле* циклом может быть названа вся совокупность рекламных текстов, посвященных одному и тому же объекту (определенной торговой марки), но имеющих разное художественное оформление. Однако наиболее продуктивным считаем *узкий подход*, при котором цикличными считаются произведения, объединенные не только конкретной однотипностью образа предлагаемого товара, но и общностью сюжета и/или персонажей, коммуникантов, языковых элементов.

Подобной сюжетно-образной вторичностью обладают поликодовые рекламные тексты-циклы мясной продукции «Останкино». В нескольких видеороликах дети выступают перед аудиторией с поздравлением. При этом необходимо заметить, что неизменным остается основной сюжет с учетом места действия (зал), обстановки (украшение в

виде рисунков, шариков, надпись «День Папы», пианино, стулья), поведения зрителей (внимательно слушают выступающих, восхищаются, смеются, фотографируют и снимают на камеру) и образа воспитателя (учителя), находящегося недалеко от сцены и контролирующего проведение мероприятия. Главный персонаж изменяется: в одном ролике он подражает внешности А.С. Пушкина (боливар, фрак, жилет) и его поэтическому мастерству («Подруга дней моих суровых, / Сосиска сочная моя, / Хоть каждый день, / Всегда готова / На завтрак с папой съесть тебя»), в другом – традиционной манере В.В. Маяковского («Я / достаю / из широких штанин / бутерброд нереального вкуса. / Смотрите, / завидуйте, / я – / папин сын. / Я требую перекуса!») в соответствии с портретными характеристиками (кепка, пиджак, рубашка, галстук, брюки), в следующем – облику М.Ю. Лермонтова (стрижка, усы, мундир, эполеты, рубашка, брюки), А.М. Верещагиной (телосложение, локоны, нарядное платье), а также литературной стилистике мастера слова («Скажи-ка, папа, ведь не даром / Зовешься дома кулином, / Сосиску варишь мне / И мне, / И потому, любимый папа, ты наш герой вдвойне!»). Это свидетельствует о функционировании разных вторичных текстов, объединенных, однако, общностью авторского замысла, концепцией, сюжетной линией, системой образов. Именно поэтому описанные рекламные тексты воспринимаются как единый блок взаимосвязанных произведений, зависящих друг от друга.

Помимо циклов в рекламе было зафиксировано и функционирование других текстов, которые не только характеризуются близостью сюжетно-образной системы, прагматики, но и являются своеобразным дополнением друг друга, которое представляет собой продолжение исходной интенции. Подобный феномен на материале художественных произведений описан Л.М. Майдановой, М.В. Вербицкой, С.В. Первухиной.

В работе Л.М. Майдановой рассматривается «продолжение завершенного первичного текста» в качестве вторичного текста, который создается «на основе первичного самим автором» и предполагает модификацию замкнутого пространства художественного мира в новое целое [3, с. 104]. М.В. Вербицкая рассматривает «“литературные продолжения”» на материале англоязычной литературы как новый вид стилизации (например, «Мэгвич» М. Нунана, являющийся продолжением к роману Ч. Диккенса «Большие ожидания»), который

характеризуется содержательным дополнением законченного первичного текста [1, с. 90].

Анализируя художественные произведения, под текстами-продолжениями С.В. Первухина понимает такие тексты, в которых «элементы когнитивной структуры ТИ (*текста-источника* – А. Р.) выступают в качестве хронотопа ВТ (*вторичного текста* – А. Р.) в циклических произведениях, являются основой номинативных цепочек обозначения главных героев цикла» [4, с. 117]. Многочисленные отсылки к предыдущим сюжетным линиям в нескольких текстах создают «единое информационное поле», для понимания которого необходима актуализация всех частей произведения [4, с. 118].

В рамках настоящего исследования *тексты-продолжения* могут быть рассмотрены как ряд идейно-тематически связанных текстовых единиц, которые становятся логическим дополнением друг друга посредством сцепления с предыдущим материалом и образуют цельное произведение с законченной/незаконченной мыслью. В их основу всегда положена идея единства содержательных компонентов, действующих лиц, а также последовательное развитие сюжета. Поскольку они отличаются от текстов-циклов только свойством событийного дополнения, их можно рассмотреть и как особого рода цикловую разновидность.

В рекламном тексте сыра «Arla Natura» представлена репетиция начала театральной постановки, в которой дети выступают в образе артистов: «*“Arla Natura” представляет. / Ребенок (в образе актера): И тут Лиса близехонько бежала, / Но сырный дух Лису остановил*». Другие персонажи (девочка и мальчик в сценических костюмах Лисы и Вороны соответственно) находятся за кулисами и пробуют сыр. В роли зрителя – женщина, мать одного из участников постановки. В вышедшем позже рекламном ролике представлено логическое продолжение текста – выступление артистов на импровизированной сцене перед собравшимися зрителями. При этом художественное оформление видеоряда остается неизменным и напрямую соотносится с первым рекламным роликом (обстановка, место, поведение ребят и матери). По сюжету, дети, имитирующие персонажей из басни И.А. Крылова «Ворона и Лисица», завершают выступление: «*– И на приветливы Лисицыны слова / Ворона каркнула во все воронье горло: / Сыр выпал! / Сыр выпал! / Мораль сей басни такова, что вкусный сыр не падок на слова*».

Сцепление данных текстов способствует образованию законченного произведения, в котором материал организуется в композиционном плане (завязка, развитие действия, развязка) по типу глав в художественной литературе или отдельных серий в кинематографе с сохранением основного замысла, системы образов и изменением некоторых сюжетных линий. Выявленные признаки свидетельствуют об отсутствии трансформации ключевых образов, которые могли бы стать узнаваемыми посредством продуктивного включения в поликодовый текст рекламы.

Другим примером текстов-продолжений, активно функционирующих на телевидении в разные периоды, являются рекламные тексты шоколадного батончика «Twix», в которых представлена история конфликта братьев Симуса и Эрла. Сохранение основного сюжета, системы образов, целеустановок и поведения персонажей, изображаемой действительности, деталей и появление новых поводов для противостояния героев, ставших прецедентными, позволяют рассматривать такие рекламные тексты в качестве цельного произведения или короткометражного кинофильма.

Таким образом, анализируемые тексты являются актуальными в рекламном пространстве. Они характеризуются взаимосвязанной организацией в художественно-композиционном, событийном и/или системно-образном плане, наличием общих лексико-семантических компонентов, единой идейной направленностью, сохранением элемента(ов) изображаемой действительности.

Литература

1. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. – 219 с.
2. Другова Е.С. Исторические образы в современной телевизионной рекламе // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. – С. 239–246.
3. Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994. – С. 81–90.
4. Первухина С.В. Когнитивно-семантическая связь вторичных текстов и их текстов-источников // Филология. 2012. Вып. 2. Т. 1. – С. 116–124.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ИНТЕРНЕТ-ТРОЛЛЯ

А. Б. Бурляй

anna.burlyai@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Постепенное развитие коммуникации в сети Интернет в последние годы позволяет говорить о появлении виртуального коммуникативного пространства. Порождаемые в результате обмена пользователями сообщениями тексты образуют сетевой дискурс. В его пределах В. И. Карасик предлагает выделить «сетевую языковую личность, установить типы таких личностей и описать их дискурсивный статус» [3, с. 34]. Однако уточним, что единицами сетевого общения являются не только посты [3], но и высказывания в других речевых жанрах. Например, в сетевом дискурсе распространены сообщения в жанре «интернет-комментарий» (в том числе «троллинговые комментарии» [5]), креолизованные тексты (например, демотиваторы и мемы [2]) и многие другие.

Произошедшие с 2013 года политические, социальные, военные, экономические, культурные и прочие события нашли свое отображение в новых медиа, где благодаря возможности обратной связи активно обсуждаются пользователями, чего существенно не хватало традиционным СМИ: прессе, радио и телевидению. Однако анонимность, как атрибутивная особенность интернет-коммуникации, позволила развиваться такому явлению как интернет-троллинг.

Изначально троллинг являлся разновидностью интернет-хулиганства, однако организаторы многочисленных цветных революций и протестных движений в странах Ближнего Востока, Северной Африки и Восточной Европы использовали данное явление как инструмент информационного воздействия. При этом «тролль не всегда использует „толстые“, очевидные способы информационного воздействия (например, опубликование агрессивных троллинговых комментариев). Наоборот, применяет „тонкие“, малоочевидные с позиции восприятия троллинга приемы (например, элфинг или размещение уводящих от темы троллинговых комментариев)» [4, с. 101], то есть

неподготовленному участнику дискуссии сложно определить троллинговый комментарий и не реагировать на него.

В нашем исследовании мы анализировали интернет-комментарии, созданные интернет-троллями в сообществе «Типичный Донецк» в социальной сети «ВКонтакте». На наш взгляд, сообщения пользователей в данной группе, в которой на момент обращения в конце февраля 2022 года состояло более 552 тысяч подписчиков, являются наиболее репрезентативными, так как публикуемые в сообществе посты имеют дискуссионный характер, а администраторы не модерировали ветки комментариев. В приводимых в статье примерах мы сохраняем авторскую орфографию, грамматику, лексику, синтаксис, пунктуацию и графику. Целью нашей работы является определение особенностей языковой личности интернет-тролля как типа сетевой языковой личности.

Для определения интернет-комментариев, созданных интернет-троллями, мы руководствовались следующими критериями:

1. Особенный тип аккаунта. При переходе на личные страницы пользователей-троллей прослеживается следующая специфика:

а. Количество подписчиков и друзей не превышает нескольких десятков пользователей (чаще всего также имеющих признаки, которые позволяют отнести данные профили к числу аккаунтов интернет-троллей);

б. В качестве аватаров вместо фотографий используются картинки, на которых изображены животные, государственные символы разных стран, персонажи кино и мультсериалов, интернет-мемы и т. п.

с. Использование в качестве имени псевдонима. Например, Ярило Коловрат, Bella Thorne, Go Pro, Валет Пик и т. д.

д. Профиль обычно закрыт для просмотра другими пользователями, которые не являются друзьями и подписчиками интернет-тролля.

2. Специфический характер ведения диалога:

а. Зачастую интернет-тролль начинает ветку сообщений с агрессивного троллингового комментария.

б. В процессе общения пытается оскорбить собеседника, используя для этого различные языковые средства и коммуникативные тактики.

с. Интернет-троль прекращает создавать сообщения в рамках ветки комментариев, когда выводит из эмоционального равновесия собеседников, спровоцировав их на прямые оскорбления.

Проанализированные примеры позволили обобщить следующие особенности языковой личности интернет-тролля:

- Использование ненормативной лексики, пренебрежительное отношение к порождаемым высказываниям. Например, к публикации о взорванном мосте в г. Ирпень Киевской области оставлены следующие троллинговые комментарии: *«Ща какой то долбо с рф напишет что его 8 лет бамбили и теперь вот это норм»* или *«Ну ничо, ничо...у нас теперь гусский мир будет - сахар хрен укупишь для перегону. Будем водку из магазинов пить - дешевле выйдет»*. Стоит отметить, что большинство сообщений, созданных интернет-троллями, имеют ярко выраженный антироссийский характер.

- Намеренное искажение лексических единиц русского языка. Например, к публикации «Еще видео с Мариуполя» оставлен следующий троллинговый комментарий: *«Ну это подчерк расиянской армии, вы вспомните как Грозный выглядел. И подумайте как Луганск и Донец выглядит за 8 лет... И посмотрите что стало за время войны с недавно мирными городами, которые **асвабаждают**»*.

- Использование обценной лексики. Так, под постом «Еще видео с Мариуполя» размещены следующие троллинговые комментарии: *«Этот город уже не подлежит восстановлению,при Украине процветал,а при днр всему хана ,**твари**»* или *«Мариуполь окружён российскими войсками , но **дурачки** продолжают кукарекать , что всу сами себя обстреливают!!!»*.

- Явное отступление от темы поста, увод в сторону для развязывания конфликта. Например, к публикации «Поступило сообщение о минировании ДонНАСА» оставлен такой интернет-комментарий: *«Лучше бы дворцы питуна заминировали»*, под постом «Комментарий российской стороны после переговоров» опубликовано следующее сообщение: *«Русские всегда тебя бросят, сынок!»*, а под публикацией-поздравлением с 8 марта «Пожалуй, для многих дончанок сегодня лучший подарок был бы, чтобы их мужчины вернулись с мобилизации» – *«Вы уточняйте, потому что многие вернуться фаршем в пакете»*.

Заметим, что отчасти языковая личность интернет-тролля подобна языковой личности интернет-журналиста, выступающего в роли блогера, о чем мы писали в предыдущей нашей статье. Так, «использование упрощений, обращение к элементам разговорного стиля речи, употребление ненормативной лексики, включая обсценную и искаженную украинскую» [1, с. 194] прослеживаются и в характере речевой деятельности интернет-троллей, но имеют другую прагматику. Однако ненормативная, искаженная лексика, манипулятивные речевые тактики используются интернет-троллем, чтобы спровоцировать конфликт, перевести дискуссии из конструктивного русла в скандал, снизить порог критического мышления, чтобы ретранслируемая информация не подвергалась осмыслению.

Литература

1. Бурлай А. С. Средства речевого воздействия языковой личности журналиста Донбасса в интернет-дискурсе // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей V Международного симпозиума, включенного в программу Международного фестиваля "Великое русское слово". В 2-х томах, Симферополь, 08–12 июня 2021 года / Отв. редактор Е. Я. Титаренко. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2021. – С. 191–195.
2. Гладкая Н. В. Логоэпистемы в креолизованных текстах интернет-дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 2. – С. 424–437. – DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2-424-437.
3. Карасик В. И. Сетевая языковая личность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 6(848). – С. 33–45. – DOI 10.52070/2542-2197_2021_6_848_33.
4. Якель А. О. Причина коммуникативных неудач адресатов троллинговой коммуникации в виртуальном дискурсе новых медиа // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2019. № 4. – С. 101–106.
5. Якель А. О. Троллинговый комментарий как инструмент формирования отношения аудитории социальных сетей к инфоповодам // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2019. № 4(61). – С. 108–113.

ОТОБРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ ‘ШАХТЁР’ В ГОДОНИМИКОНЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ

И.А. Герасименко, А.В. Пивень

iragerasimenko@mail.ru; ann.dzis@mail.ru

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

(Горловка)

Концепты «шахтёрского» кластера явились «ономасиологическим основанием» для формирования названий линейных адресных объектов современной Горловки. Концептуализация Донбасса как шахтёрского края связана с доминирующим дискурсом этого региона – дискурсом Донецкого угольного бассейна и шахтёрского труда [1]. Концептуальное поле ‘шахтёр’, через механизмы репликации вербализовано во множестве годонимов Донбасса, в том числе и современной Горловки. Цель данной статьи – лингвокраеведческий анализ годонимов современной Горловки, восходящих к именам горловских горнорабочих и концептуализирующих трудовую деятельность шахтёров.

Языковое пространство современной Горловки представляет собой сложный лингвосоциальный и лингвокультурный феномен, в котором функционируют номинации, связанные с шахтёрским трудом. Концептуализация Горловки как шахтёрского города через механизмы репликации существует во множестве его внутригородских текстов. В их числе и годонимы. Рассмотрим данные номинации.

Первую группу анализируемых языковых единиц представляют названия линейных адресных объектов, восходящие к именам горнорабочих, погибших в результате выброса метана 28 апреля 1966 года. Авария на шахте стала причиной гибели 24 шахтёров, вследствие чего Решением исполнительного комитета Горловского городского Совета депутатов трудящихся № 138 от 11.05.1966 года «О переименовании улиц в целях увековечения памяти погибших шахтёров на шахте им. Румянцева» получили свои названия следующие линейные адресные объекты вблизи вышеупомянутой шахты: ул. *Братьев Мазиковых* и ул. *Мазиковых*, ул. *Янко*, ул. *Калашникова*, ул. *Парфентьева*, ул. *Кузьменко*, ул. *Бардакова*, ул. *Бондаря*, ул. *Степана Бабия*, ул. *Малыныча*, ул. *Швыдкого*, ул. *Прилуцкого*, ул. *Шепелева*, ул. *Малыхина*, ул. *Рогозина* ул. *Бориса Макухи*, ул. *Столяревского*, ул. *Швыдкого*,

ул. *Шевченко*. Так, годонимы ул. *Братьев Мазиковых* и ул. *Мазиковых* восходят к именам братьев Михаила Алексеевича и Ивана Алексеевича Мазиковых – забойщиков шахты им. Румянцева; ул. *Янко* – к имени горловского проходчика Ивана Николаевича Янко; ул. *Калашникова* названа в честь проходчика Александра Михайловича Калашникова; ул. *Парфентьева* – в честь забойщика Константина Николаевича Парфентьева. В свою очередь, ул. *Кузьменко*, ул. *Бардакова*, ул. *Бондаря*, ул. *Степана Бабия*, ул. *Малыныча* названы в честь горловских забойщиков Анатолия Романовича Кузьменко, Василия Ивановича Бардакова, Ивана Васильевича Бондаря, Степана Захаровича Бабия, Николая Назаровича Малыныча. Ул. *Прилуцкого*, ул. *Шепелева*, ул. *Малыхина*, ул. *Рогозина* носят имена крепильщиков шахты имени Румянцева Фёдора Ильича Прилуцкого, Алексея Фёдоровича Шепелева, Ивана Николаевича Малыхина и Николая Фёдоровича Рогозина соответственно. Ул. *Бориса Макухи* восходит к имени проходчика Бориса Климовича Макухи. Номинации ул. *Столяревского* и ул. *Швыдкого* восходят к именам горных мастеров Бориса Николаевича Столяревского и Ивана Григорьевича Швыдкого. Следует отметить, что в топопространстве Горловки функционирует две номинации ул. *Шевченко*. Одна из них, расположенная в Никитовском районе города Горловки, восходит к имени проходчика Владимира Фёдоровича Шевченко; вторая связана с именем украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко.

Некоторые из вышеперечисленных линейных адресных объектов (ул. *Бондаря*, ул. *Бориса Макухи*, ул. *Малыныча*, ул. *Столяревского*, ул. *Степана Бабия*, ул. *Швыдкого*) были переименованы в честь проживающих на них горнорабочих.

Вторую группу образуют номинации, восходящие к именам известных шахтёров, участников стахановского движения, а также руководителей предприятий и организаций, принадлежащих шахтёрской отрасли. Так, ул. *Изотова* названа именем Никифора Алексеевича Изотова – горловчанина, работавшего кочегаром «Корсуньской копи №1» (современное официальное название – шахта «Кочегарка»), одного из представителей стахановского движения. В свою очередь, ул. *Игнатченка* названа в честь шахтёра, Героя Социалистического Труда Григория Игнатченко; ул. *Румянцева* названа в честь Константина Андреевича Румянцева – начальника объединения «Донуголь»,

позже занимавшего должность управляющего государственного предприятия «Артёмуголь»; ул. *Тюренкова* носит имя забойщика шахты имени Калинина, стахановца, Героя Социалистического Труда Александра Ефимовича Тюренкова.

В третью группу топонимов входят названия, восходящие к лексемам с семой 'угольная промышленность'. К примерам данной группы мы относим следующие номинации: ул. *Горная*, ул. *Забойщиков*, ул. *Отбойная*, ул. *Горнопромышленная*, ул. *Угольная*, ул. *Шахтная*, пер. *Шахтный*, ул. *Ртутная*, ул. *Терриконная*, ул. *Горняцкая*, ул. *Шахтёрская*. Номинация ул. *Горная* соотносится с лексемой *горный*, которая обозначает 'входящий в состав земной коры, добываемый из недр земли' и 'относящийся к разработке земных недр' [4, т. 1, с. 335]; ул. *Горняцкая* соотнесена с лексической единицей *горняцкий* – прилагательным, образованным от слова *горняк* [4, т. 1, с. 336], где *горняк* – это 'горнорабочий, занимающийся добычей и обработкой полезных ископаемых' [4, т. 1, с. 335].

Названия ул. *Шахтёрская*, ул. *Шахтная* и пер. *Шахтёрский* восходят к именам прилагательным *шахтёрский*, *шахтный*. Адъектив *шахтёрский* образован от существительного *шахтёр* со значением 'горнорабочий, работающий в шахтах' [4, т. 4, с. 705]. В свою очередь, прилагательное *шахтный* образовано от имени существительного *шахта* – 'совокупность подземных горных выработок для разработки месторождения или место проведения каких-либо подземных работ' [4, т. 4, с. 705]. Номинация ул. *Терриконная* соотносится с именем существительным *террикон* 'конусообразный отвал пустой породы на поверхности земли у шахты' [4, т. 4, с. 359]; номинация ул. *Забойщиков* – с именем существительным *забойщик* 'горнорабочий, работающий в забое' [4, т. 1, с. 494]; номинация ул. *Отбойная* – именем прилагательным *отбойный*, которое в МАС имеет помету «горное дело» и обозначает 'предназначенный для отбивания, отделения полезных ископаемых или пустых пород от массива» [4, т.2, с. 633]. В свою очередь, ул. *Горнопромышленная* соотносится с именем прилагательным *горнопромышленный* – 'относящийся к горной промышленности', где *горнопромышленность* – это 'промышленность, занятая добычей и обработкой полезных ископаемых, горная промышленность' [4, т. 1, с. 335].

С точки зрения словообразования годонимикон Горловки развивается в русле традиционных ономастических процессов. В основе формирования номинаций линейных адресных объектов Горловки, входящих в шахтёрский кластер, лежат различные процессы. По мнению В. Д. Бондалетова Е. С. Отина, Н. В. Подольской и др., в лингвистике к основным путям образования топонимической лексики принадлежат трансонимизация другого имени собственного, онимизация апеллятива и совмещение этих процессов. Исходя из статистических подсчётов, мы можем констатировать, что основным процессом, задействованным в образовании годонимов Горловки, является трансонимизация (21 единица, или 63,64% от 33 анализируемых наименований). Стоит также отметить, что все примеры данного типа отображают именно семантический тип трансонимизации, который мы понимаем как переход онима из одного класса в другой без добавления каких-либо формантов.

Онимизация апеллятива также является продуктивным процессом образования годонимов Горловки (11 единиц, или 33,33% от 33 анализируемых наименований), в то время как совмещение двух вышеобозначенных процессов представляет собой наименьшую по количеству лексем группу (1 единица, или 3,03% от 33 анализируемых наименований).

Таким образом, годонимикон шахтёрского кластера представлен значительным количеством языковых единиц в топопространстве современной Горловки. Анализируемые номинации, отображающие концептуальное поле 'шахтёр', образуют три группы: 1) названия улиц, восходящие к именам горнорабочих, погибших на шахте им. Румянцева в 1966 году; 2) названия улиц, восходящие к именам известных шахтёров, участников стахановского движения, а также руководителей предприятий и организаций, принадлежащих шахтёрской отрасли; 3) названия улиц, восходящие к лексемам с семой 'угольная промышленность'. В основе формирования номинаций линейных адресных объектов Горловки, входящих в шахтёрский кластер, лежат различные по продуктивности процессы – трансонимизация другого имени собственного, онимизация апеллятива и совмещение этих процессов. Анализ материала позволил прийти к выводу, что рассмотренная проблема является перспективной и требует дальнейшего изучения, что и будет нами предпринято в дальнейшем.

Литература

1. Герасименко И. А. Когнитивно-дискурсивное пространство полиэтничного Донбасса // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья. Брянск : РИСО "БГУ", 2021. – С. 74-80.
2. Герасименко И. А. Советские имена улиц в современной Горловке // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования. Пенза : Изд-во Пензенский государственный университет, 2021. – С. 65-68.
3. Жеребецкий П. И. Горловка. Донецк : КП «Регион», 2001. – 292 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. Т. 1 : А–Й. – 702 с.; Т. 2: К–О. – 736 с.; Т. 4: С–Я. – 797 с.
5. Савенко Н. А. Шахтёрские антропонимы // Генеалогія горлівчан: Матеріали третьої міської науково-практичної конференції. Горлівка, 2002. – С. 20-24.

ИНТЕРНЕТ-МЕМ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.В. Гладкая

Nata.gladkaya25@yandex.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Активное развитие социальных сетей и медиапространства сформировало уникальный тип общения – интернет-коммуникацию, ставший отправной точкой для развития новой языковой системы, направленной на визуализированный компонент. Такая тенденция обусловлена стремительно возрастающими требованиями к передаче и восприятию информации. Традиционно интернет-связи реализуются тремя путями: текстовые сообщения, визуальная информация и креолизованные формы. Наиболее частотны и популярны креолизованные тексты (т.е. тексты, объединяющие в себе вербальную и иконическую составляющие), преимущественно комического характера. Комическая составляющая и преобладающий анонимный характер таких форм интернет-коммуникации способствуют активному и зачастую бесконтрольному распространению различного рода креолизованных текстов, что, с одной стороны, раскрывает творческий потенциал пользователей (они не боятся быть не услышанными аудиторией и раскритикованными), а с другой – повышенный уровень анонимности пользователей социальными сетями существенно снижает уровень цензуры и безнаказанности в Интернете. Кроме того, стоит учитывать, что комическое становится таковым, только при дистанцированности между субъектом и объектом насмешки.

Современная интернет-коммуникация направлена на трансляцию живого общения в социальные сети, и этот процесс не одностороннего порядка, так, из Интернета в реальную жизнь проник феномен, получивший название интернет-мем (мем), став популярным еще в 2000-х годах и развивающийся по сей день.

Стоит отметить, что изначально перед интернет-мемами не было задачи стать культуросодержащими и культуропередающими элементами, но, учитывая, что современное общество все больше относится к инстант-культуре, т.е. нацелено на ускоренное восприятие информации, удовлетворение мимолетных потребностей и отказ от

долгосрочных обязанностей и привязанностей к прошлому, мемы стали идеальными воплощениями современной реальности.

Мемы транслируют любую культурно значимую информацию в сжатом виде: о социальных группах, о политической ситуации, о тексте-источнике и т.д., поэтому мы можем считать их разновидностью прецедентных текстов.

Мемы появляются как реализация творческого потенциала пользователей социальных сетей и реакция на социально значимые изменения в обществе, а их распространению способствуют простота воспроизведения и восприятия, комическая составляющая, а также актуальность и злободневность затронутой темы, но, учитывая быстрый и зачастую бесконтрольный характер распространения информации, сложно заранее предугадать, будет ли та или иная идея, заложенная в мем, реплицироваться.

Важно понимать, что для адекватного восприятия содержания мема, реципиент должен корректно его декодировать, это будет зависеть от культурного фона, социального положения, возрастных особенностей, владения сленговыми формами речи, общего уровня развития и проч. Так, «благодаря своей простоте и скорости распространения мемы могут быть проводниками идеального дискурса» [7]. Однако понятийная многозначность интернет-мемов существенно осложняет исследование данного явления и выделение универсального подхода к его рассмотрению и классификации. Так, Ричард Докинз (английский этолог, биолог и первооткрыватель теории мемов) рассматривал мемы в качестве репликаторов к социокультурным процессам: «Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [2, с. 189]. Дуглас Рашкофф считал, что быстрое распространение идей и образов подобно медиавирусу («Медиавирус — это распространяющиеся по инфосфере мемы и мемокомплексы, изменяющие восприятие локальных и глобальных событий») [5, с. 155]. Ученый расценивал мемы как скрытый идеологический код, который способен воздействовать на человека, однако исходя из этой теории сложно определить создан ли мем естественным путем или намеренно.

А.В. Вишнякова полагает, что мемы формируются как окказиональное словотворчество пользователей социальных сетей: «Иллюстрация становится элементом текстообразования» [1].

А.Г. Квят представляет типологию мемов с учетом их воплощения в медиаобъектах: 1) речевые клише; 2) визуальные и аудиовизуальные объекты; 3) образы реальных или вымышленных персонажей медиапространства; 4) бренды компаний или товаров; 5) тематические доминанты медиапространства [4]. Но данная типология не дает четких принципов разграничения мемов, т.е. один и тот же мем может одновременно относиться к разным типам. Ю.В. Щурина в классификации мемов учитывает природу их носителей: 1) текстовый мем; 2) мем-картинка; 3) видеомем; 4) креолизованный мем [6], однако аудио-мемы здесь не представлены.

Наиболее актуальной нам представляется теория Н.А. Зиновьевой, в основе которой принцип дихотомий, включающий такие признаки: 1) источник мема; 2) объект реальности, требующий отражения; 3) апелляция к уровню включенности в культуру; 4) смысловые доминанты; 5) форма отображения; 6) эффект воздействия [3].

Дихотомия *истина-ложь* характеризует первый признак (источник мема) и свидетельствует о том, что в Интернете функционируют как истинные (т.е. созданные и распространяемые естественным путем) (Рисунок 1), так и ложные (созданные с коммерческой или др. целью) мемы. Ложные мемы еще называют *форсированными* (*форсед-мем, англ. forced meme*), т.е. специально созданными для воздействия на аудиторию с целью создания положительного образа услуги, товара и их продвижения (Рисунок 2).

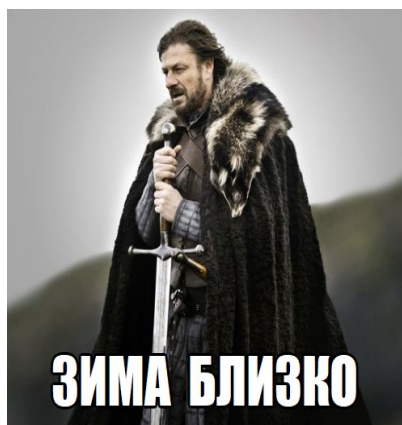

Рисунок 1

Рисунок 2

Мем «Зима близко» стал популярным благодаря экранизации романа «Игра престолов» и предостережению одного из главных героев Нэда Старка. Этот образ и фраза стали вирусными, и пользователи Интернета употребляют их в шутках, связанных с временами года, периодичностью чего-либо и как предостережение.

Дихотомия *персонаж-событие* характеризует второй признак (конкретно выраженный объект реальности), который реализуется через образ конкретного героя с ярко выраженной эмоцией. Как правило, текстовый компонент в подобных мемах усиливает воздействие на реципиента и способствует более простому восприятию.

Так, например, мем «Тони Старк разводит руками» или «То самое чувство» стал популярен после фильма «Железный человек» и пользователи Интернета употребляют этот образ в качестве выражения эмоции, обозначающей успех, крутость, достижение поставленной цели. Преимущественно мем употребляется с текстовой составляющей, но иногда может использоваться как «гифка» (*GIF* — англ. *Graphics Interchange Format* «формат для обмена изображениями») (Рисунок 3,4).

Рисунок 3

Рисунок 4

Дихотомия *традиция –инновация* характеризует третий признак, который апеллирует к уровню включенности реципиента в культуру. Для понимания эта разновидность мема является наиболее сложной, т.к. корректное декодирование подразумевает наличие у пользователей Интернета определенного культурного и исторического фона, соотнесенности с конкретной социальной и возрастной группой, в противном случае мем не достигнет нужного эффекта и это приведет к коммуникативной неудаче. Как правило, объектами мема становятся

известные фразы из фильмов или образы стереотипные образы конкретных людей или персонажей в определенной ситуации (Рисунок 6, 7).

Рисунок 6

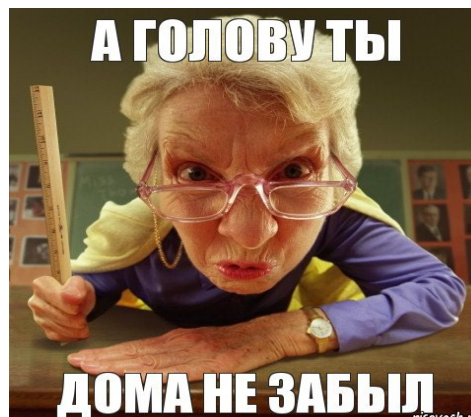

Рисунок 7

Дихотомия *фон-фигура* создается с учетом смысловых доминант. Так, мемом может стать не только персонаж, но и место, фон, которые легко узнаваемы для пользователей Интернета. Фон выражает эмоцию и настроение автора (Рисунок 8, 9).

Рисунок 8

Рисунок 9

Дихотомия *изображение-текст* характеризует признак формы отображения, т.е. здесь важно определить, что является мемом первоначально – текст или изображение. Новая текстовая составляющая может трансформировать или реанимировать уже существующий или забытый мем. Так, благодаря креолизации создаются мемные образования с неожиданным содержанием, а благодаря творческому потенциалу пользователей Интернета они подвержены активной репликации (Рисунок 10).

Дихотомия *мысль-действие* характеризует эффект воздействия и включает две разновидности мемов: мемы, которые подталкивают пользователей к конкретным действиям, вызывают определенные эмоции и мемы-флешмобы, призывающие пользователей Интернета повторить действия, слова, позы и проч. В подобных мемах частотны глаголы в повелительном наклонении (Рисунок 11).

Рисунок 10

Рисунок 11

Учитывая вышеизложенные факты, можно говорить о том, что интернет-мем — это креолизованный продукт, включающий в себя различные семиотические коды и обладающий высоким коммуникативно-прагматическим потенциалом. Интерактивный характер данного явления позволяет аккумулировать популярные и значимые для общества образы трансформируя их в новые разновидности мемов. Анализируя данное явление важно учитывать национальные и культурные особенности пользователей социальными сетями. Особый интерес представляет использование мемов для малых групп и сообществ, что, несомненно, требует дальнейшего исследования и расширения данной темы.

Литература

1. Вишнякова Н.М., Датская М.В. Характеристика фонетических средств, организующих текстовое пространство юмористических медиатекстов // Фундаментальные и прикладные вопросы науки и образования. сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. 2016. – С. 71-72.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. – 318 с.

Русский язык в поликультурном мире (8 – 12 июня 2022 г.)

3. Зиновьева Н.А. Функции Интернет-мемов в обществе. Социологический взгляд // Интернет и современное общество: сб. тезисов XVIII Всерос. конф. IMS2015, 22-25 июня 2015 г. СПб, 2015. – С. 54-56.
4. Квят А. Медиамем как инструмент политического PR: когнитивный подход // Медиаскоп. 2013. № 1. URL: <http://mediascope.ru/node/1254#24>
5. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Пер. с англ. Д. Борисова. М.: Ультра.Культура, 2003. – 368 с.
6. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Филология. 2012. № 3. – С. 160-172.
7. Habermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie // Was leistet die Systemforschung? 1971. – P. 101-141.

НЕОЛОГИЗМ «ФУДИ» В СОВРЕМЕННОМ ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О.А. Димитриева
olgaal_79@mail.ru

Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева
(Чебоксары)

Вводные замечания. Окружающий мир постоянно меняется не только технически, но меняются и увлечения [1]. Мир путешествий превращается в гастрономическое путешествие, гастротур, участники которого знакомятся с местной кухней и ищут новые гастрономические ощущения. Объединение людей в субкультуру, целью которых является поиск новых вкусов, получило наименование *фуди*. Отмечается, что впервые слово в русском языке употребляется в 2011 году [6].

Авторы некоторых лингвистических исследований относят лексеме «фуди» к молодежному сленгу, жаргонизмам в сфере интернет-коммуникации (см. [2, с. 39; 7, с. 690; 3, с. 115]). С нашей точки зрения, данная лексема является принадлежностью гастрономического дискурса и довольно часто используется в кулинарных колонках журналов, блогах и т. п.

Предметом рассмотрения в данной статье является функционирование лексемы «фуди» в текстах гастрономического дискурса, а именно описание грамматических и сочетаемостных особенностей. Материалом для исследования послужила выборка примеров из журналов, в частности «Коммерсантъ Weekend» (далее – KW), «Огонек», а также данные интернет-сайтов и несколько примеров из Национального корпуса русского языка (газетный подкорпус) [4].

Своеобразие лексического окружения. Контексты со словом *фуди*, как правило, содержат разъяснения о том, что за этим относительно новым понятием стоит:

(1) *В 2009-м мы с мужем два раза за один год слетали на Гавайи. Это почти сутки через весь земной шар. Причина такого чудачьего поступка многим может показаться еще более странной: мы влюбились в местную кухню и просто бредили пока – тартаром из тунца с дурманящей заправкой из манго, красного и зеленого лука, имбиря и сока лайма. Чуть позже я узнала, что такие, как мы, охотники*

за вкусами называются «фуди» (Ускользящая вкуснота: Елена Чекалова об индюшачьей грудке в яблочно-молочном рассоле // KW. № 45 от 23.11.2012);

(2) Такая же разница между увлеченным гурманом и обжорой: если гурманство делает человека больным, появляется лишний вес, а он не может ничего с собой сделать и все равно продолжает есть, то это уже обжорство. Новомодное понятие «фуди» из той же области: когда у этого увлечения новыми вкусами нет последствий или человек может их контролировать, – окей (Татьяна Демьяненко: Всегда есть возможность соединить «надо» и «хочу» // Стиль on-line. Приложение №196/П от 26.10.2020);

*(3) Существует целое мировое сообщество **foodies (фуди)**, готовых путешествовать не только ради памятников культуры и архитектурного наследия, но и ради интересных позиций в меню (Илья Вадимов. Эффект Michelin в Москве: Как гид поможет развитию туризма и ресторанному бизнесу // Business Guide. Два города – миллион впечатлений! Приложение № 24 от 14.07.2021).*

Когда вводится новое, полностью не освоенное понятие, слово заключается в кавычки (1), (2) или дается английский оригинал с пояснением в скобках (3). Говорящими в данных примерах подчеркиваются следующие составляющие понятия: во-первых, готовность путешествовать – (1) *два раза за один год слетали на Гавайи*; (3) *готовых путешествовать*; во-вторых, особое отношение к еде и вкусу пищи – (1) *мы влюбились в местную кухню; охотники за вкусами*; (2) *увлечения новыми вкусами*; (3) *ради интересных позиций в меню*.

В один ряд с *фуди* помещаются следующие слова, обозначающие лиц: *блогеры (гастроблогеры), кулинары, повара, кондитеры, журналисты*, что свидетельствует, с одной стороны, о причастности человека, стоящего за словом *фуди*, к миру кулинарного мастерства и приготовления пищи, а с другой – к миру общественности, некоторого сообщества, объединенного интересом к еде как «носителю» особенного вкуса: *Если вы кулинар, «фуди» или профессиональный кондитер, вам не нужно объяснять, кто такой Лейбовиц. Но для остальных любителей сладостей расскажу, что это американский кондитер, живущий в Париже. И что он счастливо сочетает в своих рецептах безупречное качество, присущее специалистам, и легкость и*

доступность рецепта, свойственную популярным блогерам (Гелия Делеринс. Тепло лимона: Пирог на все времена // Огонёк. № 12 от 01.04.2019).

Следующей значимой чертой, касающейся окружения слова *фуди*, является сочетаемость с выражениями, задающими пространственную маркированность, к которой добавляются слова со значением всеохватности: *локальные (местные, столичные) фуди* составляют оппозицию *фуди (со) всего мира / со всей планеты / из любой страны*. Кванторы *каждый, любой, все* часто сочетаются с рассматриваемым словом.

Завтраки в “Северянах” – явные звезды инстаграма, собирающие самые восторженные отзывы в соцсетях. Георгий Троян создал понятные всем блюда, которые каждый раз вызывают восторг как у местных, так и у приезжих фуди (Рестораны и бары // Стиль Лучшее за год / Best of the Best. Приложение № 67 от 26.12.2018);

Постоянное изучение природы флейвора сделало его [Хестона Блюменталя] ресторан The Fat Duck магнитом для фуди всего мира (Яблочный пирог с беконом: Еда с Еленой Чекаловой // КВ. № 40 от 22.11.2019);

Во многих знаменитых пинчос-барах готовят свою «святую троицу», то есть всего три блюда – но так, что пробовать их едут фуди со всего мира (Обожженный чизкейк: Еда с Еленой Чекаловой // КВ. № 29 от 11.09.2020).

Указание на место может уточняться, в таких случаях перечисляются наименования стран: *Мы достали место только за большим общим столом, но так было даже интереснее: одни специально добирались из Голландии, другие из Германии, третьи из Лондона – все фуди, наша компания (Северный, умеренный, до сильного: Елена Чекалова о шведском кулинарном туре // КВ. № 3 от 12.02.2016).*

Отметим такие характеристики *фуди*, как соответствие некоторому эталону, образцу, что подчеркивается прилагательными *истинный, настоящий*: *Истинные фуди не упустят возможности прицениться к знаменитым японским ножам, острее которых нет во всем мире (Храмы еды: В. Гридин о знаменитых рынках // Стиль Travel. Приложение № 49 от 15.11.2017); Вы о нем почти наверняка не слышали – ну разве что вы настоящий фуди и рыцете по всему свету в поисках невероятных гастрономических приключений. В одно из них я*

с моим сегодняшним героем и попала (Еда в кубе и клубе: Елена Чекалова о жареном молоке по-баскски // КВ. № 13 от 11.04.2014). В окружение слова *фуди* попадают качественные прилагательные *заядлые, разборчивые, продвинутые*.

Интересно употребление слова *фуди* с предикатами, маркирующими сильное пристрастие: *падки, рыскать по свету, не упускать возможности, есть шанс, бредить* (чем-л.).

Описание знаменитостей кулинарного искусства предполагает знакомство с ними и их творчеством мирового сообщества, *фуди*, т. е. в высказываниях можно встретить известные имена: Вергилио Мартинес (4-ый шеф мира, Перу), *Гастон Акурио* (14-ый, Перу), *Хестон Блюменталь* (британский шеф-повар), *Энрике Олвера* (мексиканский шеф), *Ферран Адриа* (испанский) и др.

Ясно, что в таких контекстах вербализуется и цель *фуди* (*мечта, магнит*) – новое вкусовое ощущение, поэтому в таких отрывках мы читаем о наименованиях (часто экзотических, необычных) того или иного блюда или продукта: *поке – тартар из тунца с дурманящей заправкой из манго; чизкейк был совершенно ни на что не похож и прекрасно сочетался с вином, особенно с хересом; чудо-блинчик (souffle pancakes); тончайшие прозрачные, как кружево, хлебцы с соусом из северных мидий* (КВ) и т. д.

Своеобразие грамматического окружения. Композиты с компонентом *фуди*. Слово *фуди* – несклоняемое одушевленное существительное, называющее лиц, которое может употребляться как в единственном числе (мужском или женском роде по соотношению с полом), так и во множественном числе (в большинстве контекстов) – обозначает группу лиц: *«Я всегда был страстным едоком, и это не принесло мне никакого вреда», – вспоминал Моне. Настоящим фуди он стал, когда разбогател и купил поместье Живерни. Говорят, Клод просто помешался на еде почти так же, как его друг, Александр Дюма-отец – разве что не умел сам готовить* (Завтрак с Моне: Елена Чекалова о нарядной яичнице // КВ. № 6 от 03.03.2017); ***Столичные фуди передают заветный адрес из уст в уста, а зарубежных гостей здесь едва ли не больше, чем немцев*** [Беседовала Анна Никитина. «В Москве нет такой свободы» // lenta.ru. 2017.09.11].

О том, что слово «прижилось» и активно адаптируется в русской речи, свидетельствует тот факт, что появляются композиты, составной

частью которых является *фуди*. Условно их можно разделить на два типа: 1) характеризующие явления: *фуди-гороскоп*, *фуди-мир*, *фуди-круги*, *фуди-триллер*; 2) обозначающие лица: *фуди-поваренок*, *фуди-энтузиаст*. Рассмотрим примеры:

(1) **Фуди-гороскоп**: *какое вы блюдо на новогоднем столе?* (<https://journal.tinkoff.ru/i-am-seledka/>); *Почему сериал «Ганнибал» не только фуди-триллер, но и мифологический коктейль* (<https://www.colta.ru/articles/media/3164-rogayu-bog>); *Особенно прижилась и расцвела сефардско-магрибская гастрономия: она близка Израилю и темпераментом, и продуктами, любовью к пряностям и специям. В местных фуди-кругах даже шутят: если повар хочет стать успешным, ему надо найти или придумать себе марокканскую бабушку* (Не фалафелем единым: Елена Чекалова о постной пицце // КВ №11 от 08.04.2016); *В Лондоне первой звездой стал Йотам Оттоленги. Потом фуди-мир услышал об иерусалимском ресторане Mahane Yehuda, что на одноименном рынке* (Восток, обретенный на Западе: Елена Чекалова о современной еврейской кухне // КВ. № 2 от 27.01.2017);

(2) название книги Агостино Траини «**Фуди-поваренок. Веселое путешествие по вкусному миру**»; *Гастрономический триллер известного датского документалиста отвечает на вопрос, смогут ли насекомые спасти человечество от голода. Два фуди-энтузиаста, поверив в прогноз ООН о скором истощении запасов пищи, ездят по всему свету и едят богатых протеинами пчел, сверчков и муравьев* (Что смотреть на фестивале 360°: 10 фильмов о науке // КВ. № 35 от 14.10.2016).

Как показывает первая группа примеров, составная часть *фуди* обозначает «имеющий отношение к человеку с особым интересом к еде / связанный с ним» (*фуди-круги*, *фуди-мир*, *фуди-гороскоп*) или «содержащий человека с особым интересом к еде» (*фуди-триллер*). Главной частью являются *круги*, *мир*, *гороскоп*, *триллер*, а *фуди* носит подчинительный (атрибутивный) характер.

Что касается второй группы одушевленных существительных, то здесь есть некоторые затруднения в определении того, какой компонент является главным, а какой управляющим (возможно, следует говорить о сочинительных отношениях – см. типы семантических отношений в композитах по Н. Н. Перцовой в [5]). Одним из

подтверждений этой мысли является следующий пример, в котором последовательность компонентов изменяется, и *фуди* выполняет синтаксическую роль приложения: *Так вот, простой луковый суп всего из трех основных ингредиентов – лука, масла и воды – князь-фуди считал шедевром гастрономии и посвятил ему целую лекцию господина Пуфа* (Луковый суп: Еда с Еленой Чекаловой // КВ. № 8 от 19.03.2021).

Таким образом, слово *фуди* адаптировалось и активно употребляется в современном гастрономическом дискурсе.

Литература

1. Димитриева О. А. О гастрономических образах 2020 г. (по данным словарей и интернет-ресурсов) // Этнокультурные феномены в образовательном процессе: сб. научных статей. Чебоксары: ЧГПУ, 2021. – С. 430–437.
2. Исмагилова Г. К., Нурутдинова А. Р. Русскоязычные жаргонизмы из англоязычной среды в Интернете // Казанская наука. 2020. № 1. – С. 38–40.
3. Колесниченко Л. В. Сленг: определение дефиниции. Особенности языка молодежной среды // Наука и мир в языковом пространстве: сб. научн. трудов IV Междунар. научн. конф. Макеевка: ДНАСиА, 2018. – С. 110–116.
4. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>.
5. Перцова Н. Н. Некоторые проблемы семантики словосложения // Труды международного семинара Диалог' 2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям в 2 томах. Т. 1. Протвино, 2000. С. 247–247.
6. Петров С. Кулинария как хобби в России. Попытка исторического очерка // Интелрос. Теория моды. 2011. №21. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/teoriya-mody/m21-2011/16438-kulinariya-kak-hobbi-v-rossii-popytka-istoricheskogo-ocherka.html>.
7. Цибизова О. В., Галанкина И. И. Англицизмы в молодежном сленге 2020-2021 гг.: опыт описания и анализа // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. – С. 684–698.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ БЛОГ КАК ЖАНР ПЕРСОНАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ–ДИСКУРСА

М. А. Жилина

Zhilina.maria@volgogradru.com

Волгоградский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Волгоград)

В современном мире интернет широко влияет на все сферы человеческой деятельности, в том числе на образовательную, где благодаря ему открываются новые возможности использования информационно-коммуникативных технологий. В образовательном пространстве появились новые способы обучения, вследствие чего, общение преподавателя и студента стало возможным с помощью медиасферы.

Персональный интернет-дискурс – особый тип интернет-дискурса, который формируется в личностно ориентированном коммуникационном процессе на пересечении институционального и виртуального типов дискурса. Быстрое развитие виртуального дискурса показывает важность исследования свойственных только ему жанров, один из которых является блог.

Англоязычный словарь *macmillan dictionary* трактует блог, как веб-сайт, содержащий короткие статьи, называемые постами, которые регулярно меняются. Некоторые блоги пишутся одним человеком о своем собственном мнении, интересах и опыте, в то время как другие пишутся многими разными людьми. Большинство блогов допускают комментарии читателей [5]. По мнению Е.Г. Новиковой, в качестве ведущей функции блога, определяющей его языковые особенности, выступает коммуникативная функция, так как блог является средством общения пользователей в глобальной сети Интернет с помощью компьютера посредством передачи письменных сообщений [3, с. 255]. Рост популярности блогов обусловлен технической возможностью их ведения, которая не требует специальных знаний, особенно актуально для людей, занимающихся педагогической деятельностью, у которых возникают трудности, связанные с использованием информационных технологий. Главная цель блога – это построение коммуникативной площадки, где участники могут общаться друг с другом, выражать свои чувства и размышлять на различные темы [4, р. 231].

Для детального анализа особенностей образовательного блога рассмотрим структурно-семантические и лингвостилистические параметры жанра, позволяющие не только выделять этот формат интернет-коммуникации как самостоятельный жанр персонального интернет-дискурса, но и как способ трансляции языковой личности, ориентированной на выражение личностной позиции блоггера.

Структурно-семантические параметры жанра образовательный блог.

Структурная особенность блога – это обратный хронологический порядок размещения записей, которые имеют тему, систему тегов и поле интернет-комментариев. Каждая отдельная запись представляет собой отдельную мысль блоггера, выраженную в тексте (посте), который характеризуется логичностью и целостностью.

Примером послужит образовательный блог в Телеграме о внедрении в образование игровых технологий «Teachingame». Его автор Максим Иванов делится сервисами, платформами, онлайн-тренажерами, лекциями, которые помогут педагогам, а также родителям сделать занятия интереснее и полезнее. Его команда придумывает и внедряет практики, трансформирующие образование, под индивидуальный запрос учебных центров, образовательных площадок.

Лингвостилистические параметры жанра образовательный блог.

ФОНЕТИКО-ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

Письменно-устный формат коммуникации и для блогосферы, в частности, предполагает возможность комбинирования текстовой информации и информации, передающейся с помощью невербальных средств коммуникации. О.В. Лутовинова отмечает, что в интернет-дискурсе практически не используются фонетические средства, а графические становятся все более востребованными [2, с. 33].

Использование эмодзи, маленьких картинок с различными темами, позволяют подчеркнуть важные моменты, на которые следует обратить особое внимание читателя. К примеру, в публикации образовательного блога «Teachingame» говорится: «✈️ Любите путешествовать? Мы тоже! А любимый школьный предмет всех путешественников - География🌍. Сегодня расскажем о сервисах, которые

помогают сделать урок интереснее или просто провести время с пользой» [6].

Для привлечения внимания читателя в данном образовательном блоге каждая мысль написана с нового абзаца:

«Почему не стоит изучать азбуку с ребенком по порядку? А... Б... В... Г.?»

Пожалуй, это очевидная мысль: стоит изучать новую область знаний от простого к сложному, а не наоборот. Строить образовательные программы стоит тоже от простого к сложному» [6].

Таким образом, приведенные в примерах фонетико-графические средства создают поле невербальных средств коммуникации, которые делают письменно-устную речь коммуникантов актуальней и ярче.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

В образовательных блогах, в основном, преобладает нейтральная лексика, а также разговорная, причем оценочно-маркированная. Языковая личность, коммуникативное действие которой обусловлено реализацией преимущественно целерациональных и аффективных действий, вербализуется в блоге за счет использования лексических оборотов, описывающих эмоциональное настроение автора, его творческий дух, жизненный ритм. Используются англицизмы, в том числе русские слова, образованные по английскому образцу, например: *погуглить*.

Анализ лексического состава текстов блоговых записей показывает, что жанр образовательного блога, детерминируя личностные позиции блоггеров, предлагает авторам уникальную возможность перенести привычный образ жизни и мыслей в текст, интересный не только самому автору, но и читателям.

Исследователи рассматривают блоги в том числе, как среду для непрерывного образования, диалоги в блогах позволяют прояснить позиции участников, содействуют развитию рефлексии, формируют убеждения, помогают коллективной постановке проблем и поиску их решения [1, с. 33].

Таким образом, подведем итоги. Коммуникативное пространство формируется не только вокруг блоггера, но и сам блоггер является его активным создателем. С этой точки зрения, блог можно рассматривать как инструмент самообразования и самопрезентации личности в

информационной образовательной среде. Образовательный блог следует строить как постоянно развивающийся портал, что позволяет сформировать пространство совместной деятельности и общения, в котором возникают новые роли и уровни компетентности. Блог создает идеальную среду для развития проектной и исследовательской деятельности пользователей. В отличие от сайта создание и сопровождение блога не требует наличия у создателя особой квалификации и специальных компетенций. Поддержка блога должна являться командной работой, объединяющей преподавателя и студентов. Блог также позволяет накапливать продукты интеллектуальной деятельности, предоставляет возможность эффективно управлять самостоятельной работой студентов, способствует повышению коммуникации за счет таких дидактических свойств блога, как открытость и доступность. Считаем, что образовательный блог — одна из интересных и неформальных форм организации эффективного взаимодействия субъектов педагогического процесса, которая активно развивается в последние несколько лет и заслуживает внимания педагогов-исследователей.

Литература

1. Анненков В.В. Образовательная среда сегодня и завтра: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 27.09-30.09.2006). / Ред. В.И.Солдаткин. – М.: Рособразование, 2006. – С.33-37.
2. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Лутовинова Ольга Васильевна. – Волгоград, 2013. – 42 с.
3. Новикова Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005. – 255 с.
4. Nardi, Bonnie A. Blogging as Social Activity, or, Would You Let 900 Million People Read Your Diary?/ D. J. Schiano, M. Gumbrecht, B. A. Nardi // Proceedings of the 2004 ACM conference on Computer supported cooperative work, Volume 6, Issue 3. – 2004. – P. 222-231.
5. Macmillan dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/blog_1#blog_1_1
6. Teachingame [Электронный ресурс]. – URL: <https://t.me/teachingame>

МЕДИА В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е.Н.Ильина
filfak@list.ru

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
(Вологда)

Языковая картина мира диалектоносителей и методика её реконструкции в практике анализа локального речевого контента активно обсуждаются в трудах российских диалектологов конца XX – начала XXI вв преимущественно в отношении традиционных сфер материальной и духовной культуры народа [1]. Как особые черты диалектной языковой картины мира ученые определяют её антропоцентрический характер, парцеллированность восприятия действительности, обусловленную приоритетностью проблем биологического выживания и социальной адаптации человека в условиях сельского социума, утилитарность, традиционность и экспрессивность [4]. Принимая во внимание данные ориентиры исследования, рассмотрим, как в контексте диалектной языковой картины мира оценивалось бытование различных компонентов *системы массовой коммуникации*. Материалом для наблюдений служат записи речи жителей деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области, сделанные в период с 1987 по 2021 годы и размещенные в электронной мультимедийной системе «Говор северной деревни» [2]. За это время традиционное сельское поселение значительно сократило состав проживающих и изменило свою инфраструктуру (перестали действовать почтовое отделение связи, магазин, школа и сельский клуб), превратившись в место отдыха для детей и внуков коренных жителей деревни [3]. Сейчас сообщения передаются преимущественно с помощью мобильной телефонной связи, цифрового телевидения и интернет-коммуникации. Вместе с тем собранный нами локальный речевой контент дает возможность проследить эволюцию системы массовой коммуникации деревни, а также выявить вербальные оценки различных ее составляющих в различные периоды жизни деревни.

Будучи носителями территориального диалекта – особой бесписьменной функциональной разновидности национального языка,

пожилые сельские жители изначально были ориентированы на устно-речевую форму получения информации: *Откуда новости-то узнавали? Ну, бабы что расскажут, бригадер, вон агитаторам учительницы ходили – баушка твоя да Дмитриевна. По радиву ишиш, потом по тиливизеру казать стали, программу «Вримё» – до иё старались коров обрядить. Послушашь, что в мирё диётсё, а потом если кино какой кажут.* Письменноречевая форма получения новостей была сосредоточена преимущественно в стенах сельского клуба и в домах местной интеллигенции: *Книжок-то по избам не больно дёржали – в клубе библиотека была. Там и книжки читать брали, и диафильмы казали робятишкам.* Наиболее стабильно информировала население о центральных и местных новостях районная газета «Новая жизнь», издаваемая в Кирилловском районе Вологодской области с 1931 года [Новая жизнь]: *Газеты тожо выписывали на клуб: так-то «Нову жись» по избам брали, свою-то районную, а какие другие газеты, дак Алексеевна, баушка твоя, выписывала – она учительница, ёй надэ, да в клуб – охота, дак иди читай.* В 40-е годы XX века в домах некоторых сельчан стали появляться радиоприемники, в 60-е годы система кинофикации, в 80-х стали появляться первые телевизоры: *Побогачё стали жить, дак тиливизер купили, на ём глядим: я больше «Огоньки» да какие есть кина после «Вримёни» – раньше-то мне когда с эким огородом?*

Система сельских клубов, пришедшая на смену советским избам-читальням, формировала новую «культуру повседневности» [6, с.21], становясь, с одной стороны, проводником политических идей индустриализации страны, колхозного строительства, социалистического соревнования и др., а с другой, внедряя новые формы проведения досуга и значительно сужая их географию: *Мама моя на гулянку хаживала, ну, вёрст за пятнадцать дак точно – и взамуж вот сюды, в Борбушино, вышла. Мы с Ольгой да с Нинкой Кашиной уж, поди, в своей деревне, да в Плахине гулели, да, можот, когда на Горах, вон ишиш в Перхине бывали, это вот в ту сторону лесом – у меня первой-то муж, Юрка, с Перхина. А уж наши робята дак дальше клуба борбушинскоо не бывали! Павлуха вон и в клубе, пои-ко, не бывывал – всё за книжкам да у радива.* Клуб считался важной частью инфраструктуры деревни, вовлекал в практику своей работы разновозрастное население преимущественно усилиями одного человека – заведующего клубом, клубаря

или клубарихи. Эта должность, эволюционировавшая из должности заведующего избой-читальней, предполагала, по мнению крестьян, более разнообразный и не тяжёлый в физическом отношении труд (*Нинуха-то после школы на киномеханика год училась. А чёо? Путняя робота с кинам-то, не в говне*), но воспринималась крестьянами как недостаточно основательная, «нечерёдная» работа, в том числе провоцирующая пагубные пристрастия: *Я после петучилишиша в Зыбошноё на роботу приехала, дак меня ихний избач сватал. Так-то грамотной, местной, да не поглянулось мне: все мужики путним делом заняты, а он дак ни то ни сё. Да ишишо, смотрю, и попивать стал – ну, нет, думаю, не пойду я за ёго, намаюся с им!* Будучи у всех на виду, работники сельского клуба оказывались в центре деревенских пересудов и сплетен: *Ну, поди-ко пожили они тут, пока Надька восемь классов кончала, и в город уехали. Не больно добро, как все-то на тебя глядят, завклубом – дак живёшь, как на ладони!* При всей увлеченности разными формами клубного досуга информанты подчеркивают факультативность этой деятельности, её зависимость от различных природных и социальных факторов: *Уж в сенокос дак какиё кина? Какой клуб, если вон опеть погода не знать кака, вёдра, поди, нидили не стоело сейгод! Когда сымать урожай, дак план надо выполнить. И в районе не дураки сидили, понимали, что какой, к лешому, клуб, какиё кина, когда соцсорёвнованьё!*

Восприятие транслируемого средствами массовой информации контента осуществлялось через призму традиционных представлений северных крестьян о потенциальной опасности сообщений (*По тиливизеру кажут, что опеть на нас какиё-то насыкают! Опеть войны бы не было! Матушка, царица небесная!*) и их практической пользе (1. *Численник мне купи – у ёо на каждой страничке чё-нить да полезное пишут. 2. Я у Галинки своей ВКонтактё наладиласё смотреть, как чёо в огороде диёццё – какаа-то баба ёй всё выкладывает – и как сорняков чтобы не было, да про огурцы вон читала вчёра – надэ сейгод эдак-то попробовать*). Степень одобрения сельчан зависела от того, насколько сообщения в средствах массовой информации были им были понятны и близки. Многие сюжеты развлекательного контента становились предметом длительного и жаркого обсуждения, максимально приближаясь в пересказе к описаниям окружающей информантов действительности: *Ну, чёо смотрили? Вот, про Завру. Там оне*

тожо были деревенскиё, токо где-то на юге, с неграм. Роботали все на этой, как иё, на фазенде, вот как мы: в полё ходили, коров доили... А старшой над ими был Леонтий – уж какой, сука, был зимогор, дак ой! А Завра деушка ишио молодая была, порядошнаа. Дак Леонтий всё над ёй изгалялсё – ну, ндравиласё она ёму, а путнё оне ж не могут, худой он был мужик! Сколькёх истравил народу, кто к Завре сваталсё да ёй вопше помогал. Мы уж с бабам сколь ревили, как Завру-то петали – и в колхоз роботать отправлели, и запирали, и мужиков ёйных довели не одинова. А там ишио Роза была, полюбовница этого бл...ого Леонтия, тожо сука не знать кака! Дак она пуце Леонтия Завру-то изводила. Вот, помню, налила ёй в рюмку, ну, пои, водки ли чё? Пей-ко, Завра! А чё-то оне замешкалисё, дак Роза сама эту водку-то схлестала и сдохла (о сериале «Рабыня Изаура», 1976, режиссеры Э. Росану, М. Гонсальвес). Оценка воспринимаемых сообщений в речи информантов во многом зависит от традиционных представлений о нормах поведения человека в социуме (Пошто-то кажут всё «Ирония судьбы», что хорошей фильм, а я дак против! А непчто до свинячъёй-то рожки напиватьсё! Всё ведь отчёо? А вино ждрать эдак нечёо! У ёо ведь своя была невеста, ёй-то, пои, как тошно! Ну, бог отвёл от алкоголика-то!), а также о красоте и целесообразности: Завра-то такая небольшенькая была, ладненькая деушка, фигуристая, не как ноне – доска. «Свинарка и пастух», помню, казали. Дак там деушка была Глаша – и посмотреть на что исятко, и роботяшшая, и всё при ёй. В оценке, как мы можем убедиться, весьма отчётливо проявляется грубоватая экспрессивность, в целом свойственная диалектной речи: Всю и жопу-то обтянуло, и титьки! Раньше в эком на улицу выйти страм какой был! А ноне по тиливизеру казать стали, и наши девки, смотрю, экоё накупили, брезготницы! С течением времени явления «городской культуры» все больше проникают в сельскую повседневность через фильтры локальной картины мира картины мира и традиционной сельской культуры [Сидорова, 2019]. По воспоминаниям информантов, «встреча двух культур» могла быть весьма драматичной: 1. В Череповец съехала к Маринке с Валеркой, дак он меня в салон сводил. Баушка, тебе какоё кино поставит: про войну или про любовь? А давай, – говорю, – Валерка, про любовь, на что мне про войну-то? Дак он мне, девки-матушки, чёо поставил, дак я уж на что старуха, с дедком жись прожили, робят нажили, а экого-то б...ства отродесь

не видывала! 2. Дедко, рассказывали, у их тиливизёр убил. А чёо? А за бабскийё прокладки <телереклама гигиенических прокладок – Е.И.>. Ладно, говорит, жись прожили, бываёт, но чтобы по тиливизёру казать? Да ишио оне по небу лётят, крыльям машут! Вот взял топор и х...кнул! Наиболее яркие воспоминания связаны с концом 80-х и 90-ми годами XX века – временем весьма заметных социокультурных изменений в российском обществе.

Литература

1. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. Москва: Индрик, 1998. – 240 с.
2. Говор северной деревни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://borbushino.vogu35.ru/>
3. Ильина Е.Н. Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни: монография // Е.Н. Ильина, С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчева, Е.А. Кирилова. И.Е. Колесова, Н.Г. Мельникова / научн. редактор Е.Н. Ильина. Вологда: Изд-во ВоГУ, 2021. – 684 с.
4. Кирилова Е.А. Структура сложных слов в современных вологодских говорах: Дисс. ... канд. филол. наук / Е.А. Кирилова. Вологда : ВГПУ, 2008. – 203 с.
5. Новая жизнь: общественно-политическая газета Кирилловского района Вологодской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kirsmi.ru/>
6. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления: монография / И.Б. Орлов. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2010. – 317 с.
7. Сидорова Г.П. «Преодоление различий между городом и деревней», или советская городская повседневность против сельской // Культура и искусство. 2019. № 2. – С. 28–36.

**ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
КАК СПОСОБ ПРЕЗЕНТАЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА СТАНИЦЫ АРХАНГЕЛЬСКОЙ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

Костина Л. Ю.

patriot30@mail.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Краснодар)

При языковом освоении окружающего мира перед человеком стоит необходимость не только номинации предметов и явлений, но и их классификации. В науке существуют различные виды системных описаний лексико-фразеологической системы (по форме, по значению, по форме и значению одновременно) с целью упорядочения огромного количества неоднородных и многоаспектных языковых единиц. При этом объектом рассмотрения становятся не отдельные слова, а группы слов, связанные друг с другом (предметные, тематические, лексико-грамматические группы и т. п.).

Одной из существенных проблем в процессе тематического описания лексико-фразеологического пространства диалекта является неравномерность представленности языкового материала по тематическим группам. Для оптимизации презентации диалектного состава говора предлагается рассматривать тематические и лексико-грамматические группы, связанные понятийно-логическими отношениями, в рамках лексико-тематического комплекса (ЛТК). Введение такой структурной единицы, как ЛТК, позволяет объединить достаточно разнообразные лексемы с целью их комплексного лингвистического анализа. Представим его процедуру на примере ЛТК «Земледелие». Отметим, что при анализе принимались во внимание экстралингвистические комментарии и учитывались такие интралингвистические параметры, как характеристика состава ЛТК по происхождению, степени употребительности, стилистической окраске, мотивационные и словообразовательные отношения.

Земледелие относится к основным видам трудовой деятельности жителей станицы Архангельской Краснодарского края. Лексика сельского хозяйства, безусловно, самая показательная часть словаря любого диалекта. Именно лексические единицы данной тематической

группы в большей степени испытывают влияние различных экстралингвистических факторов: с развитием новых производственных отношений образ жизни людей сильно изменился, что привело к переходу в пассивный запас многих лексем, связанных со старыми формами ведения хозяйства. Однако сельскохозяйственная лексика достаточно легко всплывает в рассказах информантов, что является показателем её актуальности в прошлом.

Станица Архангельская расположена на северо-востоке Краснодарского края, в его степной зоне. В местном говоре зарегистрированы два грамматических варианта: *стен* (м. р.) / *стень* (ж. р.). Несмотря на то что общенародный вариант постепенно вытесняет диалектизм мужского рода, в речи старожиллов диалектный вариант до сих пор употребляется последовательно. Эта лексема в говоре станицы Архангельской обозначает все земли, находящиеся вне населённого пункта, взятые вместе. Ср. показательный контекст: *Мы рабо'тали на степу' / в степи'*, то есть работали не в станице, а за её пределами.

Среди наименований земельных угодий отметим диалектизмы *гон* 'участок пахотной земли', *пахани'на* 'пахота, пашня', *проко'с* 'скашиваемая (прокошенная) полоса в ширину взмаха косы'. Лексема *пай* демонстрирует показательную динамику: от полного устаревания в силу экстралингвистических причин до возрождения в новом значении. Устаревшим является ЛСВ 'основной земельный надел казака', повсеместно бытовавший в казачьих станицах ранее. В речи современных жителей слово активно используется в значении 'земельный надел колхозников, переданный им в частную собственность'. См. контекст: *Мне пай да'ли, но пришло'сь э'тат пай прада'ть да гас праве'сть*.

В записанных воспоминаниях информантов старшего поколения зафиксированы также следующие лексеммы, уходящие в пассивный запас: *копёшка* 'небольшая копна сена, хлеба; копёнка', *кресте'ц* 'укладка снопов', *одо'нок* 'круглый стог', *снопу'ха* 'связка, пучок чего-либо' (лексический диалектизм образован от общенародного *сноп* посредством суффикса, затем произошло расширение первоначальной семантики).

Изменились условия работы в поле. Если раньше станичники сооружали в степи временные постройки, то теперь в них нет необходимости, в силу чего их диалектные наименования перешли в пассивный запас. См., напр.: *балага'н*, уменьш. *балага'нчик* 'шалаш, в котором

спали в степи в период полевых работ’, *та’бор* ‘полевой стан’. Среди устаревших номинаций сельскохозяйственных орудий труда зафиксированы существительные *бу’карь*, *бу’харь* ‘устар. плуг «Буккер»’, *волоку’ша* ‘примитивное сельскохозяйственное орудие для разравнивания поверхности пашни, состоящее из плетня’, *са’дка* ‘устар. простейшая сеялка’. Тематически примыкает к данной группе лексем диалектизм *зуба’рь* ‘устар. рабочий, подающий пшеницу в барабан молотилки’ (ср. наименование одной из составных частей молотилки – *зу’бьев*, куда человек непосредственно подавал снопы: *У машы’ны бы’ла два зубаря’, снапы’ в зу’бья падава’ли*). Во второй половине XX в. в станице появились машины, в том числе *конба’йн*, *конба’йна* ‘комбайн’ – грамматические диалектные варианты (ср. также *комбаёр*, *конбайнёр*, *конбайнёрщица*). Представляется, что функционирование в местном говоре образного выражения *бескишо’чный тра’ктор* в значении ‘трактор с незакрытым двигателем’ вызвано парцеллированием, стремлением к дробности наименований, – конститутивной чертой картины мира носителей диалекта. См. контекст: *Бискишо’чный тра’хтар*, «*Билару’с*», *у ниво’ бака’ аткры’тыи*.

Среди номинаций сельскохозяйственных инструментов следует отметить ряд следующих лексем. *Бармаки’*, *баштармаки’* ‘деревянные вилы для подъёма сена, соломы’: *У бармако’ф во’симв и’ли де’силь зу’быйиф, то’лька на канцу’ ша’рыки, э’та ви’лы таки’е... Баштармаки’ – э’та мно’га зу’быйиф* (диалектизм *бармаки’* зафиксирован лишь на Дону, что позволяет его квалифицировать как узколокальный [3, с. 118; 1, с. 36], лексема *баштармаки’* в лексикографических источниках не зарегистрирована, вероятно, образована в местном говоре в результате языковой игры). *И’стик* ‘железная лопаточка для прореживания посевов некоторых сельскохозяйственных культур’: *И’стик? Де’лался он: ади’н кане’ц во’стрый, друго’й крюко’м, шоп зацапи’ть и’ли накало’ть сарня’к. У пыни’цу и с тя’пкой ни зале’зиш, ана’ш густа. Реза’к* ‘небольшая коса с короткой ручкой’: *А камы’ш и рэзака’ми, и серпа’ми каси’ли... Хади’ли, рызако’м камы’ш каси’ли па льду’*. В настоящее время жителями станицы *реза’к* применяется не только для резки камыша, ср. контекст: *Карто’шку на’да капа’ть, а гаро’д заро’с, дык как взила’ риза’к, так да абе’да ни разгина’лася*. См. также: *держак* ‘деревянная ручка тяпки, лопаты, вил’, *сапа’чка* ‘тяпка’. *Цеп* ‘ударная часть цепа’: *Цыпо’м па пацо’лнухам би’ли...*

Разма'хывали цэ'пам, о та'к и би'ли, выбива'ли се'мички (семантический диалектизм, значение которого образовано на основе метонимического переноса) (ср. лит. *цеп* 'ручное орудие для молотьбы, состоящее из длинной ручки и прикрепленного к ней ремнём (или верёвкой) короткого деревянного била' [2, с. 647]). Отметим, что многие наименования инструментов, механизмов мотивированы глаголами, действие которых лежит в основе работы приспособлений (*держа'к, реза'к, са'дка, сапа'чка*), что закономерно для обозначения активных орудий труда.

Отличительной особенностью лексических единиц, входящих в ЛТК «Земледелие», является разная степень их употребительности: от устаревших и устаревающих, находящихся на периферии лексической системы, до активно функционирующих, входящих в ядро словарного состава говора.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
2. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М., Л., 1965.
3. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.; Л.; СПб., 1966.

ИСТОРИЯ ОДНОГО САМИЗДАТА: ДИСКУРСИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАКРОНАРРАТИВА

Е.С. Моштылева

moshtyleva@unn.ru

ФГАУО ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
(*Нижний Новгород*)

Речевое взаимодействие в интернете выходит за рамки традиционных жанрово-стилевых конструкторов, что предопределяет различного рода текстовые трансформации, в том числе и нарративизацию сетевой коммуникации. В настоящее время нарративные структуры можно обнаружить практически везде: в сфере блогинга и социальных сетей, интернет-магазинах, электронных средствах массовой информации. В интернет-языке активно смешиваются речевые стратегии в блогах, чатах, аккаунтах, генерируется особый сленг, элементы которого легко переходят в общеупотребительный пласт лексики, часто используются языковые игры [2, с. 111–127].

Вслед за Т.Б. Радбилем, под нарративом мы понимаем следующее: «это то, что имеет (или чему может быть приписано в режиме воспринимающим сознанием) точку отсчета («начало») и завершенность («конец»), участника / участников («героев»), временную последовательность событий («сюжет»), некую дистанцируемую, имплицитную, выводимую из изображаемого точку зрения на события («образ автора») и – обязательно – некое дистанцируемое, реальное или воображаемое (моделируемое), имплицитное или эксплицитное воспринимающее сознание («образ адресата»)» [6, с. 30].

Нарративы в интернете определяются психологическими и общественными характеристиками адресанта – интересами и потребностями, социальным статусом, эмоциональным состоянием (на момент речи) и личностными качествами. Речевые характеристики также оказывают влияние на конечный продукт – его представления о коммуникативной ситуации, о себе как субъекте речи, о непосредственном реципиенте и случайных участниках коммуникации, ожидания перлокутивного эффекта (хотя последнее чаще лежит вне языковой действительности). Иными словами, нарратив информирует получателя об адресанте – зависит это от его воли или не зависит.

Е. В. Падучева в своих исследованиях отрицала возможность отождествления автора-создателя с говорящим [5, с. 164–169], что, по-видимому, справедливо и для интернет-нарратива. Последний характеризуется неполной ситуацией общения: с создателем текста не взаимодействуют читатели, а только с его образом, отображением. Автор и читатель не имеют единого понимания времени, они зачастую могут не обладать одним представлением о мире, едиными фоновыми знаниями. Читатель может прочесть текст, опубликованный сегодня, завтра, на следующей неделе или через пару лет, и тогда у этого текста будут другие условия прочтения, у автора – другие социокультурные характеристики, способные обуславливать возникновение новых значений и иной интерпретации текста, нежели в момент опубликования.

Некоторые интернет-СМИ привлекают внимание читателей объединением тематически разных нарративов, создавая особую концепцию общения. В том случае, когда исследуется дискурсивное единство нарративов, объединённых идеологически и тематически, необходимо говорить о таком объекте, как макронарратив. Под этим термином в статье понимается произведение, объединяющее несколько нарративов в рамках какой-либо идеи.

К макронарративам относятся некоторые «крафтовые» СМИ (ресурсы, которые позиционируют себя в качестве средств массовой информации, но таковым юридически не являются). Их особенность в том, что читатель погружается в созданную автором среду с определённой целью: привлечение внимания, отметки «Мне нравится», упоминания в виде гиперссылок, продвижение, монетизация и др. Цель «крафтовых» СМИ – рассказывать о действительности вне каких-либо ограничительных рамок. Для интерактивного взаимодействия с аудиторией создаются собственные концепты, мифологемы или целостная мифология, погрузившись в которую читатели усваивают ценностные нормы и становятся «своими». Кроме того, «крафтовым» ресурсам свойственно изобретение «собственного» языка, намеренное разрушение профессиональных штампов на всех уровнях вербального текста и визуально-графического оформления» [1, с. 76–81].

Так, например, макронарративами являются интернет-самиздат «Батенька, да вы трансформер», информационные онлайн-ресурсы «The Village», «The Noisetier», «Open Horizons», «Veter Magazine» и др. Но если в «Батеньке» событийно подавляющее большинство статей,

то, к примеру, ресурсы «The Noisetier» и «Open Horizons» содержат не только нарративы, но и тексты в жанрах инструкций, рецензий, репортажей. Также к макронарративам относятся концептуальные музыкальные альбомы, оперы, хипхоперы («Орфей & Эвридика» Noize MC [4, с. 112–128], «Горгород» Oxxxumiron и др.)

Довольно примечателен ресурс «Батенька, да вы трансформер». Самиздат функционировал с июля 2014 года по декабрь 2021 года, после этого перешёл в статус «музея». Коллектив авторов сознательно уходил от традиционных медийных стандартов, не привязывая статьи к информационным поводам. Статья в «Батеньке» - это нарративизированное исследование, инициированное по личному желанию автора. «В рамках одного материала могут быть обнаружены структурные элементы как научно-популярной статьи, так и репортажа с включенным наблюдением» [1, с. 79].

Издание часто привлекало внимание в качестве уникального объекта для исследований «крафтовых» медиа [1] и феномена в сфере массовых коммуникаций [3], однако до сих пор остаётся непопулярным для русистики и нарратологии. Тем не менее, формы коммуникативного взаимодействия, положенные в основу этого ресурса, а также лингвистическое описание этой модели наррации представляют определённый интерес.

Речевые особенности «Батеньки» в том, что язык статей определяется материалом и темой, может содержать специальную лексику, терминологию, сниженную лексику, жаргон.

Создателями «Батеньки» сформулированы идеология («Орден апокалиптологов») и манифест («Конец света уже наступил, просто никто не заметил»). Создатели самиздата считают своим вдохновителем Теодора Глаголева (он же располагается на логотипе самиздата) – полумифического персонажа, который *должен был сесть на «Титаник», но не сел, и всё равно пропал*, а однажды даже пролил на Мопасана кофе в ресторане на Эйфелевой башне. Провозглашается, что деятельность «Батеньки» — это продолжение исследований и бесконечного поиска Глаголева, несправедливо забытого миром русского супергероя, путешественника, орнитолога, апокалиптолога. Главной миссией его было изучение людей, которые не обращают внимания на то, что конец света настал давно: *Глаголев путешествовал по миру и собирал сведения об удивительной жизни людей после Конца света.*

Повадки. Привычки. Заблуждения. Мечты. <...> Клондайк, зарождение американского футбола, расцвет спиритизма в Европе, танцы мёртвых тел под силой электрического тока, неизвестные племена, войны, аварии, трагедии, соревнования, ежедневный сюр с газетных полос — всё это было в жизни Теодора Глаголева. Создатели «Батеньки» планируют изучать жизнь людей в условиях Постапокалипсиса — то есть, по их мнению, сейчас.

Обычная практика для издательских ресурсов — убеждение читателя подписаться на рассылку. В «Батеньке» это сделано так же идеологично: надпись *МИР В ОГНЕ* крупными буквами и текст, который якобы обещает читателю в случае подписки *не погибнуть в этом хаосе*. Поисковая строка заполнена текстом *Найти то, что потеряно* — в духе постапокалиптичности предлагает читателю отыскать что-то утерянное.

У «Батеньки» собственный шрифт, который, как показывают наблюдения, становится всё более узнаваемым. Редакция самиздата во время своей активности осуществляла много рекламных интеграций и спецпроектов (например, с «Мегафоном», «Инвитро»), нарративных подкастов.

Истории, опубликованные на «Батеньке», имеют в большинстве своём типовой заголовок *«Как X что-то делает / делал»*. Все заголовки цепляющие, сопровождаются чёрно-белым превью, которое после наведения курсора становится цветным. Практически все текстовые и графические элементы «Батеньки» направлены на привлечение внимания читателя, на взаимодействие с ним и диалог. Образ читателя содержит ту же культурную память, что и Орден апокалиптологов, иначе намерение его создателей может считаться неудачным с коммуникативной точки зрения. Идеальный читатель — это тот, кто принял условия игры, кто согласен или почти согласен с философией постапокалипсиса, а потому готов *исследовать мир* таким, как его видят создатели «Батеньки». Тексты строятся с учётом имплицитруемой позиции такого читателя, его культурной и языковой компетенции, интересов и ожиданий.

Образ автора воплощён в образе Ордена апокалиптологов — в него, вероятно, входят все те физические авторы, имена которых располагаются наверху отдельных статей. Все тексты выполнены в единой концепции и едином стиле, имеют типовое оформление — все они

креолизваны, размер шрифта меняется в зависимости от смысловых акцентов, которые авторами считаются наиболее важными. Все статьи и нарративное обрамление (история Глаголева, манифест «Батеньки») представляют собой особую форму моделирования реальности – чтобы истории таксистов, феминисток и шизофреников стали ещё интереснее, им придаётся постапокалиптический смысл – якобы это те истории, что происходят в новом мире после конца света. Истории в статьях – это модели событий, которые происходят в нашем мире, «Батенька» – это модель мира, альтернативная реальность, пограничная (и иногда пересекающаяся) с нашей.

С функциональной точки зрения, большое внимание уделяется экспрессии и установке на адресата (доминируют эмотивная и конативная функции). В нарративах практически всегда подробно описывается обстановка для создания иммерсивности (эффекта присутствия), причём, на первый план выходит история об истории (подробный рассказ об интервьюировании, о собирании материалов для статьи, об исследовании какого-то социального явления). Статьи, как правило, двусобытийны – включают в себя события о взаимодействия читателя, текста и автора, а также события, выстроенные вокруг персонажей-актантов.

Нарративы основаны на событиях реальной действительности, которые рассказчик переводит в текстовый модус. Инстанция всеведущего рассказчика в этом случае практически исключена, поскольку повествование ограничено осмысленными читателем фактами. Нарратор принимает формы как перволичного, диегетического, так и третьеличного, экзегетического.

В заключение отметим, что нарративные структуры прочно вошли в социально-политические контексты, транслирующие информационную картину мира. Повествование всегда было и остаётся наиболее комфортным кодом для передачи сообщения от автора к читателю, а значит, содержит серьёзный потенциал для направленного речевого воздействия, в том числе и языкового манипулирования человеческим сознанием. Полагаем, последнее обстоятельство предопределяет необходимость исследований в этом направлении с использованием достижений лингвистики нарратива и интернет-лингвистики.

Литература

1. Болдырева Т. В. Феномен «крафтовых» СМИ // Поволжский педагогический вестник. 2018. Т. 6, № 1(18). – С. 76–81.
2. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии. Жанры речи. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. – С. 111–127.
3. Конкин А.А. Феномен подкаста в системе репрезентации межкультурных и социально-политических явлений // Вестник ЗабГУ. 2021. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-podkasta-v-sisteme-reprezentatsii-mezhkulturnyh-i-sotsialno-politicheskikh-yavleniy> (дата обращения: 27.02.2022).
4. Моштылева Е.С. Взаимодействие нарративного и лирического начал в текстах современных музыкальных исполнителей // Научный диалог. 2021. № 4. – С. 112–128. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-112-128.
5. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. – С. 164–169.
6. Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. – 592 с.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ПОДКАСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Т.В. Романова, Д.А. Маликова

tvromanova@mail.ru, damalikova@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Нижний Новгород)

Подкаст – жанр медиатекста представляющий собой «интернет-аналог теле- или радиопередачи», т. е. тематическую серию видео- или аудиозаписей, размещаемую в сети Интернет [6; 7, с. 205]. Подкаст как медиатекст выступает «дискретной единицей медиадискурса» [2, с. 23]. Если рассмотреть подкаст на предмет его тематических разновидностей, становится очевидной его междискурсивность: он находится на границе медийного и научного дискурсов, поэтому его можно отнести к научно-популярному дискурсу. В научно-популярном дискурсе профессиональные знания адаптируются под непрофессиональную среду. Автор научно-популярного текста стремится «не только транслировать научную информацию, но и сделать свой материал конкурентоспособным» [1, с. 27]. Функция привлечение внимания как форма проявления воздействия свойственна всем медиатекстам [5].

С целью выявления коммуникативных стратегий и тактик презентации научных знаний с указанием функций и приемов их реализации нами были использованы аудиозаписи подкастов «Эффект наблюдателя», «Нейрочай», «Мой ресерч», «Слушай, Алиса!», «Голый землячок» и Machine Learning Podcast. Общее количество проанализированных эпизодов – 7 (208 минут 36 секунд).

Представляется уместным соотносить понятие общей коммуникативной задачи с понятием функции дискурса и на этом основании классифицировать стратегии и тактики в соответствии с основными функциями научно-популярного дискурса – познавательной и воздействующей.

Под познавательной функцией понимается использование дискурса в целях освоения мира «мыслью и словом, поиском, анализом, интерпретацией и информированием» [3, с. 191]. Ей соответствует **информирующая стратегия**, реализуемая посредством следующих тактик, характерных для научно-популярных подкастов.

Тактика апелляции к фоновым знаниям базируется на пресуппозиции адресата, достаточной для понимания высказывания, и эксплицируется посредством метатекстовых маркеров типа *вспомним, как известно*. В текстах подкастов пресуппозиция зачастую формируется на основе интертекстуальных связей, обращающих адресата к информации из предыдущих выпусков либо прогнозирующих содержание будущих эпизодов:

<...> следующий пример / а-а мы тоже его уже касались это компьютерное зрение; <...> он тяготеет к такой / всем нам известному по урокам литературы течению романтизма [в письменной разметке: / – пауза короткая, // – длительная. – Т. Р.].

В приведённых примерах использована МЫ-форма, что мотивируется, с одной стороны, массовостью адресата, а с другой – стремлением авторов подчеркнуть статусное равенство адресантов и адресата.

Тактика расширения информации используется для «выравнивания прагматических пресуппозиций коммуникантов» [1, с. 27]. С учетом статусного неравенства участников научно-популярного дискурса данная тактика представляется особенно продуктивной. Введение дополнительного компонента в текст подкаста осуществляется линейно, вербально, самим говорящим:

<...> провели /–/ подготовку / в обработке текстов вам нужно / произвести ряд операций для того чтобы / машина могла воспринимать эти тексты правильно [в разметке /–/ – пауза hesitation длительная. – Т. Р.].

Однако технологические свойства подкаста дают возможность расширить пресуппозицию посредством введения аудиального компонента нелинейно, с помощью монтажа:

Ну если вы на Скриптонита посмотрите и послушаете его тексты// послушаете напимер /–/ песню-ю /–/ ВНИЗ? <фрагмент музыкальной композиции>.

В ходе анализа набор информирующих тактик был дополнен **тактикой сужения информации**. Она заключается в эксплицитно выраженном отборе фактов с целью адаптации материала для аудитории, не всегда заинтересованной в глубоком погружении в тему:

Чтобы / не утомлять слушателя / семнадцатью / темами / самые-е / часто встречающиеся <...>.

Тактика объяснения характеризуется широким спектром речевых приемов. Помимо использования метатекстовых конструкций (*условимся в терминах, сейчас я расскажу и пр.*), она реализуется в различных синтаксических приемах (парцелляция, вопросно-ответные комплексы). Тактика объяснения посредством перефразирования терминологии может строиться, например, на уподоблении, и даже на антитезе. Так, ведущий Machine Learning Podcast объясняет специфику машинного обучения путем его сопоставления с традиционным программированием:

Его определение звучит следующим образом // машинное обучение / процесс / в результате которого машина / компьютер / способна показывать поведение которое в нее не было явно заложено / запрограммировано // ну то есть существует традиционная разработка программного обеспечения / когда входные данные / и алгоритм / известны заранее // пишется просто какая-то программа для получения нужного выходного значения.

В приводимых ниже примерах тактика объяснения реализуется в идентифицирующих метафорах:

Нейроны будут постоянно возбуждаться возбуждаться / и что они / – / устают / или типа такого? <смех>. Мы видим вот этим / мазки / маскулинности которые / наносятся / на жанр / русского рэпа.

Идентифицирующие метафоры зачастую сопровождают тактику объяснения через визуализацию глазами «дилетанта». Это объясняется задачей создания конкретно-чувственного образа:

Ну / для простоты примера давайте возьмем модель которая должна отличать кошечек от собачек / то есть смотреть на картинку и сообщать что на этой картинке изображено.

Прием конкретного иллюстрирования может решать не только задачу объяснения, но и задачу анонсирования:

<...> если вы / только начинаете / заниматься этой областью то наверное вам не все понятно но в процессе мы это / разберем более детально // думаю что-то не-е в этом подкасте но в следующих других / на каждом пункте будем останавливаться и-и / смотреть.

Функция воздействия заключается в формировании у адресата определенного отношения к подкасту и его автору (авторам). Она чаще всего реализуется в **стратегиях** самопрезентации, адресации,

кооперации и удержания аудитории. Данная классификация предложена Н.Г. Нестеровой [5] по отношению к текстам спонтанного радиодискурса, но может быть применима и к подкастам в силу родственности жанров.

Стратегия самопрезентации реализуется, как правило, в начале эпизода, где делается программное заявление (**тактика моделирования структуры имиджа подкаста**), а также представляются ведущие и гости программы (**тактика представления адресанта**). Программное заявление представляет собой авторскую речевую формулу, характеризующую тематическую доминанту подкаста, и используется для формирования устойчивой ассоциативной связи между названием подкаста и его тематической направленностью. Адресанты представляются как равноправные участники коммуникации, однако доминирующая роль в продуцировании высказывания отводится приглашенным экспертам. Автор подкаста выполняет функцию модератора, инициируя речевой акт и осуществляя контроль над темой посредством наводящих вопросов и комментариев.

Тактика моделирования структуры имиджа подкаста осуществляется, как и в радиопрограммах, посредством повтора названия подкаста. Дополнительным стилистическим средством выступает смешение вербального и аудиального кодов, где невербальная семиотическая система выполняет иллюстративную функцию [6]:

<звяканье посуды> Нейро / чай!

Еще один способ реализации тактики – использование программного заявления. Ориентация на неподготовленного слушателя эксплицируется в лексике соответствующего лексико-семантического поля: *неспециалисты, просто, доступно* и пр.:

<...> это очередной выпуск подкаста посвященного машинному обучению от неспециалиста для неспециалистов.

Используемая в целях самопрезентации **тактика позиционирования** призвана обозначать ценностные установки создателей подкаста, за счет чего осуществляется кооперация со слушателем. Ценности зачастую выражаются имплицитно и определяются при лингвистическом анализе путем рассмотрения речевого акта как единства иллокуции, локуции и перлокуции, что связано с извлечением имплицитур из семантико-прагматической структуры высказывания.

Тактика прогнозирования перлокутивного эффекта, например, заключается в эксплицитном предугадывании вопроса, который может задать адресат в процессе прослушивания. Она маркируется модальными словами и конструкциями, зачастую – лексикой с семантикой речемыслительной деятельности. Номинация адресата медиакоммуникации осуществляется с опорой на такое его свойство, как массовость, обобщённость:

Вы наверняка спросите что происходит откуда такая тема / объясняю.

Тактика интимизации сглаживает статусные различия между адресантом и адресатом, создает эффект открытости и доверительности. Она реализуется в апелляции к личному опыту, а также в «формировании семантики “своего круга”» [5, с. 59]. Так, позитивное оценивание адресата осуществляется посредством лексики с семой положительного отношения:

Дорогие слушатели / хотим пригласить вас подписаться на Ze Вышку во всех соцсетях.

Эффект «своего круга» достигается и через апелляцию к прецедентным феноменам. Прецедентность реализует принцип равноправия, свидетельствует о доверии адресантов к целевой аудитории и призывает их к ответному доверию.

Стратегия адресации представлена техниками, служащими «различным целям управления пониманием адресата» [4, с. 762]. Среди них – тактики переключения и смешения кодов, дифференциации аудитории, языковой игры, ориентации на языковую моду и позитивного оценивания адресата. Наиболее активно **тактика ориентации на языковую моду** используется в подкасте «Мой Рисерч». Она представлена иноязычными заимствованиями, прошедшими адаптацию в русском лингвокультурном пространстве:

Сегодня у нас необычный выпуск / долгое отсутствие новых мы решили компенсировать двойной порцией контента. Шла вот эта вот / остаточная волна / хайпа. <...> когда мы получаем какую-то совокупность слов которая описывает какую-то тему внутри рэпа / нам нужно иметь некий бэкграунд / чтобы интерпретировать ее. <...> в этом / опыт написания этой курсовой работы был очень таким инспирирующим.

Тактика переключения кодов в подкастах широко представлена чередованием вербальных фрагментов и музыкальных вставок (джинглов). Это осуществляется для логического перехода между микротемами и активизации внимания слушателя. **Тактика смещения кодов** реализуется, например, в сочетании научного и обиходно-бытового стилей.

В ходе исследования классификация тактик удержания аудитории была расширена. Были выявлены тактики надевания маски и игры мотивом в рекламных интеграциях, тактика сторителлинга и тактика прогнозирования перлокутивного эффекта. Была доказана междискурсивная природа научно-популярного подкаста, были обнаружены приемы реализации стратегий и тактик, обусловленные медийностью и поликодовостью подкаста как медиатекста.

Литература

1. Воронцова Т.А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №. 37 (328). – С. 26–29.
2. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. – С. 20–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-kak-obekt-lingvistiki-i-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 17.03.2021).
3. Желтухина М.Р. Функции масс-медиаального дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвузовский сборник научных трудов. Орёл: Орловский государственный институт культуры, 2007. – С. 191–201.
4. Киселев А.Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. №. 53. – С. 762–765.
5. Нестерова Н.Г. Коммуникативные стратегии и тактики в спонтанном радиодискурсе // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. №. 2 (10). – С. 55–60.
6. Романова Т.В., Винокурова А.С., Маликова Д.А. Когнитивно-дискурсивный анализ новых сфер и жанров коммуникации. Монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2021. – 120 с.
7. Словарь языка интернета.ru / под ред. М.А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2016. – 287 с.

ЛИНГВОМАРКЕТИНГ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Д.С. Скнарев

sknar@list.ru

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(Москва)

В современной науке особенно актуален вопрос соотношения языка и маркетинга. Значимость поднятой темы подтверждается проявленным интересом к ней со стороны отечественных [1-5; 7] и зарубежных исследователей [9-10].

Существует множество трудов, рассматривающих маркетинг (маркетинговые коммуникации) с социальной, психологической, философской, лингвистической и других точек зрения. Полагаем, что все их можно объединить и назвать маркетинговедением. В ряду этих работ присутствует значительный объем трудов, посвященный рассмотрению языкового аспекта маркетинговых коммуникаций и, в частности, языковой специфике текстов маркетинговых коммуникаций (рекламным, PR-текстам, текстам брендинга и др.). Изучаются также отдельные текстовые единицы маркетинговых коммуникаций. Например, заголовок, слоган, бренд-нейм.

Просто включать это в область маркетинговедения вместе с другими исследованиями нам показалось нелогичным. Должно быть что-то свое, более конкретное. Например, лингвомаркетинг.

В науке был предложен термин «маркетинговая лингвистика». Борисова Е.Г. называет маркетинговую лингвистику новым лингвистическим направлением, отмечая тот факт, что выявление языковых особенностей речевого воздействия позволяет прогнозировать успешность тех или иных действий в сфере маркетинговых коммуникаций: рекламных кампаний и сообщений. По ее мнению, данное прикладное направление затрагивает изучение вопросов восприятия текста в разных условиях и прежде всего речевое поведение адресата [2, с.7]. Исследователь приходит к выводу, что перечень возможных направлений и проблем, развивающихся во взаимодействии с маркетинговой лингвистикой, гораздо шире и еще не выявлен [2, с.9].

На наш взгляд, существует проблема соотношения таких формирующихся научных направлений прикладной лингвистики, как лингвомаркетинг и маркетинговая лингвистика.

Лингвомаркетинг и маркетинговая лингвистика – новые для академической науки термины. Так, например, наполнение понятия «маркетинговая лингвистика» стало темой международного научного семинара, прошедшего в Московском городском педагогическом университете в марте 2017 г. Своими разработками поделились ученые московских, ярославских и тверских вузов. Почетный гость мероприятия Х. Кафтанджиев отметил тот факт, что изучение маркетинговых коммуникаций с лингвистической, а также семиотической точек зрения (что тесно связано) может дать результаты, интересные для лингвистики и для практики массовых коммуникаций [2, с. 3].

В докторском сочинении автор [6] предложил термин лингвомаркетинг, связав введение данного понятия в научный оборот с потребностями современного общества, на которые в первую очередь откликается языковая система. Маркетинговые коммуникации, существуя в жестких условиях конкуренции и активно развиваясь, являют собой систему различных форм и средств распространения маркетинговой информации. Данное обстоятельство влияет прежде всего на формирование культуры основных участников маркетинговой коммуникации (рекламодателя, рекламопроизводителя, рекламораспространителя и потребителя), в которой значимы языковые средства создания системы рекламных образов в различных текстах маркетинговых коммуникаций. Последние особенно актуальны в условиях российского рынка товаров и услуг, вследствие чего определяется эффективность маркетинговых коммуникаций в продвижении товаров и услуг.

Лингвомаркетинг – развивающееся научное направление, исследующее лингвистическое сопровождение маркетинговых коммуникаций, ориентированных на формирование и продвижение эффективного полноценного вербального рекламного образа, создаваемого с помощью различных языковых средств и приемов, а также текстовых единиц маркетинговых коммуникаций (коммерческого наименования, слогана, заголовка, лид-абзаца и др.), функционирующего в текстах маркетинговых коммуникаций (рекламных, брендинговых, PR-текстах и др.) и вызывающего соответствующие маркетинговые ассоциации в

сознании адресата (потребителя, целевой аудитории) в отношении определенного бренда.

«Лингвомаркетинг» вошел в активное употребление. Так, независимо от автора данный термин появился у маркетолога Д. Петрова для обозначения курса семинаров, объединенных темой вербальных коммуникаций, как внешних, так внутрикорпоративных. В ходе практических занятий слушатели курса анализируют лингвистическую идентичность бренда.

В Челябинском государственном университете в 2016 г. открыта магистратура по направлению 45.04.01 – филология (лингвомаркетинг).

Вернемся к различению понятий «лингвомаркетинг» и «маркетинговая лингвистика». В области внимания маркетинговой лингвистики и лингвомаркетинга находятся образность в рекламных текстах, номинативные процессы в брендинге, психолингвистические аспекты маркетингового дискурса.

На первый взгляд, может показаться, что нет особой разницы в определениях лингвомаркетинга и маркетинговой лингвистики. Данные термины, появившиеся независимо друг от друга, можно рассматривать как синонимы. Однако все же попробуем конкретизировать каждое из них.

Обратимся в связи с этим к объекту маркетинговой лингвистики и лингвомаркетинга, в роли которого выступают взаимоотношения языка и маркетинга: отношение языка к маркетингу изучает маркетинговая лингвистика, а маркетинга к языку – лингвомаркетинг: маркетинговый аспект языка – предмет маркетинговой лингвистики, языковые аспекты маркетинга – лингвомаркетинга.

Лингвомаркетинг при рассмотрении языко-маркетинговых феноменов за точку отсчета берет маркетинг, совокупность уже сложившихся правил и традиций маркетинга, язык маркетинга как систему в существенной мере условную по отношению к естественному языку, стремящуюся к автономизации от него. Основная цель лингвомаркетинга в этом смысле – рассмотрение языка, социального взаимодействия людей на языковой основе сквозь призму маркетинга, отталкиваясь от сложившейся маркетинговой практики и специфики маркетинговых коммуникаций.

Цель маркетинговой лингвистики – рассмотрение тех изменений естественного языка (его норм и закономерностей), которые

возникают при его приближении к маркетинговой жизни и тех его преобразований, которые связаны с его «прохождением через маркетинговую призму».

Текстовые единицы маркетинговых коммуникаций (бренд-нейм, заголовок, слоган, информационный блок, кода, эхо-фраза, лид-абзац и др.), на которых базируется лингвомаркетинг, выступают частями (средствами) маркетинговой коммуникации, в системе которой осуществляется маркетинговое воздействие. В результате в организации эффективной маркетинговой коммуникации значимо оперирование понятными, доступными целевой аудитории маркетингового воздействия рекламемами (термин М.В. Ягодкиной) [8].

Реклама признается нами основной единицей в текстах маркетинговых коммуникаций. Она представляет собой своеобразное единство взаимосвязанных составляющих, из которых каждая уникальна, вследствие чего обладает особым значением и служит для его выражения, выступая в функции комплексной единицы маркетингового содержания с семантической доминантой «хорошо». Реклама обладает вербальным выражением, имея при этом невербальное, визуальное, цветовое и звуковое сопровождение.

Прагматическая и маркетинговая направленность данной единицы формирует в сознании потребителя положительную коннотацию в отношении продвигаемого продукта и системы образов, связанных с ним, создаваемых экспрессивно-оценочно и выразительно.

Вследствие этого в построении коммуникации важно оперирование понятными, доступными целевой аудитории рекламного воздействия языковыми средствами, формирующими эффективный образ товара, отвечающий определенным критериям, среди которых: соответствие позиционированию бренда и его имиджу, индивидуальность товара, вызывание соответствующих маркетинговых ассоциаций, запоминаемость, ориентированность на потребителя с учетом гендерного фактора, возможность его реализации в международной коммуникации (кросскультурный фактор).

Лингвомаркетинг – это та область знаний, которая изучает проявления языковых средств в текстах маркетинговых коммуникаций. Языковые средства создания рекламного образа – тропы, термины, фразеологизмы, неологизмы и неофразеологизмы – частотны в условиях маркетингового контекста. Рекламная тема определяет их

присутствие для формирования представления о товаре, обусловленное спецификой коммуникации.

Главная особенность вербальной составляющей текста маркетинговых коммуникаций связана с тем, что прагматическая информация часто выходит на первый план, выступая как средство эффективного воздействия на целевую аудиторию маркетингового воздействия.

В лингвомаркетинге важен учет социальных и психологических аспектов использования языка в процессе коммуникации. Он позволяет воздействовать на людей через информацию, подавая ее в определенном контексте, форме, фактуре. Лингвомаркетинг обращается как к сознанию, так и к подсознанию человека, через текст формируя то или иное представление о предмете послания.

Точная передача маркетинговой информации, специфика работы с креолизованными текстами, методика анализа рекламного образа, техники нейминга, копирайтинга и спичрайтинга, построение эффективной маркетинговой коммуникации с потребителями – вот далеко не полный перечень вопросов, с которыми приходится сталкиваться современному специалисту в сфере лингвомаркетинга – маркетинговому писателю.

Что касается ассоциаций, которые вызывают понятия «маркетинговедение» и «лингвомаркетинг», то следует заметить тот факт, что каждый новый термин стремится к тому, чтобы стать идеальным, но качество термина требует каких-то особых условий его функционирования и использования, а также большего количества иных показателей. Конечно, насколько жизнеспособны предложенные термины, покажет время. Не беремся прогнозировать ситуацию. Надеемся, что научная аудитория откликнется и примет термины «маркетинговедение» и «лингвомаркетинг». Считаем, что данные области знаний заслуживают отдельных названий, а не общего упоминания.

Литература

1. Кара-Мурза Е. С. Проблемы лингвистической экспертизы произведений коммерческой рекламы // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. – 2016. – Том 12 – № 3.
2. *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллективная монография* / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 164 с.
3. Мархеева Т. В. Лингвомаркетинговый подход в изучении эргонимии (на материале эргонимов г. Улан-Удэ) // *Вестник БГУ. Язык. Литература. Культура*. – 2020. – №1. – С. 52-56.

-
4. Махмуд Ага М. Языковые средства создания образа в интернет-рекламе (на материале сайтов ресторанов грузинской кухни) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т.13. – Вып. 16. – С. 153 – 156.
 5. Мухарьямова Л. М. Языковой маркетинг: направления стратегии планирования // Государственная служба. - № 6. – 2003. – С. 64-73.
 6. Скнарев Д. С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты: дис. ... д. филол. н. – Челябинск, 2015. – 391 с.
 7. Тертычная В. И. Перевод названий текстов массовой культуры: социокультурные факторы лингвомаркетинга // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2018. – №16. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-nazvaniy-tekstov-massovoy-kultury-sotsiokulturnye-factory-lingvo-marketinga> (дата обращения: 03.09.2020).
 8. Ягодкина М. В. Язык рекламы как средство формирования виртуальной реальности: автореф. дис. ... д. филол. н. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. – 31 с.
 9. Baker C., Jones S. P. Language Marketing // Baker C., Jones S.P. Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education. Clevedon, Philadelphia, Toronto, Johannesburg, 1998. – P. 155.
 10. Dominguez F. Toward a Language-marketing Model // International Journal of the Sociology of Language. – Vol. 134 (10). – 1998. – P. 1-13.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

М.В. Слизкова

ruslo74@mail.ru

Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова
(Новочеркасск)

В современном российском обществе наука о речевом воздействии необходима для эффективного межличностного и делового общения, для обучения и воспитания, рекламы, политики. Также важно знать, каким образом люди могут использовать речевое воздействие для корыстных и противозаконных целей. В данной статье представлены некоторые приемы и правила речевого воздействия, которые будут способствовать достижению лучшего эффекта в процессе общения и работы. Данная информация также поможет избежать нежелательного речевого воздействия человека, совершающего противозаконные действия.

Итак, люди используют речевое воздействие с целью убедить, сознательно принять их точку зрения, решение о каком-либо действии, передаче информации и так далее. Иногда приемы речевого воздействия используются с негативной целью, например, «введение в отрицательно оцениваемый контекст». Он основывается на включение объекта X в характеристику отрицательно описываемого действия или на включение объекта X во множество объектов Y, ..., Z, оцениваемых отрицательно. Фраза *«Подруга Мельковой Нины Ивановны, работающая с ней в одной группе, попала на взятке»* отрицательно оценивает не только подругу, но и Нину Ивановну. Такого рода прием часто используется в черном пиаре для создания отрицательного имиджа человека. Иногда для управления пониманием используется языковая игра. Это нестандартные языковые выражения, цель которых – не передача информации, а затруднение понимания. Профессор Баранов А.Н. приводит пример языковой игры. Ведущая: *да, действительно, небольшие выводы за эти полгода, которые Петр Березин исполняет обязанности мэра, действительно можно сделать. Конечно, не юридические, а моральные. Например, выводы о патологическом не скажу вранье, но скажу лукавстве ИО.* Прилагательное *«патологический»* имеет значение *«отклоняющийся от нормы, болезненно-ненормальный,*

уродливый». Журналист в явной форме отказывается от использования слова «*вранье*», заменяя его на «*лукавство*», однако слово «*патологический*» не отвергается. Слово «*патологический*» остается и придает слову «*лукавство*» негативный стилистический оттенок. «*Патологическое лукавство*» звучит не по-русски. Поэтому носители русского языка фиксируют в сознании стандартное словосочетание «*патологическое вранье*» [1, с. 36]. Таким образом, «разгадав» употребляемый вашим оппонентом такого рода прием, вы можете с уверенностью предупредить его об ответственности за унижение ваших чести и достоинства.

В аспекте процесса обучения любопытно такое речевое воздействие на сознание личности через ее мышление, как *убеждение*. *Внушение и манипулятивное воздействие* не предполагают критического восприятия, осознания, *убеждение* же использует разум собеседника, содержит обоснование, аргументацию, доказательство [2, с.57]. Учащийся анализирует информацию, отбирает главное, систематизирует, делает вывод, выражает мнение. Например, в процессе воспитания родители, преподаватели учат детей поступать честно, помогать нуждающимся, любить свою Родину. В научных дискуссиях истина рождается благодаря убеждению оппонента в правдивости выдвинутой теории. Как правило, собственную точку зрения при этом говорящий аргументирует, слушатель анализирует ее, затем соглашается со сказанным или не соглашается. Если человек работает в правильном направлении, можно использовать такой вид убеждения, как *косвенное одобрение*. Цель метода – не позволить свернуть с намеченного пути. Если высказать одобрение напрямую, оно будет похоже на лесть, поэтому именно *косвенное одобрение*. Пример таков: лучше похвалить студента, сказав «твоя работа дает хороший результат», чем фраза «ты лучший! Результат достигнут! Добился своего!». Конечно, в данном случае важно учитывать особенности личности, характер. Можно вспомнить философа Сократа, который в совершенстве владел искусством убеждения. Его секрет заключался в следующем: задавая вопросы, не давай собеседнику ответить ни на один из них отрицательно. При этом убеждаемый искусно подводится к тому, чтобы самостоятельно принять чужую точку зрения. В беседах Сократ всегда задавал оппонентам вопросы, на которые можно было давать исключительно утвердительные ответы. Сократ начинал видеть полную картину,

делал выводы, которые в начале диалога были не заметны. Сейчас сократов метод выглядит так: вы делите мысль, которую хотите донести, на три части. Каждую из них подаете собеседнику в виде вопроса, на который нужно дать короткий ответ. Зачастую он предсказуем. Получается, что своими действиями вы перехватываете инициативу, побуждаете человека ответить так, как нужно вам. Главное помнить, чтобы ваша речь не превратилась в монолог. Ведя, например, диалог с детьми, важно точно понимать конечную цель. Подводить к ней нужно короткими, простыми вопросами, на которые ребенок сможет ответить только утвердительно.

Что касается аргументации, то ее эффективность определяется логичностью, доказательностью и последовательностью изложения. Ряд приемов речевой аргументации используется в информационных войнах, например, довод «к цивилизованным странам», то есть использование неправомерной аналогии с другими странами при навязывании определенной идеи. Метод «большой лжи» – обратный метод, основанный на принципе *«Всегда говорите правду, говорите много правды, говорите гораздо больше правды, чем от вас ожидают, никогда не говорите всю правду»*. Создается ложная информационная структура за счет переизбытка информации, в которую легко вплетается нужная мысль, идея, превращающаяся, в конечном счете, в основную. Представляет интерес для преподавателя подача информации с использованием сенсации, например, *«сейчас я представляю самую интересную и самую увлекательную задачу»*. Это сообщение о задании, которому придается особая важность. Предполагается, что такой прием помогает концентрировать и нужное время удерживать всё внимание учащихся. Для приучения реципиента к какому-нибудь утверждению (или призыву) используются эмоционально окрашенные повторы, частое повторение простых лозунгов и призывов. Ослабление фиксирования внимания на их смысле ведет к тому, что идея глубоко «селится» в сознании, памяти человека. Результат – объявление, осознанность очевидности идеи, утверждения. Отметим важный и распространенный вид речевого воздействия «апелляция к авторитетам», который способствует более быстрой вере в сказанное. *Аналитики и эксперты признают: «Ваша команда проигрывает и выходит из соревнований»*. Это может быть сомнительное утверждение, но оно преподносится как истинное (кто будет спорить с экспертами?). Апелляция к

авторитетным источникам. Например, использование довода, который оппонент может принять без возражений («Вам, конечно, известно...»), иногда с последующим упреком: «Как, вы этого не знаете (не читали)?». Любопытно выражение «коммуникативное самоубийство». По словам Стернина И.А., его используют специалисты по речевому воздействию. Коммуникативное самоубийство – это грубая ошибка, допущенная в общении, которая сразу делает дальнейшее общение заведомо неэффективным. Например, если оратор начинает свое выступление так: «Извините, что занимаю у вас время... Я вас долго не задержу...» – это типичное коммуникативное самоубийство, так как человек сразу сообщает о том, что его информация не нужна, она вызовет у слушателей раздражение, его появление перед аудиторией нежелательно [2, с. 12]. В данном случае выступающему необходима речевая динамика, то есть изменение тона, громкости, темпа речи. Таким образом, приемы речевого воздействия могут не только способствовать эффективному общению, но и вредить человеку. Важно изучить и проанализировать их и правильно использовать для конструктивных действий.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М., 2002. С. 26.
2. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. С. 45.

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н.Г. Тищенко; С.Ф. Тищенко

sontis@mail.ru

ФГОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»

ФГОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(*Санкт-Петербург*)

Растущая популярность политического дискурса в сфере современного информационного потока обусловлена политическими событиями сегодняшнего мира. Информационная война в условиях обострения международной обстановки, информационное сопровождение вражеских провокаций требуют активизации собственных информационных ресурсов и в плане расширения программ и передач, и в плане разработки контента собственного информационного влияния. В связи с необходимостью поисков наиболее оптимальных путей информационного противодействия и информационного воздействия особое значение приобретают лингвистические исследования политического дискурса средств массовой информации. Результаты таких исследований могут иметь практическое значение с точки зрения использования потенциала лингвистических средств в прагматике политического дискурса. Лингвистическая прагматика изучает условия выбора и употребления языковых единиц для достижения целей коммуникации и включает речевое поведение адресанта и адресата и их взаимодействие в речевом акте [1]. По типу коммуникативно-прагматических установок политический дискурс средств массовой информации является персуазивным дискурсом: кроме информативной функции имеет ярко выраженную функцию воздействия. Персуазивность рассматривается как семантико-прагматическая категория дискурса, включающая в себя стратегии и тактики намеренного воздействия на ментальную сферу адресата с целью изменения его поведения. Основным признаком политического дискурса – его установка изменить политическую ситуацию путем явной и неявной пропаганды, эмоционального воздействия на общество и побуждения его к посткоммуникативным действиям [7, с. 8.] Дискурсивный процесс, имеющий доминантой персуазивную прагматику, состоит из коммуникативных ситуаций, в которых продуценты намеренно создают сообщения с использованием

персуазивных стратегий, цель которых – воздействие на реципиента. В состав персуазивных стратегий входит большой арсенал вербальных и невербальных средств, целью использования которых является достижение перлокутивного эффекта, то есть достижение адекватного авторскому замыслу понимания. Достижение перлокутивного эффекта влияет на оценку адресатом дискурсивной ситуации, что приводит к изменению его мнения и поведения. В состав лингвистических средств для реализации персуазивных стратегий входят все виды экспрессивов, оценочная лексика и фразеология, прецедентные тесты разных видов, риторические приемы, лексические средства комического, креолизация и др.

Задачами персуазивных стратегий являются: привлечение внимания; положительная самопрезентация адресанта; вуалирование персуазивного намерения; создание экспрессии с целью возбуждения когнитивных механизмов образного представления фрагментов дискурса; острота восприятия; устранение напряжения по параметру «свой – чужой», сближение с аудиторией, «кооперативность»; привлечение аудитории на свою сторону; оценочное информирование; создание условий для диалога, для дискуссии; создание ситуаций комического эффекта.

Все эти направления присущи использованию прецедентных феноменов, которые являются одним из мощных средств персуазивности.

Прецедентный текст, по определению Ю.Н. Караулова – «текст, значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. Прецедентные тексты (прецедентные феномены) существуют в сознании носителей языка как лингвокультурные концепты, апелляция к которым реализуется в дискурсе различными способами (упоминания, прямой цитации, квазичитации, аллюзии и продолжения) [3, с. 41]. Прецедентные феномены составляют когнитивную основу национальных особенностей языка, отражают культуру, историю, национальный характер его носителей, без знания которых невозможно стать полноценным участником межкультурной коммуникации. «Прецедентные тексты служат основой для формирования лингвокультурных концептов и являются единицами для существующей в сознании носителей языка текстовой концептосферы» [6, с. 42].

Прецедентные феномены, включенные в дискурс, создают то смысловое взаимодействие, которое позволяет говорить о интердискурсивности, которая понимается как взаимодействие дискурсов в коммуникативном процессе. Без выявления интердискурсивных связей невозможно адекватное понимание не только данного дискурса, но и культуры коммуникантов. Прецедентные феномены являются показателями культурных ценностей языковой личности или сообщества. Коммуникативный процесс протекает успешно, если фоновые знания адресата соответствуют фоновым знаниям адресанта, когда эффект узнавания закодированного смысла приводит к пониманию авторского замысла и реализации персуазивного эффекта. Явленная ассоциативная связь с общеизвестным источником вызывает яркий экспрессивный эффект, сравнимый с эмоциональным эффектом при осознании комического.

Исследователи выделяют следующие функции, которые присущи прецедентным феноменам в дискурсе: функция воздействия, функция оценки, функция пароля и функция языковой игры [5, с. 2111].

Учитывая интегративный характер средств персуазивности, функции прецедентных включений в дискурсе могут объединяться и пересекаться. Прецедентные феномены в дискурсе функционируют как в вербальном (прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст), так и в вербализованном проявлении (прецедентная ситуация) [2].

В политическом дискурсе средств массовой информации в той или иной степени частотности присутствуют все формы прецедентных феноменов. Самое большое распространение имеют прецедентные имена и прецедентные тексты, отсылающие к литературным произведениям, в том числе к фольклору. Всплеск частотности употребления конкретных примеров связан с их использованием в речи видных политиков. Например, «*Табаки Шерхана*» после выступления В.В. Путина стали частым употреблением в речи политических экспертов; «от мертвого осла уши» и др. Последнее высказывание «*Нравится – не нравится, терпи, моя красавица*» вызвало наибольший интерес и реминисценции, в том числе потому, что прозвучало в межкультурном диалоге, вызвало трудности адекватного перевода, искажение смысла ввиду культурологических особенностей русской поговорки. В разных текстах разные способы ассоциативных отсылок к источнику: или прямая

цитация «*Все смешалось в доме Облонских*»; или номинация «*А вот на это они там, на Западе пойти не могут. Наверно, Заратустра им не позволяет, как сыну турецкоподданного у Ильфа и Петрова. Такой, оказывается, коллективный Остап Бендер Западом руководит. Ужасно этому новому великому комбинатору переквалифицироваться*»; «*Уж такое королевство кривых зеркал*» (о риторике США); «*...как говорил: А где я харчеваться буду?*», «*Пролетая не над гнездом кукушки*»; «*...какая-нибудь Моська не давала советы*». Может быть просто отсылка к автору литературного произведения: «*это в чистом виде сюжет О'Генри*». Как показывает анализ, множество примеров прецедентного обращения к художественной литературе относятся к высказываниям политических экспертов среднего возраста, выполняя функцию воздействия, (усиления экспрессии) и функцию пароля («*свой*»).

Популярным приемом персуазивности является привлечение текстов из фильмов и песен. Например, «*Резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонита*» (призыв к решительным действиям); «*Хвост болит и начинает отваливаться*»; «*Платформа тронется, а Крым останется*»; «*Не пей водички – козленочком станешь*»; «*Киев превращается, превращается Киев... в элегантный Киев*», «*Звери задрожали, в обморок упали*» и пр. Использование примеров такого рода демонстрирует намерение автора снять напряжение «свой – чужой» в дискурсивном диалоге, устранить дистанцию между адресантом и адресатом. Функция привлечения внимания, оценка ситуации, усиление экспрессии способствует реализации персуазивной стратегии.

Языковая игра с использованием прецедентных включений в политическом дискурсе используется в виде окказиональных образований: «*Главред «Новой газеты» ахеджакнулся перед украинцами*». Отсылка к фамилии известной артистки Ахеджаковой, авторский окказионализм, образованный по известной словообразовательной модели, носит инвективный оттенок, комический эффект возникает в результате осознания этого противоречия. Часто употребляемое окказиональное сочетание «*политические Васюки*» по отношению к агрессивным и русофобским странам Ближнего Зарубежья отсылает к произведениям Ильфа и Петрова. Окказиональное авторское образование (А. Гаспарян) «*Трибалтийские Вымираты*» (о Прибалтийских республиках: Эстония, Латвия, Литва) имеет комическое осмысление в фонетической

ассоциации с «Тридцать девятое царство» и «Эмираты». Приведенные примеры демонстрируют, что комический эффект усиливает негативное оценочное суждение.

Таким образом, прецедентные феномены в политическом дискурсе средств массовой информации (политические ток-шоу, социальные сети, информационные программы) имеют широкое распространение в различных вербальных проявлениях: имя, высказывание, текст. Прецедентные феномены выполняют различные функции: эмоциональная оценка, чаще негативная и ироническая, фокусировка внимания на значимых элементах сообщения, усиление эмоционального, экспрессивного потенциала фрагмента дискурса. Всё это способствует выполнению главной задачи политического дискурса – персуазивности.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.И.Ярцева. М.: Советская. энциклопедия. 1990. С. 389 – 390.
2. Бутахина Л.А., Филиппова А.В. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Вестник ВУиТ. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnyye-fenomeny-v-tekstah-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 01.03.2022).
3. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000б. С. 37-64.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
5. Пучкова Е.В. Функционирование прецедентных феноменов в газетных заголовках // Ученые заметки ТОГУ. Т. 4. 2013. № 4. С. 2106 – 2112.
6. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. М.: Флинта; Наука, 2000. 430 с.
7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): Учеб. пособие / А. П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003.

КАК ПРАВИЛЬНО ВОЗБУДИТЬ ЧИТАТЕЛЯ: ОБ ОДНОЙ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИИ

*Т. А. Наймушина
naimtat@mail.ru*

Астраханский государственный технический университет
(Астрахань)

Влияние средств массовой информации на формирование общественного сознания с развитием социума многократно увеличивается. Именно поэтому сегодня разворачивается беспрецедентная борьба за сферы влияния в СМИ разных политических партий и групп, СМИ становятся площадкой для острых политических баталий, в которых применяются разные языковые средства и речевые приемы. И с другой стороны, в языке СМИ отображается специфическая национальная языковая картина мира. Как отмечают Л. А. Нестерская и Е. Ю. Николенко, «СМИ способны воплотить значительный объем знаний и представлений о стране и включают социально-экономические, политические, исторические, культурные и бытовые фрагменты национальной картины мира» [4, с. 161]. Поэтому газетный дискурс все больше привлекает внимание исследователей.

Даже в информационных сообщениях журналист стремится донести до читателя свою позицию, свое отношение к предоставляемой информации. Цель журналиста в публикациях современных СМИ состоит в том, чтобы не только ознакомить с событием, фактом, но и вызвать определенные эмоции, ассоциации, т. е. в большей или меньшей степени неявно манипулировать мнением читателя. Манипуляция читательским мнением многократно вырастает в современных СМИ в условиях отсутствия единой государственной идеологии и жестком противостоянии мнений в обществе.

Обратимся к интернет-источнику Кино-Театр.РУ, в новостной публикации [3] от 8 марта 2021 сообщается о том, что передача «Бесогон» Н. С. Михалкова возвращается на канал ТВ «Россия – 24» после того, как последний выпуск ее был снят с эфира. А произошло это, как объясняет нам журналист, по той причине, что во время пандемии недостаток точной информации породил «циклопическое количество конспирологических теорий», перед которыми не устоял и Михалков. В газетном и шире – в общественном – дискурсе термин

конспирологическая теория или *теория заговора* [2] используется как синоним некорректной, заведомо ложной идеи. Когда автора пытаются дискредитировать в глазах читателя, его идеи объявляют конспирологическими. Журналист считает, что «Никиту Сергеевича не миновала чаша сия – рассуждая о природе вируса, режиссёр со всей серьёзностью обвинил главу «Microsoft» Билла Гейтса в намерении чипировать всё население планеты».

Н. С. Михалков и его программа вызывают у автора публикации только негативные эмоции, которые он хочет также пробудить у своих читателей. Вся небольшая публикация очень насыщена экспрессией и отрицательной оценочностью. Журналист различными речевыми средствами создает вокруг своего оппонента негативные эмоционально-оценочные коннотации, широко используя иронию и сарказм. Автор статьи применяет множество приемов создания негативных коннотаций, среди которых выбор лексики, противопоставление, использование развернутых метафор, гиперболизация, аллюзия, не гнушается он и передергиванием.

Обратимся к выбору лексики. Характеризует Н. С. Михалкова следующая подборка лексем: *расстрельный список, пропагандистские таланты, до крайности уязвленный, объявил себя жертвой, зачитывает по бумажке, диффамации*. Расстрельные списки появились во времена сталинских репрессий, это были «*перечни лиц, подлежащих осуждению Военной коллегией Верховного суда к разным мерам наказания (преимущественно – расстрелу), предварительно утверждавшиеся Сталиным и его ближайшим окружением*» [2]. Прием аллюзии, указание на известный политический факт, закреплённый в языке СМИ, довольно частотный в последнее время, актуализирует крайне отрицательную оценку действиям Михалкова. Употребление метафоры *расстрельные списки* отсылает читателя к кровавым сталинским репрессиям, проводит параллель между обнародованием Михалковым гонимых оппозиционно настроенных к власти актеров и списками людей, подлежащих уничтожению.

Слово *диффамация* в словаре С. И. Ожегова [5, с. 136] определяется как «*оглашение в печати позорящих кого-нибудь сведений*» с пометой «книжное», причем Н. С. Михалков, по словам журналиста, «зачитывает свои диффамации по бумажке». Выбор слова, несущего в своем значении отрицательную сему – «*позорящие сведения*»,

столкновение стилистически разнородных элементов: слово книжного стиля и сниженный образ читающего обвинения по бумажке, создают негативный образ, вызывают отрицательную эмоцию у читателя.

Слова *пропаганда, пропагандист, пропагандистский* в современных словарях не имеет стилистических помет, но в речевом узусе современных СМИ явно приобретают отрицательный оттенок и используются пишущей братией в адрес оппонентов по большей части с отрицательными коннотациями. Негативную стилистическую окраску, актуализирующуюся в речевом узусе, эти слова приобретают в новое время, когда был объявлен запрет на государственную идеологию, с точки зрения оппозиционеров, заниматься пропагандой проправительственных идей в настоящее время позорно.

Журналист Кино-Театр.РУ передает содержание публикации Михалкова о главе Сбера. Герман Греф, по мнению Н. С. Михалкова, в пересказе автора публикации «мечтает упразднить образование». «Упразднить – отменить, ликвидировать. Упразднить лишнюю должность» [5, с. 683]. В то, что глава Сбера мечтает отменить образование в стране, трудно поверить. Выбор слов призван вызвать недоверие к оппоненту. Сам журналист называет предложения главы Сбера «образовательные инициативы». «Инициатива 1. Почин, внутреннее побуждение к новым формам деятельности, предприимчивость. Творческая инициатива масс» [5, с. 203]. Как видим, слово не имеет отрицательного коннотативного значения, наоборот, вызывает положительную эмоцию. И так, позиционируется положительная эмоция на высказывания Грефа и вызывается негативная эмоция, эмоция недоверия, у читателя на высказывания Н. С. Михалкова.

Иронизирует автор статьи и над зрителями «Бесогона», считая их обывателями, завидующими «честно заработанным» крупным гонорарам артистов-оппозиционеров: «зрители с нарушениями слуха могли насладиться крупно выведенными на экране цифрами». *Насладиться* словарь определяет как «испытать наслаждение от кого-чего-нибудь. *Насладиться пением*» [5, с. 315]. В данной ситуации выбор журналистом дополнения *насладиться цифрами* создает ироничную, даже саркастическую коннотацию.

Негативная оценочность текста часто определяется качеством метафоры. По определению А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, «политическая метафора есть речевое воздействие с целью формирования у

реципиента, чаще всего – у общества либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической ситуации» [1, с. 31]. О функции политической метафоры в публикациях пишут Л. А. Нестерская и Е. Ю. Николенко: «Политическая метафора оживляет газетный текст, привлекает и удерживает внимание читателя. Кроме того, она оказывает воздействие на ассоциативное мышление читателя, неявно манипулирует его сознанием и, безусловно, служит эффективным средством выражения личной позиции автора газетной публикации» [4, с. 161].

В исследуемом тексте нам встретилась довольно частотная в журналистике метафора *крестовый поход* (Михалкова в Ютубе), которая имеет прецедентную основу и несет отрицательные коннотации, так как организуемые с конца 11 по конец 13 века (1096 – 1270 гг.) крестовые походы имели захватнические цели, хотя и прикрывались высокими идеями. Метафорический перенос *крестовый поход – политическая кампания против кого-либо* – весьма распространенное явление в современной публицистике, эта метафора имеет негативные эмоционально-оценочные коннотации и служит созданию отрицательных эмоций у читателя.

Экспрессивно-эмоциональные, оценочные оттенки лучше всего выявляются при противопоставлении, сталкивании образов и понятий. Один и тот же образ, одно и то же понятие, представленное в одном контексте как высокое и низкое, актуализирует ту оценочность, которая присуща данному контексту в целом. Так, пересказывая выступление Н. С. Михалкова в «Бесогоне», журналист пишет, что Михалков своей публикацией о заработках молодых актеров-оппозиционеров хочет, «чтобы чужие честно заработанные 100-300 тысяч рублей за 1 съёмочный день как следует расцарапали их [зрителей] кровоточащее чувство классовой несправедливости».

Выражение *кровоточащее чувство классовой несправедливости* включает в свой состав причастие *кровоточащее* и имеет книжный оттенок, признак высокого стиля, но характеризует элементарное чувство зависти обывателя, которое Н. С. Михалков хочет вызвать, автор публикации использует другой, более экспрессивный глагол – *расцарапать*. Намеренное столкновение в одном высказывании двух восприятий одного явления: высокого, книжного, приписываемое

Н. С. Михалкову, и обыденного, причем отрицательного – обывательская зависть, по мнению самого автора, рождает сарказм.

В этом отрывке мы видим также прием передергивания, когда сначала журналист приписывает своему оппоненту определенное восприятие события, факта, а потом развенчивает его, используя сарказм.

Прием противопоставлений образов широко используется автором публикации. У Н. С. Михалкова *диффамации*, а Семен Трескунов предложил *честные дебаты*. Дебаты предполагают *формат импровизации*, а Н. С. Михалков *зачитывает по бумажке*. Итак, 2:0 в пользу Трескунова. Обратим внимание также на определение *честный*, которое дважды встречается в небольшом по объему отрывке: *честные дебаты*, *честно заработанные* гонорары, таким образом, актуализируется положительная эмоция по отношению к оппоненту Михалкова. В этом контексте также иронично звучит противопоставление по возрасту: 21-летний Трескунов, предложивший *честные дебаты*, и *аксакал российского кинематографа*, отказавшийся от дебатов.

Автор публикации активно использует в отношении своего оппонента прием гиперболы: *кровоточащее чувство классовой несправедливости, до крайности уязвленный, циклопическое количество конспирологических теорий*, что также актуализирует отрицательную оценочность образа оппонента журналиста.

Интересен прием эвфемизма, дважды употребленного в небольшой по объему публикации по отношению к лидеру оппозиции, в статье он обозначается как *Тот-Кого-Нельзя-Называть*, хотя в условиях отсутствия цензуры его фамилия не сходит со страниц публикаций. Однако же журналисту надо создать интригу, привлечь внимание читателей, сгустить негативные эмоции выдуманным запретом. Каждое слово в этом сложном образовании с большой буквы, чтобы 1) выделить в тексте, 2) выразить уважение.

Политически ангажированные журналисты в своих публикациях, во-первых, имеют цель воздействовать на читателя и апеллировать к эмоционально-волевой сфере психики, чтобы вызвать отрицательные эмоции по отношению к своим оппонентам; а во-вторых, стремятся вызвать недоверие, сомнение читателей к излагаемой их оппонентами информации. Так происходит скрытая манипуляция читательским мнением.

Литература

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Российская академия наук. Институт русского языка, 1994. – 330 с.
2. Википедия. [Электронный ресурс] //URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (10.05.2021).
3. «Вы почему так возбудились?»: Никита Михалков ответил на критику Жоры Крыжовникова. Текст новости. Лайфстайл. [Электронный ресурс] // Кино-Театр.РУ. [М., 2021]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/lifestyle/news/y2021/3-8/23971/> (30.04.2021).
4. Нестерская Л. А., Николенко Е. Ю. Модель работы с современным газетным текстом в лингвострановедческом аспекте преподавания РКИ // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей IV Международного симпозиума (9–11 июня 2020 г.) / отв. ред. Г. Ю. Богданович, Е. Я. Титаренко. В 2-х т. Том 2. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. – С. 161–165.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. – 750 с.

О ДИМИНУТИВАХ В ЖАРГОННОМ ДИСКУРСЕ

О. Б. Трубина

olga.palladio@mail.ru

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
(Москва)

В настоящее время в жаргонном дискурсе наблюдается значимое расширение поля диминутивности. Эту тенденцию поддерживают в том числе и системообразующие особенности жаргонного дискурса: гипертрофированная эмоциональность, экспрессивность, тенденция к выражению иронии; выраженная эмпатия и сниженная категоричность по отношению «к своим» и агрессивность по отношению к «чужим», формализованная в негативной оценке; стремление носителя жаргона снизить пафос. Приведем примеры:

– *Приветик) Посмотрела твои фотки из Евпатории – здорово!! :-)* *Екатерина, 2004. 08. 0210: 16. Всем привет:) Моё старшее чудо вернулось с практики из Ферапонтово [Наши дети: Подростки (2004)].* Из коллекции НКРЯ

– *Последний час бушь один кидать. – Так не пойдет, – Пойдет / пойдет. Под пивасик-то не пофиг скока нас на дорожке? Лан / я попробую.* Из коллекции НКРЯ

– *Или спал плохо? Драгоценнушка мой... Клал бы на ночь в руку сургуча кусочек: помогает. Красавчик мой... – Ладно, слышал... Рому! Ром – в рундучке [Е. И. Замятин. Север (1918)].* Из коллекции НКРЯ

– *Шаурма в этом киоске просто топчик, от неё даже никто не отравился, что говорит только в её пользу. Рэп сейчас переживает не лучшие времена, но он всегда останется топчиком в моём сердце.* Источник: [https://xn----8sbfgh1bdjhf5a1j.xn--p1ai/2599-topchik-chto-znachit.html © https://модные-слова.рф].

– *Где и когда Флешмоб «После душа» пройдет 27 июня в Пятигорске (<http://vk.com/posledusha>). 04 «Обнимашки» Тренд Это один из немногих флешмобов, имеющих собственный сайт (<http://freehugscat-raign.org>) и получивших международное распространение. Условия проведения [Алеся Лонская. 10 летних флешмобов // «Русский репортер», 2012] Из коллекции НКРЯ*

Стремление получить «обратную связь» заставляет коммуникантов стать «своим» у потенциальных адресатов. Языковая личность

всегда стремится тем или иным образом проявить или подтвердить принадлежность к той или иной субкультуре, социальной группе. И в качестве кодированной тактики маркировки своего отношения к определенному социуму или вхождения в него коммуникант прибегает к тем или иным речевым ходам, которые могут быть своеобразными «языковыми триггерами» и привлекать внимание аудитории, к которой в данном случае обращается говорящий или пишущий. Вероятно, использование жаргонизмов-диминов является именно таким речевым ходом [2].

Жаргонный дискурс находится в тесном взаимодействии с разговорным; а наличие диминов – яркий «сигнификат разговорной речи», что катализирует тенденцию к диминутивности в обоих типах дискурса [3, с. 104].

Следует отметить также такую важную черту экспрессивных диминов – энантиосемию. Это характерно и для жаргонизмов-деминутивов. Одной диминутивной словоформой возможно выразить не только позитивное, но и уничижительное отношение к чему-либо. Например: *хренька (любая вещь). А эта хренька куда прикручивается* [1].

Но следует подчеркнуть, что при общей тенденции экспрессивных диминов к энантиосемии, в жаргонном дискурсе можно заметить, что в определенном типе субжаргона может быть «заложена» четкая однозначная ориентация на определенное значение и коннотацию диминутивных единиц. Так, например, существует тенденция к «мимишности» в определенных субкультурах, например, продавцов, мамочек, страстных любителей животных и др., которая предполагает исключительно «умилительную» коннотацию диминов.

Приведем пример:

Такой лопушок чудесный обояшка так и хочется поласкать и поиграть с ним и зубки такие холесенькие. Альбиносик, лампочка!!! [<https://ok.ru/stranafaktov/topic/75867669405696>].

Но если тот же экспрессивный жаргонизм-диминутив употребляется в рамках другой субкультуры, его коннотативная оценка может меняться.

При этом важно подчеркнуть, что диминовы-жаргонизмы могут формировать своеобразную ироничную или саркастическую концептосферу, характерную именно для жаргонного дискурса.

Например: *«Какой из тебя воин, если в случае утери или порчи оружия, ты не можешь дать по фейсу или боишься только потому, что **ответка** оппонента для тебя будет больно? Считай, что в казарме те же бывшие деды, а сейчас вечные слоны, твой условный противник аля нато. Вот и докажи ему там, в казарме, что ты не чёрт последний, а очень даже право имеющий. Но только не на словах это придётся делать, а чаще всего на кулаках»* [коллективный. Форум: Дедовщина и неуставные отношения. Кто есть кто в современной армии (2011- 013)].

Жаргонные диминутивы коррелируют с диминутивными формами в литературном дискурсе. Они могут быть омонимичны по отношению к соответствующей языковой единице литературного языка, приведем пример: *белочка* (болезнь), *бычок* (окурок), *панамка* (милиционер), *воробушки* (деньги), *мерзавчик* (бутылка водки объемом 250 мл) и др.

Диминутивная форма слова литературного дискурса в связи с частотным употреблением в жаргонном дискурсе часто «закрепляется» в нем и затем входит в речь носителя жаргона как имеющая жаргонную маркированность, например: *приветик*, *пивасик*, *драчка* и др. Некоторые диминутивные формы слов, частотных в литературном языке, формируются именно в жаргонном дискурсе, «активируются» в нем и становятся своеобразными маркерами жаргонного дискурса, например: *печалька*, *топчик*, *обидка*. Так, слово *обидка* – в НКРЯ найдено 1 380 документов, 2 175 вхождений, *обидка* – найдено только 3 вхождения, 3 документа (в устном корпусе, в текстах, близких к жаргонному дискурсу). Приведем примеры:

*Пражский аэропорт. Бурзум молчаливо и мрачно курит один Salet за другим. Я тоже не разговорчив, после вчерашней ссоры чувствую себя, в буквальном смысле этого слова, выпотрошенным. «Как же получается, что пустяковая **обидка**, кинутая то ли мной, то ли Бурзум, выросла в большую свару? – Размышлять неохота, но мысли сами, проворным десантным отрядом, лезут в черепную коробку. – Стоило ли мне уходить? Похоже, сознательно ее спровоцировал* [Владимир Спектр. Face Control (2002)] Из коллекции НКРЯ.

*Все враз затаили дыхание. Витька, чуть улыбаясь, туманно смотрел на Пантюху. Кровушкой запахло на солнечной площади села. Явная **обидка** вышла атаману: ведь дело в том, что женицин-то Витька принципиально никогда не кокал – жалел; убогих жалел, и*

фригидных, и тех, которые совсем не давали, все равно жалел. Тетю Машу из сельпо покروшили двое подгулявших чернорубашечников, за что Витька их потом самолично шлепнул, а с ними заодно еще пяток АКовцев; ведь скор был Тихомиров в таких случаях, и девиз его был еще проще, чем у Саши: сначала действуй, а потом разберись. Пантюха мигом сообразил все это, когда ласковая рука Витькиного ординарца Пароконного вынула у него из-под пиджака обрез, а другая рука нежно взялась за плечо. Пантюха понял, что сегодня он живой, а завтра его не будет [Митьки. Папуас из Гондураса (1987)] Из коллекции НКРЯ.

Возможно также образование диминутивной формы от жаргонизма, например: *волына – волынка* (нечто длящееся очень долго), *харч – харчик* (еда), *халява – халявка* (о чем-то бесплатном) и др. От многозначного жаргонного слова может образоваться диминутивная форма только от одного значения: *хмырка* (еда), *парашка* (слух) и др.

При этом возможно параллельное употребление диминутивных и не-диминутивных форм таких слов в жаргонном дискурсе.

Существует в жаргонном дискурсе и своеобразная «имитационная» диминутивная форма, например: *панфурик* (бутылка спиртного), *шкалик* (небольшая бутылка коньяка), кроме того в экспрессивных целях может также обыгрываться внутренняя форма литературного слова, например: *аскорбинка* (оскорбление) [1].

Можно сделать следующие выводы: использование диминутивов носителями жаргона способствует репрезентации широкого спектра эмоций, формирует фрагменты специфической жаргонной картины мира, способствует реализации специфических прагматических функций.

Литература

1. Елистратов В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 2000. – 700 с.
2. Калашников И. А. Диминутив как инструмент прагматикона в дискурсе социальных сетей. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 102–104.
3. Самигуллина А. С. Уменьшительность: лингвокогнитивный подход: на материале английского, немецкого и русского языков: дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2003. – 219 с.
4. Фуфаева И. В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка): дисс. ...к. филол. н. М., 2017. –256 с.

МОЛОДЕЖНЫЙ ДИСКУРС: АСПЕКТЫ ВАРВАРИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Т.В. Федотова

Fedotova66@mail.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
(г. Краснодар)

Общеизвестно, что язык есть зеркало мира человека и создаваемой им культуры. Соответственно, падение культуры речи, снижение языкового вкуса напрямую связаны с падением духовности человека. Эта взаимосвязь восходит еще к идеям В. Гумбольдта и И.А. Бодуэна де Куртенэ, где утверждается мысль, что язык должен рассматриваться в тесной связи с сознанием (мышлением) человека, его психической сущностью и духовным миром [13. С. 77]. Главная идея заключается в том, что нельзя исследовать природу языка вне его связи с человеком.

Современные исследования рассматривают генезис феномена обозначенной взаимосвязи с позиции отражения культурно-исторических ценностей в процессе этизации общественного сознания [18. С. 5]. Быстро изменяющаяся языковая ситуация складывается под влиянием социальных преобразований в стране. Появляется такая отрасль языкознания, как эколингвистика, включающая экологию языка и экологию речи [10].

Термин «эколингвистика», как пишет С.В. Ионова, был введен в научный оборот американским лингвистом Эйнарсом Хаугеном [6. С. 87], который определил экологию языка как науку, изучающую «взаимодействия между любым языком и его окружением, средой», при этом под окружением (средой) понимается «общество, использующее язык как один из своих кодов» (цит. по [14. С. 73]).

Проблеме лингвоэкологии посвящены работы таких современных лингвистов, как П. Григорьев [16], С.И. Виноградов [3], В.К. Журавлев [5], В.В. Колесов [9], Ю.Н. Караулов [7], В.Г. Костомаров [11], А.П. Сковородников [17] и др. Основные проблемы, рассматриваемые в работах этих лингвистов, посвящены прежде всего бюрократизации языка и речи, росту заимствований, жаргонизации и вульгаризации речевого общения, легализации сквернословия.

Эколингвистические проблемы наиболее ярко проявляются в речи молодого поколения, а именно жаргонизация и употребление иностранных слов. А.П. Сковородников в своей работе «О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка» отмечает рост не мотивированных никакими объективными причинами варваризмов, частота употребления которых объясняется исключительно фактором моды на все иностранное [16. С. 207]. Следовательно, проблема роста заимствований в молодежной коммуникации в настоящее время становится особенно актуальной и нуждается в детальном рассмотрении в контексте определения концептуальных оснований, учитывающих достижения лингвистики последних десятилетий.

Для составления и анализа словника варваризмов был использован экспериментальный метод, который предполагал анкетирование по принципу ответа на вопрос «Какие иностранные слова Вы используете в бытовой коммуникации?» с обязательным указанием соответствующего синонима из русского языка. В эксперименте участвовали более 500 первокурсников Кубанского государственного аграрного университета. В результате был составлен словник, включающий около 150 слов-варваризмов, которые активно используются молодежью в неофициальной ситуации как в устной, так и в письменной (СМС, интернет-форумы и т.д.) коммуникации.

В лингвистических исследованиях по проблеме иноязычных заимствований сформировалась позиция, которая сводится к утверждению, что, если заимствование хоть каким-то образом способствует совершенствованию системы языка, оно приемлемо, в противном случае оно представляет собой факт засорения языка. Говоря об использовании заимствований в молодежной среде, следует отметить, что речь идет не о тех словах, которые практически «обрусели» в русской языковой среде, несмотря на наличие русского эквивалента: *тренд, конверсия, консенсус, имидж, презентация, плюрализм, пилотный* и т.д., а о варваризмах, словах, не освоенных русским языком и нарушающих его чистоту.

Цель данного исследования – выявление и анализ грамматических и функциональных особенностей варваризмов в молодежном дискурсе. Кроме того, предполагается анализ психологических установок говорящих при использовании заимствований в коммуникации.

Прежде чем говорить о заимствованиях в речи молодых людей, необходимо определиться с понятием «молодежный дискурс». Данное понятие включает признаки, выделяемые на основании общности возраста и ряда социокультурных параметров субъектов коммуникации. В исследованиях лингвистов [8] отмечается, что использование в речи молодежи нестандартных по отношению к общепринятым языковым нормам средств языка, а именно варваризмов, является неким кодом информационного обмена, который характеризуется как отражение психологических и социокультурных факторов молодежного дискурса.

Основными интенциями коммуникаторов для закодированности информации в молодежной среде выступают следующие:

- противопоставленность официальной речи;
- определенное тематическое пространство;
- коннотативный аспект;
- экспрессивность;
- экономия языковых средств.

Данные факторы равнозначны в функциональном аспекте как для жаргонной лексики, так и для заимствованной. И в том, и в другом случае, закодированная лексика молодежного дискурса – лингвистический феномен, который характеризуется набором условных слов и выражений, а также экспрессивно-стилистической окраской [1. С. 187].

Таким образом, для молодежного дискурса характерна определенная идентичность, формируемая социальными процессами. Особое место здесь занимают идеи, связанные с изучением социальных и психологических факторов, способствующих структурированию дискурса: являясь участником социального взаимодействия, молодежь включается в производство коллективно выработанных основ коммуникации [2. С. 12].

Заимствования из американского варианта английского языка, по мнению В.Г. Костомарова, являются самой яркой чертой современного языкового развития [11. С. 110]. По результатам анкетирования, напрашивается вывод о функциональной мотивации использования варваризмов. Если использование жаргона направлено на то, чтобы выразительно высказать свою оценку, привлечь к себе внимание необычным выражением, избежать клише, смягчить грубое выражение,

снизить пафосность определения, создать дружеский тон общения, стимулировать установление дружеских отношений [19. С. 154], то функционирование варваризмов, по ответам анкетированных, преследует такие цели, как экономия языковых средств, нестандартность общения, языковая мода, демонстрация владения определенной группой лексем и причастность к данной форме коммуникации. Таким образом, основными функциями варваризации молодежного дискурса являются номинативная и фатическая, которые превалируют над экспрессивной.

Кроме того, по мнению Л.П. Крысина, большой социальный престиж иноязычного слова по сравнению с исконным иногда вызывает явление, которое может быть названо повышением в ранге: слово, которое в языке-источнике именуется обычным, рядовой объект, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному. Например, английское слово *shop* в русском языке приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами, преимущественно западного производства. Обычный продмаг никто *шопом* не назовет! [12].

С грамматической точки зрения, в качестве заимствований берутся лексемы, имеющие значения действия, признак какого-либо явления, результат определенного процесса.

1. Основную часть всех приведенных участниками эксперимента заимствований составляют глаголы, не имеющие никакой экспрессивной окраски, а лишь характеризующие то или иное действие: **чилить** (от англ. *chill* «расслабляться») – в молодежном дискурсе значение расширяется: «отдыхать, развлекаться, валяться в расслабленной позе, вести необременяющие диалоги, тупить в интернете»; **войсить** (от англ. *voice* «голос») – отправлять голосовые сообщения в мессенджерах (иногда используется вариант «отправить войс» (голосовое сообщение)); **шеймить** (от англ. *shame* «стыд») – стыдить, позорить кого-либо; **байтить** (от англ. *bait* «приманка, заманивать») – первоначальное значение: копировать стиль исполнения у другого исполнителя; в настоящее время понимается как «спровоцировать на какое-либо действие»; **хайповать** (от англ. *hype* «шумиха») – поднимать шумиху, ажиотаж вокруг чего-то, подстёгивая интерес к чему-либо; **флексить** (от англ. *flexible* «гибкий») – в молодежной речи значение изменилось на «хвастаться и выпендриваться, выставлять свои ценности напоказ»; **чекнуть** (от англ. *to check* «проверить») – помимо значения

«проверить», активно используется для пользователей социальных сетей как «следить за фотографиями, постами и комментариями определенного профиля или проверить информацию» и т.п. Сюда же относятся и популярные в последнее время такие заимствования, как *дона- тить, спавнить, оффнуться, триповать, дефать, рашиить, скипать, рейджить, апать, агриться, гамать, тильтовать, скроллить* и т.п.

Безусловно, большая часть лексики относится к интернет-жаргону, но часто используется с переосмыслением первоначального значения. Деривационный аспект данных глаголов представлен моделью, характерной для русского языка, а именно «основа англ. слова + ТЬ» с последующим применением всех форм изменения русского глагола: *чекни, чекнишь, чекну* и т.д.

2. Группа существительных представлена меньшим количеством. По тематике эта группа достаточно разнообразна: выражение отношения к себе, эмоции, деловые отношения, экономика, транспорт, путешествия и т.п. Анализ таких слов дает основание утверждать, что заимствуются они по причине того, что в русском языке нет короткого аналога, т.е. заимствованное слово переводится в русском языке набором фраз или целым предложением. Таким образом, экономия языковых средств – одна из главных причин заимствований в молодежном дискурсе. В качестве примера можно привести такие слова, как *краш* (от англ. *crush* «давить, раздавливать») – слово было заимствовано из фразы *to have a crush on somebody* «влюбиться в кого-то», соответственно *краш* приобрело значение «человек, который безумно нравится, объект желания»; *вайб* (от англ. *vibe, vibration* «вибрация»; *good vibes* «позитивные вибрации») – эмоциональное состояние, возникающее при общении с кем-либо, контакте с чем-либо; атмосфера, настроение, создаваемое каким-либо местом; *олды* (от англ. *old* «старый») – используется для обозначения лиц старшего поколения или старых, вышедших из моды вещей; *лойс* (искаженное, насмешливое выражение от англ. *like* «нравится») – активно используется социальных сетях; имеет альтернативные вариации написания слова: *лайс, лайз, лоис, лойз; фуди* (от англ. *foodie* «гурман») – в молодежной коммуникации употребляется в значении «человек, питающий особый интерес к еде и напиткам, считающий их более значимыми вещами, чем простое удовлетворение физических потребностей; также целое движение, активно набирающее свою популярность, своего рода субкультура,

объединяющая людей, отличающихся от других в своем отношении к еде»; *хейтер* (от англ. *hater* «ненавистник» и происходит от глагола *to hate* «ненавидеть») – употребляется для характеристики человека, для которого главным жизненным ощущением является, как минимум, неприязнь, а как максимум, ненависть и т.п.

3. Группа прилагательных – самая немногочисленная. Можно привести такие примеры, как *трушный* (от англ. *true* «настоящий») – используется в значении «правильный, настоящий, истинный»; *изи* (от англ. *easy* «легкий, простой, удобный») употребляется в аналогичном значении; *фейковый* (от англ. *fake* «фальшивка») – что-либо ложное, недостоверное, сфальсифицированное и т.д. Деривационный аспект представлен традиционными для русского языка моделями образования имен прилагательных, а именно «основа англ. слова + -ов- / -н-», т.е. все варваризмы проходят грамматическую адаптацию в соответствии с нормами русского литературного языка. В связи с тем, что данные варваризмы имеют аналогичные по значению синонимы в русском языке, можно предполагать, что употребление заимствований в молодежной коммуникации объясняется языковой модой, связанной с ориентацией на западные ценности, американизацией нашей жизни. В письменной коммуникации все представленные варваризмы передаются с помощью русской графики.

В результате анализа группы варваризмов, присутствующих в молодежном дискурсе, можно сформулировать следующие основные признаки данной лексики в аспекте психологических, грамматических и функциональных особенностей:

– варваризмы неоднородны по функциональной нагрузке; в зависимости от ситуации они могут выполнять номинативную, фатическую и экспрессивную функции, причем можно наблюдать превалирование одной функции над другой по результату коммуникативной установки;

– к основным интенциям говорящих с позиции использования варваризмов можно отнести желание закодировать речь, эмоциональную окрашенность, экономию языковых средств и языковую моду, престиж иноязычного слова;

– с лексико-грамматической точки зрения, в качестве языка-источника используется английский язык и проявляется неоднородность по количественному параметру грамматической принадлежности:

наиболее динамичной можно назвать группу глаголов, менее задействуются существительные и прилагательные;

– процесс заимствования очень динамичен; большая часть представленной лексики заимствована в последние 3-4 года;

– в семантическом аспекте варваризмы представлены в двух позициях: дублирование русского синонима либо обозначение реалии, не имеющей русского эквивалента в виде отдельной лексемы; большая часть лексики перешла из компьютерной терминологии в бытовую сферу;

– все заимствования адаптируются по законам русского словообразования.

Функционирование варваризмов в молодежном дискурсе есть отражение ментальности современного поколения. С точки зрения экологии языка, по утверждению Л.И. Скворцова, необходимо прививать широкой публике элементарную терпимость и уважение к правам ближнего [15]. Не нужно входить в крайность: полностью отвергать либо принимать такое массовое увлечение заимствованиями молодежью. Во всем нужна мера. В русском языке соблюдается некая норма поглощения иностранных слов. Это естественный процесс. Стремление у молодого поколения зашифровать свою речь проявлялось на всем протяжении развития русского языка. В лингвистике закрепилось терминологическое сочетание «инволюция в языке». Так, В.П. Даниленко в своей статье «Инволюция в языке: варваризация и вульгаризация» отмечает, что варваризация, как правило, сопровождает крайне нестабильные периоды в жизни общества, и приводит точки зрения других лингвистов, которые сходятся во мнении, что причина современной иноязычной оккупации нашей страны кроется в открытой ориентации на Запад в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки [4]. Отсюда и огромный поток заимствований, так как в языке отражается сознание народа, которое, в свою очередь, формируется под воздействием социальных перемен в стране.

Литература

1. Акимова Т.И. Студенческий жаргон и словообразование. Явление лексической моды в студенческой среде // Вестник МГУП. 2011. № 6. С. 187-191.
2. Васильев С. А. Отечественный телевизионный рынок: возникновение, становление и тенденции развития // Мир России. Социология. Этнология. 1997. №1. С. 3-28.

3. Виноградов С.И. Русский язык эпохи НТР // Русская речь. 1986. № 1. С. 11-21.
4. Даниленко В.П. Инволюция в языке: варваризация и вульгаризация. 2002. URL: <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/varvar.htm>.
5. Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. М. : Московский Патриархат. Отделение религиозного образования и катехизации. Лицей духов. культуры, 2002. 255 с.
6. Ионова С.В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 86–93.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / АН СССР, Отд-ние лит. и яз. М. : Наука, 1987. 261 с.
8. Касумова М.Ю., Касумов А.Х. Заимствованные жаргонизмы в молодёжном дискурсе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovannye-zhargonizmy-v-molodyozhnom-diskurse>.
9. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. Л. : Лениздат, 1988. 271 с.
10. Копнина Г.А. Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 78-86.
11. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб. : Златоуст, 1999. 320 с.
12. Крысин Л.П. Иноязычие в нашей речи – мода или необходимость. URL: <http://www.gramota.ru/index.html>.
13. Маслова В.А. Учение И. А. Бодуэна де Куртенэ о природе языка и его сущности // Вестник ТГПУ. 2015. № 2 (40). С. 76-79.
14. Раренко М.Б. Хрестоматия по эколингвистике: язык, экология и окружение // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. Реферативный журнал. 2003. № 1. С. 70–80.
15. Скворцов Л.И. Культура языка и экология слова // Русская речь. 1988. № 4. С.3-9.
16. Сквородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 194-222.
17. Сквородников А.П. Экология русского языка : монография. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. 388 с.
18. Сквородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск – Ачинск : Красноярский ун-т, 1996. С.5-9
19. Федотова Т.В. Психологические мотивы формирования прозвищ-жаргонизмов по гендерному принципу // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 3(136). С. 153-157.

ЭКСКУРСИЯ В СОВРЕМЕННОМ МУЗЕЕ

Л.П.Авдонина

Avdonina-LP@yandex.ru

ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»
(Ялта-Гурзуф)

Традиционной формой культурно-образовательной деятельности музея с давних пор является экскурсия. На первый взгляд, экскурсия – это просто показ экспонатов, сопровождающийся словесным озвучиванием и комментарием, но это не совсем так. Экскурсия – особенный вид деятельности, в процессе которой осуществляется показ и рассказ о важном музейном объекте процессе экскурсионного высказывания. Экскурсия помогает реализовать просветительские и ценностноформирующие цели, а экскурсионный дискурс является пространством, которое объединяет рекламный, педагогический, научный и другие дискурсы, употребляемые в экскурсионной среде.

Экскурсия с глубокой древности была формой познания мира, отдыха, осуществления какой-либо деятельности: паломничество, торговля, лечение, географические открытия, образование, обучение профессии[1]. В Россию экскурсии пришли во времена Петра I (1672–1725), который ввел обязательные гран-туры для молодых дворян, собирающихся стать государственными чиновниками. Отправляя их за границу, Петр строго наказывал «*смотреть, видеть и записывать*».

Экскурсия является связующим звеном между экспозицией и посетителем. При проведении экскурсии экскурсовод всегда опирается на контрольный текст своей лекции, чтобы не затрагивать вопросы, не отраженные в экспозиции. Только во время экскурсии в процессе музейной коммуникации, в момент живого контакта с экскурсантами могут быть раскрыты содержание музейной экспозиции, её эмоциональный подтекст, информационный потенциал, ее идеи. Актуальным становится изучение музейной коммуникации как вида институциональной дискурсивной практики. Такой подход обеспечивает новые возможности для осуществления контактов с посетителями во время экскурсии.

Уже во времена Геродота в V веке до н.э. древнегреческие периегеты сообщали путешественникам важную информацию при осмотре

природных и исторических достопримечательностей, архитектурных памятников и древностей. Нередко прогулки путешественников сопровождались комментариями проводника – знатока данных мест. Сначала такой знаток был нужен при замене старой стоянки на новую после истощения ресурсов старой стоянки. Это движение было очень важным для человечества, т.к. миграционные процессы стимулировали развитие интеллекта у людей, формировали зачатки географических знаний, создавали науки. При формировании новых цивилизаций мотивацией перемещений стали международная торговля и торгово-экономические цели.

Купцы поневоле стали экскурсоводами по новым, неизведанным землям. Часто они становились первооткрывателями новых миров, земель, товаров и обладателями ценных сведений. Историки подтверждают, что китайские, египетские, шумерские, греческие дипломаты совершали многолетние путешествия, часто становясь гарантами мирных отношений между государствами и при этом выполняли роль экскурсоводов, владеющих географической информацией. Паломникам тоже требовались люди, владеющие местной информацией.

Появившиеся профессиональные греческие перизгеты за отдельную плату в храмах предоставляли возможность «понаблюдать за работой жрецов, а также послушать экскурсовода, рассказывающего истории и легенды об этом месте» [7]. Римские экскурсоводы осуществляли свои услуги через прототипы специальных «туристических бюро». Развивалось экскурсионное дело и в России. Энтузиастом и организатором экскурсионной работы с детьми был декабрист И.Д. Якушенко. Рекомендации о проведении школьных экскурсий появились в «Уставе народных училищ» 1786 года, в «Школьном уставе» 1804 года [3]. Идею применения экскурсии как активного метода обучения поддержал К.Д. Ушинский. В 1872 году в Москве был открыт Политехнический музей, где проводились первые внешкольные экскурсии. Важной вехой экскурсоведения стало издание в 1910 году книги «Школьные экскурсии» под редакцией Б. Е. Райкова и Г. Н. Боча.

В 1910–1920-е годы активно заявила о себе «русская экскурсионная школа» – объединение ученых, музейных деятелей, педагогов во главе с И.М. Гревсом, профессором Петербургского университета. Наиболее известными учениками и последователями И.М. Гревса в

экскурсоведении стали Н.П. Анциферов, А.В. Бакушинский, Н.А. Гейнеке, Б.Е. Райков [2, с. 148].

Наиболее плодотворный путь приобщения к культуре, искусству в музее – живое, непосредственное общение с ними с помощью живого слова экскурсовода. Творчество талантливой личности, а в нашем музее это творчество А.С.Пушкина и А.П.Чехова, являясь источником ярких впечатлений, воздействует на воображение, чувства людей и, следовательно, служит основой для их духовного формирования и развития. Экскурсия – это не только текст, не только речь, но еще и важные имплицитные моменты (влияние, воздействие, подтекст) [6].

Повышает эффективность экскурсионного процесса опора на три основных принципа: принцип локализации объектов, принцип экскурсионного рассказа, принцип моторности (акциональности). Обратим внимание в первую очередь на моторность. Оказывается, собственное передвижение участников экскурсии (и адресанта, и адресата) в пространстве во время экскурсии, физического приближения к объекту позволяют преодолевать пространство с целью познания экскурсионного объекта.

Преодоление пространства воспринимается человеком как своего рода преодоление своей телесной слабости, преодоление себя. Вспомним паломников и поймем, почему они стали паломниками и отправились в дальний путь. Вспомним, что когда мы волнуемся и пытаемся найти решение проблемы, то мы тоже ходим, перемещаемся в пространстве, т.е. совершаем психофизическую деятельность. Во время экскурсии экскурсовод инициирует своих адресатов на совершение и других действий (интеллектуальных, психических, эмоциональных, социальных действий), т.е. развивает их, повышает уровень образованности и культуры [3].

Реализация принципа акциональности позволяет экскурсанту, как говорят специалисты, получить знания в их жизненно активном значении и в дальнейшем применить их в своей конкретной деятельности. Образование осуществляется особым образом – через чувственное восприятие, переживание и исследование при правильно выбранной тематике, маршруте, месте проведения экскурсии, протяженности по времени, выразительном показе и интересном рассказе [6]. Главная целевая установка экскурсии – эмоциональный аспект, умение «заразить переживанием». Естественность

обстановки, среды проведения, непосредственность переживаний, подлинность памятников, а также умение экскурсовода при восприятии музейных предметов создать обстановку «молчаливого созерцания», обеспечивают эффективность экскурсионного высказывания, как отмечал в свое время А.В. Бакушинский[2].

Жанрообразующие признаки экскурсионной речи таковы: 1) официальная обстановка; 2) адресант – экскурсовод; 3) адресат – посетители; 4) экскурсовод реализует информативную, воздействующую и гедонистическую задачи; 5) фактор устности с активным использованием интонационного разнообразия, вариативностью темпоритма. звуковысотного. тембрального рисунка речи и других средств установления контакта со слушателями; 6) это комплексный (смешанный) речевой жанр (экскурсионный дискурс), где место каждого жанра в общей системе высказывания свободно и зависит от коммуникативного замысла экскурсовода; 7) ядерным речевым жанром экскурсионной речи является простой речевой жанр – экскурсионная метка[4; 5].

Во время экскурсии происходит многоплановый процесс восприятия экскурсантами объектов показа. В основе этого метода – непосредственное наглядное восприятие подлинных памятников, происходящее в движении, на месте расположения объектов – в естественной среде или в каком-либо помещении (в музее, на производстве и т.д.) [7].

Сам процесс познания осуществляется путем «извлечения» и передачи экскурсоводом информации, связанной с экскурсионными объектами. При этом важно правильно работать с экскурсионной информацией, состоящей из двух главных компонентов: зрительного (впечатления, образы) и вербального (сообщения, комментарии экскурсовода). Экскурсовод может дополнить свою информацию другими элементами: слуховыми (звуки природы, музыки и др.), осязательными, обонятельными. «Сочетание рационального и эмоционального элементов, увеличивающее объем воспринимаемой информации и активизирующее психологические процессы – характерная черта экскурсионного метода» [4]. Специфику экскурсионной коммуникации отражает экскурсионная метка, которая наполняет экскурсионный дискурс в полисемиотическую систему, где рассказ неразрывно связан с показом, а адресанту-экскурсоводу необходимо связать объекты показа и информационное сообщение, посвященное этому объекту.

Экскурсионная метка ставит перед экскурсоводом новую задачу: при помощи особых речевых маркеров управлять вниманием экскурсанта, контролировать глазодвигательную систему человека. Эти маркеры имеют гетерогенную природу и делятся на локативные, визуальные, визуально-локативные, нулевые и указательные. Основанием для их выделения является способ реализации цели экскурсовода: инициировать визуальную активность [4]. Организующим элементом этапа показа как раз и является экскурсионная метка. Исследователи вопроса утверждают, что визуальный и локативный маркеры активизируют визуальную активность: «Посмотрите на», «Здесь», «Тут» и др. Экскурсоводы-практики отмечают, что нулевой маркер снижает время осмотра экскурсионного объекта, но наименее эффективен. Визуально-локативные и указательные маркеры демонстрируют меньшую эффективность, чем визуальные и локативные отдельно.

Современный экскурсовод обязан разграничивать зрительный и вербальный компоненты на *показ* и *рассказ*. Показ – заранее подготовленное действие, обеспечивающее наглядность. Он состоит из нескольких компонентов: 1) самостоятельное зрительное восприятие объекта; 2) словесный комментарий экскурсовода; 3) организация экскурсоводом восприятия экскурсионных объектов экскурсантами. Главной задачей показа становится интерпретация зрительной информации, связанной с объектами. Экскурсанты на этом этапе должны осознать культурно-историческую значимость объекта. Во время показа осуществляется не только простое описание зримого облика объекта, но и виртуальное восстановление утраченных черт, раскрытие тех или иных свойств объекта, которые связаны с его внешними чертами или внутренним устройством, которые не видны при обычном рассматривании. Все это призвано помочь экскурсантам понять культурно-историческую семантику объекта [5].

Именно показ предполагает сотрудничество и сотворчество экскурсовода и экскурсантов. Эффективность показа возрастает в зависимости от активности самостоятельного (а также с помощью экскурсовода) зрительного восприятия экскурсантами объектов во время экскурсии [4].

Рассказ – словесная информация о тех свойствах объекта, которые не связаны с его зрительным образом. Рассказ комментирует, поясняет, дополняет, расширяет культурно-исторический контекста

экскурсии. Это сведения об истории объекта, о событиях, явлениях, процессах, людях, связанных с его происхождением и бытованием. возможное сохранение связи с объектом.

Формулировка «от показа к рассказу» определяет как понятийную приоритетность зрительного восприятия, так и конкретную последовательность действий при демонстрации объектов, поэтому соотношение этих компонентов – один из главных факторов, влияющих на качество экскурсии. Нужно при этом помнить, что от вербальной информации человек устает быстрее, чем от зрительных впечатлений. Также общеизвестно, что на основе визуального восприятия запоминается больший объем сведений.

Итак, экскурсия – особенный вид деятельности музейного специалиста-экскурсовода, конкретные действия которого направлены на то, чтобы: 1) показать объекты, на основе которых раскрывается тема экскурсии; 2) передать посетителям необходимую информацию о них; 3) сформировать у посетителей отношение к теме экскурсии; 4) сделать какие-то выводы; 5) показать величие обсуждаемого события или значение произведения искусства, которому посвящена экскурсия.

Литература

1. Авдоница Л.П. История путеводителя в европейской традиции // Кооперация науки и общества – путь к модернизации и инновационному развитию. Пермь: АМИ, 2021. – С.59–66.
2. Бакушинский А.В. Художественное творчество и воспитание. М.: Карапуз, 2009. – 302 с.
3. Иргашева Т.Г. Текст экскурсии как особый речевой жанр // Наука и Школа. 2015. № 5. – С. 114–120.
4. Лиханов Л.М. Речевой жанр экскурсионной метки: коммуникативно-прагматический аспект: 10.02.19: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лиханов Максим Владимирович. – Кемерово, 2018. – 26 с.
5. Налимова Т.А. Экскурсионная речь как профессиональный педагогический жанр учителя-словесника: 13.00.02: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Налимова Татьяна Анатольевна. – Екатеринбург, 2000. – 19 с.
6. Сизинцева Л.И. Музеи и отечественные традиции экскурсионизма в первой трети XX века // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6). – С. 60–71.

КОНЦЕПТЫ «СЕРДЦЕ», «ДУША», «РАЗУМ» В ДИСКУРСЕ ИГУМЕНА НИКОНА ВОРОБЬЕВА

О.Л. Арискина, Е.А. Дрянгина
ariskina@list.ru; lasina.83@mail.ru

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
(Саранск)

Данная статья является продолжением исследования особенностей языковой личности православного наставника (Арискина [2], [3], Чиковани [12]), которое выполнено в антропоцентрической и лингвокогнитивной парадигме (Богданович, Тарасюк [4]; Попова, Стернин [11]; Болдырев [6] и др.), в рамках дискурс-анализа (Карасик [8]; Макаров [10] и др.) и учения о языковой личности (Караулов [9]; Богин [5]; Карасик [8]; Арискина, Дрянгина [1] и др.).

В настоящей статье мы ограничимся анализом трех концептов: «Сердце», «Душа», «Разум», которые, на наш взгляд, «высвечивают» особенности лингвокогнитивного уровня языковой личности игумена Никона Воробьева (1894–1963 гг.), священника, православного писателя, оставившего нам большое духовное наследие. Материалом для анализа стали его Письма духовным детям [7].

Традиционно мы будем рассматривать концепт в единстве трех компонентов – понятийного, образного и ценностного [8]. Особое внимание в статье сосредоточено на образном компоненте данных концептов.

Интеллектуальная деятельность человека описывается с помощью концептов «Ум / разум / рассудок». Часто автор противопоставляет ум / разум душе / сердцу: «Лжеименный **разум** не может постичь этого. Поэтому нужна вера. ... Кто хочет опытно познать тайны христианства, должен все силы употребить на духовное делание, а не пытаться одним **рассудком** все понять [7, с. 131]. При этом разум в иерархии человеческих ценностей в дискурсе игумена Никона стоит ниже сердца и души: «Доходит ли, не говорю, до **сердца**. А даже до **ума** хоть один предмет? Делается ли он «своим для учащегося? Сомневаюсь. Это куча фактов, сырой, непроверенный материал. Хуже того, при малой вере, рассмотрение **плотским «лжеименным» разумом** духовных истин приводит к снижению значения этих истин. С них снимается покров таинственности, глубины Божественной мудрости. Эти истины

делаются предметом «пререкания языков», чуждым для души учащегося. Вера слабеет и даже исчезает. Из духовной школы и выходит поэтому много самых ядовитых безбожников» [7, с. 110]. Таким образом, разум в представлении игумена – проявление плотского начала человека, которое без просветления верой, не приносит никакой пользы. Причем именно разум может обездвижить духовное начало: «Вот почему человек иногда и кажется таким прекрасным, несмотря на то что его великая сущность лежит как в могиле, покрытая **хламом эмпирики**, т.е. **жалких познаний**, чувствований, мелких делишек, интересов и задач. Человек в чести сый – не уразуме!» [7, с. 116].

Разум как «хлам эмпирики», как «куча сырого материала» абсолютно не несет в себе какой-либо важной функции в жизни человека, поэтому мы можем наблюдать переход с когнитивного уровня на прагматический в системе языковой личности игумена Никона; на прагматическом уровне реализуется педагогическая функция: «Это – плод ложной постановки духовной школы. Учащимся надо всячески помочь утвердиться, прежде всего, в вере, в живой вере в Бога, а не требовать знания на память кучи сырого материала» [7, с. 109].

Однако проблемы разума ведут к проблемам души и сердца: «Не огорчайся, а смирайся. У всех **непочатый край высокоумия и самонадеянности**. Нужно много-много раз сесть в лужу, чтобы понять свою ограниченность, необходимость постоянной помощи от Бога. Если все силы душевные извращены падением, то извращено сильно и сознание своей личности, «Я» [7, с. 120].

Об ограниченности разума игумен Никон многократно заявляет в письмах к студентам Московской духовной академии: «А если **умом** только читают, то остаются холодными и голодными, не понимают силы написанного и бросают чтение, обращаясь к докторам богословия, особенно протестантским» [7, с. 127]. Интересно противопоставление: интеллект как хлам, сердце душа как огонь: «Все мы завалены хламом, а все же из-под него мерцает огонек истинного «Я» [7, с. 118].

В дискурсе игумена Никона концепты «Сердце» и «Душа» значимее интеллектуальной деятельности человека, хотя проповедник пишет, что очень сложно дифференцировать и дефинировать эти понятия: «Кстати: мы употребляем слова «сокрушение сердечное», «плач сердечный», однако, что они есть и каково их действие, мы едва ли

знаем или знаем слишком мало. Так и в других случаях: употребляем слова, а силы их не постигаем» [7, с. 130].

Сердце представляется в текстах игумена в таких образах:

1. Бездна, ад («В такой молитве открывается **бездна сердечная исполненная всякими гадами**: сие море великое и пространное, тамо гады, их же несть числа» [7, с. 71]; «Можно полагать, что червь неусыпающий и огонь неугасающий в будущей жизни есть **нескончаемая скорбь сердца...**» [7, с. 100].

2. Источник любви к Богу («...**сердце сокрушено и смиренно**, которое Бог не уничтожит и изх которого и родится та любовь к Богу, о которой я говорил вначале» [7, с. 101].

3. Территория для труда, евангельский образ почвы из притчи о Сеятеле («**Сердце** свое так же, вернее, больше нужно обрабатывать, чем огород» [7, с. 15].

4. Пещера, заваленная камнем, гроб без веры («Он же отвалит и **от сердца вашего камень нечувствия**, когда придет время для этого» [7, с. 65].

Образная составляющая концепта «Душа» несколько иная:

– Тайна («Я на днях почел, правда, бегло очень «Братья Карамазовы». Вот где **раскрывается душа человеческая!** Какой жалкой пародией кажется научная психология перед психологией Достоевского. Я когда-то был настолько наивен, что хотел **познать душу**, изучая курсы психологии. Сколько глупостей делаешь в молодости» [7, с. 117]).

– Сосуд («Все земное пройдет, как туман, а с чем мы останемся, если **душа** только земным была **наполнена?**») [7, с. 73]; «А если бы Господь **открыл до дна твою душу**, то, может быть, ты отчаялась бы» [7, с. 24]).

– Больное, смертное Тело («...**постепенное исцеление душевных язв**» [7, с. 67]; «При молитве **обнажайте свою душу** перед Богом во всей мерзости, без самооправдания и , как прокаженная, говорите: Господи, если хочешь, можешь меня очистить; как мытарь: Боже, милостив буди ко мне, грешной» [7, с. 66]; «... Так **ослепляется душа** от суеты житейской» [7, с. 119]; «Отчаяние, часто ведущее к самоубийству, есть **смерть души**» [7, с. 71]).

– Регулируемая Система, поле битвы («Демоны горды и овладевают гордцами, значит, надо нам смириться. Демоны гневливы,

значит, надо нам приобретать кротость, чтобы они не овладевали нами, как своими **по душе**. Демоны злопамятны, немилосердны, значит, надо нам скорее прощать и мириться с обидевшими и быть ко всем милостивыми. Надо подавлять **в душе бесовские свойства**, а насаждать ангельские, которые указаны в святом Евангелии» [7, с. 27]; «Когда будем ожидать духовных радостей – тогда как раз можем (чаще всего так и бывает) не получить их. Правильное усмотрение души: считать себя недостойным никаких духовных утешений» [7, с. 56].) Последний пример в этом пункте во много соотносится с ролью сердца в правильном духовном устройении: «только сознание своей немощи, нищеты, греховности, неоплатной задолженности перед Богом, а отсюда непрерывный **плач сердечный (сердце сокрушенно**, от которого делается и смиренно), который имели все угодники Божии, – вот правильное **духовное устройство**, ограждающее человека от падений, ведущее к духовным дарованиям и ограждающее эти дарования, если их сподобится он» [7, с. 56].

Анализ концептов «Сердце» и «Душа» показал, что понятийно эти концепты схожи, часто употребляются в речи как синонимы, однако образный компонент их различен. Кроме того, мы заметили, что игумен Никон употребляет лексему «душа», когда его письма чаще адресованы женщинам, а не мужчинам (это можно увидеть из приведенных примеров, флексии женского рода выделены полужирным шрифтом в пп. 2 и 3).

Встречаются примеры, в которых идет четкое разделение души и сердца на две субстанции: «Когда человек **сердцем** почувствует, что **душа** его прокажена грехом, вся в язвах, что он бессилен сам себя исцелить...» [7, с. 40].

Однако ряд примеров показывает, что душа – понятие наиболее широкое, родовое, а ум и сердце – видовые: «**Душа** человека не состоит из отдельных независимых друг от друга частей: ум, чувство, воля и проч., а есть единая сущность. Очищение или просвещение **ума** и **сердца** будет действовать на всю **душу**, следовательно, и на волю» [7, с. 129]; «Словом, человек, стяжавший Духа Святого, весь обновляется, делается иным (отсюда прекрасное русское слово: инок) и по **уму**, и **сердцу**, и воле» [7, с. 125]; «мира желаю вам, мира Божия, превосходящего всякое **разумление** и соединяющего человека с Богом. А чтобы этот мир осенил человека, надо самим потрудиться в стяжании мирного **устройства души**, в терпении недостатков друг друга, во всепрощении всяких обид всем» [7, с. 17].

При этом если душа устроена должным образом, то и повышается роль разума, повышается до уровня сознания: «Люди по существу, в глубине все лучше, чем в своем проявлении в жизни. Одно дело – образ Божий, и другое – благодать, полученная в таинстве Крещения, этот образ и есть личность человека, его «Я». Это великий дар Божий. Из небытия возник новый центр **самосознания**, «Я», **сознающее себя** и весь мир, «Я» – равно целой вселенной, ибо «Я», как **самосознающая личность**, имеет своим объектом не только вселенную, но и Бога, «Я» **стремится познать = понять = по-ять**, т. е. взять, включить в себя и всю вселенную, и Самого Бога. Это, т. е. **познание**, и дозволено Творцом человеку. К этому и призывается человек, но только законным путем. Вот как велик человек!» [7, с. 116].

Таким образом, только правильное устройство души, осознание этой важной мысли может сделать человека великим.

Литература

1. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2011. № 25 (240). – С. 15–18.
2. Арискина О.Л. Концепт «Борьба» в картине мира игумена Никона (Воробьева) // Слово. Словесность. Словесник: Материалы всерос. с междунар. участием научно-практич. конф. преподавателей и студентов. Рязань, 2021. – С. 381–382.
3. Арискина О.Л. Концепт «Смирение» в письмах игумена Никона Воробьева // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей IV Международного симпозиума: в 2 томах. Симферополь, 2020. – С. 397–403.
4. Богданович Г.Ю., Тарасюк Д.В. Картина мира сквозь призму языкового сознания крымской молодёжи (на примере русского, украинского, польского языков) // Межкультурные коммуникации: Русский язык в современном измерении. Симферополь, 2018. – С. 15–17.
5. Богин Г.И. Языковая личность школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки. Тверь: Просвещение, 1998. – 164 с.
6. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
7. Игумен Никон (Воробьев). Письма духовным детям / Сост. А. И. Осипов. М.: Стихира, 2014. – 136 с.
8. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. – С. 3–16.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 263 с.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСИ, 2007. – 314 с.
12. Чиковани Т.В. Языковая личность православного проповедника как значимый лингвоформат религиозного дискурса (на материале проповеди архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого) «Печаль яже по Бозе и печаль мирская») // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Том 2. Вып. 1 (7). – С. 72–77.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ АТТРИБУТА «ДУХОВНЫЙ» В ДИСКУРСЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

С.Н. Стародубец

starodubets.madam@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
(Брянск)

В последние десятилетия серьезное внимание уделяется проблемам построения функционального (идеографического) тезауруса языковой личности как иерархической системе понятий, репрезентирующих картину мира. В этой связи осуществляются попытки предельно точно описать концептуальную систему того или иного адресанта через учет индивидуального словоупотребления.

Индивидуальное словоупотребление в свою очередь базируется, как известно, на некой инвариантной, центральной части, позволяющей обеспечить стратегию понимания даже единиц неузуального характера.

В этой связи продуктивным является включение в состав концептуальной картины мира как общечеловеческой, так и специфической части (индивидуальной). Считаем целесообразным, что индивидуальное словоупотребление и как следствие этого – то или иное переосмысление или расширение лексического значения – является частью смыслового поля слова (если согласиться с Е.С. Кубряковой, что лексическим значением слова становится «концепт, схваченный знаком» [6, с. 95], то кроме общесистемного лексического значения, необходимо выделять и психологическое (смысловое поле слова [3, с. 45]).

Наиболее яркое отражение идеология языковой личности находит в оценочном компоненте лексического значения.

В связи с изменением идеологической ориентации общества идеологизированные номинативные единицы, как правило, изменяют знак оценочности на прямо противоположный. Лингвисты по-разному описывали это явление: как «семантическую бинарность» [7], как «идеологически обусловленную синонимию» [5, с. 30] или как «идеологически обусловленную многозначность» [4, с. 19]. Ни один из названных

терминов не определяет полностью своеобразие названного явления [8, с. 113].

Вслед за В.Н. Телия, полагаем, что оценочность «объективируется в денотативном компоненте лексического значения» [11, с. 47].

Способность идеологизированного слова эксплицировать оценочность потенциально заложена в его нейтральном употреблении и может быть определена как безоценочностное значение слова. Материализация этой способности есть инвариант идеологического со-значения в денотативно-сигнификативном компоненте лексического значения слова. Соответственно идеологический инвариант в контексте словоупотребления может быть реализован как пейоративный либо мелиоративный вариант, что мы определяем как амбивалентность значения идеологизированного слова. «При рациональной оценке мелиорация и пейорация являются вариантами инвариантной денотативной аксиосемы, которая может реализоваться в аллосемах «одобрение» и «неодобрение» [12, с. 72, 78].

Считаем возможным характеризовать названное явление как оценочную энантиосемию: «Оценочная энантиосемия, как и энантиосемия вообще раскрывает содержание диалектического закона единства и борьбы противоположностей, оба полюса какой-либо противоположности столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, но они, несмотря на свою противоположность, взаимно проникают друг в друга» [1, с. 281].

Представляется небезынтересным в этой связи анализ употребления атрибута *духовный* в дискурсе русского религиозного философа Николая Александровича Бердяева.

В большинстве составных наименований, которые употребляет Н.А. Бердяев, атрибут *духовный* эксплицирует мелиоративную оценочность «духовность» языкового знака, как то: «*Духовная жизнь* есть внепредметная, внеприродная реальность, реальность, не связанная с определениями времени, пространства, материи, реальность, которая представляется идеальной по сравнению с реальностями мира предметного, реальность самой *первожизни*» [2, с. 36]; «*Духовная жизнь* и есть жизнь символическая. Соединяющая два мира, или Бога и мир, в ней даны встречи и пересечения» [2, с. 43]; «*Духовный опыт* есть опыт размыкающий, погружающий в сверхличный духовный опыты,

раскрывающий связь микрокосма с макрокосмом» [2, с. 38]; «Истинная духовная культура и есть духовная соборность» [2, с. 42].

Мелиоративная оценочность «духовность» эксплицирована ядерным компонентом лексического значения слова, неоднословное образование не может дефинировано посредством безоценочных слов [9, с. 38].

Рассмотрим пейоративный вариант идеологической оценочности «духовность», эксплицированный однокорневым атрибутом: «Существует *лжеименная духовность, ложная духовность*, без истинного достижения духовности. Мы постоянно встречаем эту *ложную духовность* в среде современных теософов. Есть ложная мистика, есть *ложное духовное знание*. <...> Такая замутненная духовность, не очищенная от демонолатрии, была у гностиков» [2, с. 51]; «*Ложное «духовное» христианство* протестантского типа не знает реалистического символизма, оно знает лишь идеалистический и психологический символизм, который не связывает, а разделяет» [2, с. 56]. Неоднократное повторение оценочного атрибута «ложное» маркирует знак оценочности. Нестандартность пейоративного варианта идеологической оценочности мотивирует автора в словосочетании «ложное «духовное» христианство» фиксировать данную особенность посредством кавычек.

Мы неоднократно подчёркивали, что базовые политические, отдельные религиозные и философские термины в дискурсах Н.А. Бердяева и И.А. Ильина осмысливаются противоположно (*национализм, социализм, революция, равенство* и др.) [8; 10].

Оценочная биполярность языка русской религиозной философии – специфическая особенность, фиксирующая имманентный полемический характер дискурса личности и дискурса русской религиозной философии в целом.

Литература

1. Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997. – 392 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – С. 15–338.
3. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. – 204 с.

4. Клоков В.Т. Лексика в функционально-идеологическом аспекте: пособие по спецкурсу для студентов филологических факультетов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. – 31 с.
5. Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития ОПЛ и терминологии. Москва: Наука, 1989. – 152 с.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва, 1996. – 149 с.
7. Николаев М.Н. О семантической бинарности дефиниции политического термина: диссертация кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки. Днепропетровск, 1979. – 223 с.
8. Стародубец С.Н. Идеологизированная лексика как языковое выражение персоналистической картины мира в дискурсе Н.А. Бердяева: диссертация кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Брянск, 1999. – 232 с.
9. Стародубец С.Н. Оценочность и коннотация «духовность» в дискурсе И.А. Ильина. Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 3 (39). – С. 33–43.
10. Стародубец С.Н. Русский национализм в аргументации И.А. Ильина – философа и публициста // Язык и стиль современных средств массовой информации. Межвузовский сборник научных трудов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию профессора Н.С. Валгиной. Москва: Издательство: Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова, 2007. – С. 390–397.
11. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. – 141 с.
12. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // Филологические науки. 1998. № 4. – С. 76–84.

ЭТНОСПЕЦИФИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Н.В. Лешкова

natalshkova@yandex.ru

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

(Горловка)

В ходе анализа реализаций дискурсивных стратегий и тактик православной проповеди последнего времени, были установлены основные черты, присущие этому виду дискурса. Определены основные изоморфные и алломорфные характеристики стратегического потенциала жанра православной проповеди в русском языке.

Главная задача православного священника – раскрыть и донести верующему догматы и основную истину христианской веры, помочь ему глубже погрузиться в смысл Священного Писания и, в конечном счете, побудить слушателей согласовывать свою жизнь с христианским вероучением. Успешность дискурсивной стратегии священника связана с рядом факторов, а именно: использованием точных коммуникативных тактик и приемов, свойственных для жанра православной проповеди; конвенциональностью текста самой проповеди; степенью вовлечения адресата и адресанта в дискурс церковно-религиозной коммуникации; безусловным принятием авторитета священника и некритическим усвоением текста проповеди адресатом, поскольку основополагающим фактором, который формирует дискурс этой коммуникации, является фактор веры. Итак, основной задачей является даже не конфессионализация, как это отмечают некоторые исследователи православного дискурса, а приведение человека к вере. Поэтому глобальной стратегией изучаемого нами дискурса для русского языка выделена именно фидеистическая стратегия.

Глобальная фидеистическая стратегия в проповеди была рассмотрена на уровнях структуры, семантики и прагматики речевых средств ее реализации. Что касается первого уровня, можно констатировать традиционное, строгое построение проповеди, в которой есть все обязательные черты с точки зрения гомилетики. Иногда эти части могут быть изъяты, зафиксировано преобладание сложноподчиненных предложений с рядом зависимых компонентов, а также высокий процент предложений нестандартной структуры, в частности номинативных, неполных, незаконченных, парцеллированных.

Кроме этого, также характерны риторические вопросы, имеющие ограниченный потенциал языкового оформления и выступающие в функции псевдиалога. Однако риторические вопросы, с помощью которых священник четко выражает свое отношение к явлению, для формулировки проблем довольно часто употребляются в проповедях.

Типичным является использование для акцентирования важности определенных моментов проповеди, апеллятивных элементов для повышения эмоциональной составляющей проповеди, вводных разговорных элементов, указывающих на непринужденное общение, определенный экспромт и искренность выступления, а не сухое, официальное обращение, выученное наизусть.

Аппозитивные конструкции, характерные русского языка, употребляются для уточнения информации или, наоборот, оперируют понятиями, которые могут быть неизвестны для всей паствы (напр., *мытари и фарисеи, жены-мироносицы*): *Да потому что фарисеи, которые окружали Спасителя, не были готовы признать Его даже пророком, а тем более Сыном Божиим, обладающим Божественной силой. Иудеи в недоумении, в растерянности, и потому у них возникает стремление как бы минимизировать все то, что произошло* (Патриарх Кирилл).

В ходе семантического анализа жанра православной проповеди нами было выделено пятнадцать ключевых топосов – «Спасение», «Грех», «Покаяние», «Прощение», «Таинства», «Православная Церковь», «Жизнь – Смерть – Воскресение», «Катехизация», «Любовь», «Бог, Богородица, праздников», «Молитва», «Дьявол», «Христианские добродетели», «Православные праздники», «Война», – которые являются изоморфными для православной проповеди. Кроме того, например, если топос «Война» в некоторых языках проповеди преимущественно касается борьбы с грехами, соблазнами и дьяволом, то в русском языке существует еще исторически трагический контекст войн XX века, рассматривается эпоха мучеников.

В русском языке, как правило, больше всего микровариаций в каждом топосе используется в проповедях, потому что даже, отталкиваясь от основной линии, священник успевает очертить значительное количество других тем.

В текстах проповедей проанализирована реализация содержательных модальных элементов (аксиологических, эпистемических,

алетических, деонтических, волитивных), также выделены основные средства их реализации. Было определено, что алетическая и деонтическая модальность используются часто священниками, но наибольшую степень использования имеют волитивная и эпистемическая модальности, тогда как аксиологические элементы достаточно широко представлены в проповедях регулярно.

Частотность использования в проповеди модальных элементов зависит от личности отдельных священников, их харизмы и принципов мышления – более рационального восприятия мира или сенситивный, и конечно, образования адресата.

Интересной особенностью проповеди является использование священниками иноязычных слов, которые являются общеизвестными для православного человека, независимо от его родного языка, формулами, например, *В злохудожную душу не внидет премудрость и не обитает в телеси повиннем греху* (Прем. 1:4), *учит нас Священное Писание* (Патриарх Кирилл)

На прагмасемантическом уровне реализации фидеистической стратегии православной проповеди зафиксированы метатекстовые текстуальные средства, которые служат линейному развертыванию текста в проповедях. Однако метатекстовое средство класса «предположения» употребляется в большинстве случаев как «достоверное утверждение» в проповеди, например, *действительно, подлинно, воистину, в самом деле, верно, разумеется, конечно, точно, истинно, неоспоримо: Неоспоримо, наш народ особенно почитает преподобного Серафима, ведь на протяжении большей части истории мы по многим причинам не жили богато, да и сейчас мы не самые богатые, хотя, конечно, условия жизни радикально изменились* (Патриарх Кирилл)

При реализации глобальной фидеистической стратегии в православной проповеди зафиксировано использование интерперсональных элементов. В некоторых образцах проповеди имеется персонализация – употребление авторского «я». Это объясняется рядом общеизвестных православных старцев, которые предоставляют собственные советы, делятся опытом, передают волю Божию, а также – причиной является индивидуалистический синдром.

Эмоционально-экспрессивные средства, а именно тропы, широко представлены в православной проповеди, потому что традиционно

являются излюбленным приемом гомиластики. Однако их использование частотно отличается, потому что как мы уже отмечали, некоторые православные проповедники реже прибегают к эмоциональным приемам. Так, в православной проповеди установлено использование метафор, метонимии, синекдохи, антономазии, гиперболы, литоты, метафорического эпитета, сравнения, инверсии, повтора, аллюзии, синтаксического параллелизма. Средства передачи эмпазы по большей части используются для создания юмористического эффекта, хотя и зависят от индивидуального фактора, однако были зафиксированы в редких проповедях. Акторечевой уровень анализа фидеистической стратегии показал наличие таких речевых актов, как репрезентативы, директивы, экспрессивы, комиссивы, декларативы, а также фатические метакоммуникативы. Средства поддержания контакта являются общепринятыми обращениями, их частотная репрезентация зависит от стиля речи и коммуникативного арсенала конкретного священника.

Итак, в ходе проведенного анализа было выявлено, что стандартные структурные, семантические и прагматические (прагмасемантические и актеречевые) элементы реализации фидеистической стратегии являются доминантными и общими для жанра православной проповеди. Однако разная частота их употребления в тех или иных проповедях зависит от индивидуального фактора.

Реализация фасцинационной стратегии характеризуется более свободным использованием индивидуально-авторских содержательных и нетрадиционных структурных элементов. Убеждение адресата в истинности слов говорящего в православных проповедях достигается с помощью целого ряда дискурсивных стратегий, обусловленных целевыми установками адресанта коммуникации. Свое выражение эти стратегии находят в наборе определенных тактик, реализующих вспомогательные цели, и, в свою очередь, дискурсивные тактики реализуются в речи с помощью речевых приемов, которые выступают как инструменты их реализации.

Проведенный квантитативный анализ позволяет утверждать, что информативная, молитвенная и призывающая стратегии являются доминирующими в современной православной проповеди, также используется фасцинационная стратегия священниками, реже – оценочная, объяснительная стратегии и стратегия наррации.

Соотношение использования общих и специальных стратегий в православной проповеди XX века – приблизительно равномерно. Зафиксировано частое использование тактик апелляции (к Богу, эмоциональному опыту паствы, человеческому опыту, собственному опыту священника, нормы, обобщенных данных, конкретных исторических фактов), вызывание эмоциональных переживаний, призыва Божьего благословения, прямого обращения к Богу.

Итак, священник оперирует стандартным арсеналом тактик. Православный священник, хотя и совершает большую часть коммуникативных актов неосознанно, однако он, как правило, готовится заранее к проповеди, а потому прогнозирует результат своего выступления и пути достижения коммуникативной цели. А значит, стратегическое речевое поведение священника позволяет построить типичный фрейм, сценарий ситуации, имеем в виду фундаментальную модель выступления, на основе которой уже разветвляются различные тематические наложения и индивидуальные стилистические элементы.

Итак, нами были рассмотрены специфические характеристики стратегического потенциала жанра православной проповеди, установлены доминантные элементы, описано влияние индивидуального фактора на частотное употребление разноплановых элементов реализации фидеистической стратегии, сопоставлено реализации общих и специальных стратегий в православной проповеди.

Литература

1. Белова А. Д. Языковые картины мира в межах когнитивно-дискурсивной парадигмы / А. Д. Белова // *Культура народов Причерноморья*. – 2002. – № 29. – С. 17–23.
2. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики / Е. В. Бобырева. – Волгоград : Перемена, 2007. – 385 с.
3. Бугаева И. В. Особенности конфессиональной дифференциации речи / И.В. Бугаева // *Социальные варианты языка–3 : материалы междунар. науч. конф.* – Н. Новгород : НГЛУ, 2004. – С. 292–293.
4. Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль / О. А. Крылова // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под. ред. М.Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 612–616.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО СВЯЩЕННИКА

А. А. Хамраева

alenska.lera@mail.ru

Кубанский государственный университет

(Краснодар)

В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к исследованиям религиозной коммуникации в различных аспектах. Изучается религиозный дискурс, его конститутивные признаки, функции, жанры, концепты (Л.П. Крысин, Е.А. Кожемякин), прецедентные феномены. Кроме того, проводятся исследования собственно языковых объектов религиозного дискурса: лексики (Горюшина Р.И.), грамматики и синтаксиса (Кислова Е.И.), стилистики (Л.П. Крысин, А.О. Крылова). Одним из перспективных направлений изучения религиозной коммуникации может стать исследование языковой личности современного православного священника.

Лингвистические особенности религиозного дискурса связаны с одной стороны, с использованием церковно-славянского языка, на котором написаны различные канонические богослужебные тексты, молитвы и песнопения, а с другой стороны – с использованием современного русского языка в выступлениях священнослужителей перед массовой аудиторией по радио, на телевидении, в интернете, и т.д.

В любом институциональном дискурсе большое значение для организации контекста имеют прецедентные тексты. «Они задают содержание, характер, прагматические особенности использования других текстов, организуют коммуникативное время и пространство, определяют предмет размышлений и рассуждений, устанавливают стратегии аргументации и моделируют поведение участников общения» [1, с. 32]. В этом аспекте отличительной особенностью религиозного дискурса является узкий круг прецедентных текстов, к которым относятся книги Ветхого и Нового Завета, жития и поучения святых.

Однако кроме традиционного набора священных текстов в качестве источников интертекстуальности, в проповеди и беседах священника встречаются отсылки к художественным текстам. Цитирование сакральных текстов обязательно, в то время как использование художественного текста в качестве аргумента, тезиса и т.д. обусловлено особенностями языковой личности конкретного священника.

Языковая личность священника на когнитивном уровне характеризуется не только специальными знаниями, но и определяется другими экстралингвистическими факторами: принадлежностью к русской национальной культуре, наличием или отсутствием дополнительного светского образования, личным читательским и житейским опытом. Именно эти факторы, на наш взгляд, объясняют широкую апелляцию к художественным текстам в проповедях протоиерея Андрея Ткачева.

Проповедь – речь религиозно-поучительного характера, произносимая священнослужителем в храме во время богослужения, и имеющая основной своей задачей поведать и разъяснить слушающим учение Иисуса Христа [2]. В настоящее время православная проповедь не локализуется в стенах храма, а распространяется в широком коммуникативном пространстве и приобретает новые формы речевой реализации. Это происходит отчасти благодаря средствам массовой информации. Тем не менее, коммуникативная цель православной проповеди обязывает автора обращаться к первоисточнику, создавая условия текстового диалога. Проповедь отражает не только догматическую суть, но и нравственные общечеловеческие законы. В связи с этим уместным выглядит цитирование в проповеди известных как прозаических, так и поэтических художественных текстов.

Приведем примеры цитирования художественных текстов с различными коммуникативными задачами.

Так, проповедь Андрея Ткачева «О пономарях» из передачи «На сон грядущим» начинается так: **«Читай не так, как пономарь, а с чувством, с толком с расстановкой!** – возьмем тему от грибоедовского «Горе от ума» и поговорим о пономарях, которые читают без чувства, без толка, без расстановки» (<https://www.youtube.com>). Формулируя тему, автор цитирует строчку из комедии «Горе от ума». В языковом сознании адресата приведенный афоризм является синонимом непонятого чтения, невнятной речи. Пономарь – помощник священника на богослужении, чтец. Традиционно церковное чтение монотонно и зачастую непонятно. Как видим, эта крылатая фраза выступает в качестве отрицательного примера. В этих строчках и далее ясно, что такая характеристика чтения пономаря не является приемлемой: *«Мы должны остановить внимание на качестве церковного чтения. Уж не раз было сказано, что церковь предлагает нам роскошнейшую трапезу для ума, души и сердца. <...> И здесь нужно, чтобы, читал*

человек действительно не так, как пономарь, но с толком, чувством, с расстановкой».

Одна из бесед священника на радио «Радонеж» называется «*Как наше слово отзовется? Иван Крылов «Сочинитель и разбойник»*» (24.10.2014) [4, с. 404 – 412]. Проповедь опирается на указанную в заголовке басню И.А. Крылова «Сочинитель и разбойник». Текст басни приводится полностью в начале беседы, и в продолжение своей речи отец Андрей неоднократно обращается к фрагментам басни. В такой проповеди сочетаются элементы анализа текста и традиционные композиционные элементы, характерные для проповеди.

При помощи цитирования художественных текстов автор привносит эмоциональную окраску характеристикам описываемых понятий и предметов. «*Голова – муж, а сердце – жена. Муж с женой поссорились – все, до свидания, семья разрушилась. Как писал Маршак: Пусть добрым будет ум у вас, / А сердце умным будет*» [4, с. 442] – о единстве в семье. «*На груди у каждого из нас крест. Как когда-то писала Ахматова: «Кого когда-то называли Богом, / Кто был убит и чье орудье казни / Согрето теплотой моей груди»*» [4, с. 56] – о нательном крестике. «*Зачем тогда жить, если вот такая она (жизнь) есть? И сыт, и здоров, как пел Виктор Цой: “И вроде сыт и здоров, и вроде жить – не тужить, так откуда взялась печаль?”*» [5, с. 74] – о жизни человека.

В своей речи автор активно употребляет идиомы для придания своей речи выразительности. «*Из недр церковного бытия выходят, как тридцать три богатыря, святые и праведные люди, которые отстаивают веру...*». [5, с. 359]. «*Тогда было повеление Святейшего Синода, чтобы храмы Божии почтили молитвенной памятью и добрым словом “Солнце русской поэзии” (о Пушкине)*». [4, с. 406]. «*Береженого Бог бережет. Это не значит, что надо лезть напропалую, очертя голову, перекрестившись, куда попало, нет. Ты берегись и береженого Бог сбережет*». [5, с. 101]. «*На Бога надейся и сам не плошай. То есть ты делай, а Господь поможет*». [5, с. 101].

Указанные цитаты активизируют в сознании адресата определенные «затекстовые пласты (поэтические, языковые, общекультурные)» [2, с. 68], а также служат способом «апелляции к интертекстуальному полю, порождая историко-культурные и литературные ассоциации» [6, с. 5] (Лотман).

Таким образом, апеллируя к авторитетному источнику, в данном случае к художественному тексту, автор достигает своей аксиологической коммуникативной цели – разъясняет верующим учение Иисуса Христа при помощи доступных ему языковых средств в пределах границ собственного вертикального контекста. Мы можем констатировать, что языковая личность современного православного проповедника во многом сформирована не только принадлежностью к определенному этнокультурному сообществу, но и кругом чтения. О чем свидетельствует широкое цитирование классической художественной литературы, система аллюзий и реминисценций в тексте православной проповеди отца Андрея Ткачева.

Литература

1. Кожемякин Е.Н. Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право №2 (97), 2011. Т. 15.– С. 32–47.
2. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. М., 1997. – 352 с.
3. Православный энциклопедический словарь, М., 1998. // URL: <http://enc-dic.com/orthodox/Propoved-460.html>
4. Ткачев А. (протоиерей) Путь к жизни. Для всех, кому даровано родиться человеком. М., 2015. – 192 с.
5. Ткачев А. (протоиерей) Ступени к Небу. Как научиться любить людей. М., 2015. – 512 с.
6. Ямпольский М. Беспмятство как исток. – М., Новое литературное обозрение, 1998. – 384 с.

ЛЕКСИКА, ФРАЗЕОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ, ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ КУБАНСКИХ ГОВОРОВ: СТРУКТУРА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

О. Г. Борисова

ogborisova@mail.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Краснодар)

В лексикологии уже стало давней традицией изучать лексико-фразеологическую систему языка, объединяя лексические единицы в тематические и лексико-семантические группы. В своей уже ставшей классической работе «Семасиологические исследования в области древних языков» (1896 г.) М.М. Покровский обратил внимание, что лексическая система языка включает в себя различные группы или «поля слов»: внутриязыковые объединения («по сферам представлений») и внеязыковые («по предметным областям»).

В области диалектологии развитие теории семасиологии стимулировало научные изыскания, объектом рассмотрения которых стало изучение полевой организации лексико-фразеологического состава говоров. Это описания предметно-бытовой, производственно-промысловой, непредметной, обрядовой лексики, лексики природы и т.д. (см. работы О.И. Блиновой, В.Е. Гольдина, К.И. Демидовой, Л.Г. Гынгазовой, О.Е. Кармаковой, М.С. Крапивиной, О.Н. Мораховской, Е.А. Нефёдовой, В.П. Палагиной и др.). Необходимо подчеркнуть, что проблема семантической организации лексической системы языка является одной из наиболее сложных в лингвистике.

Изучение идеографической организации семантического пространства кубанских говоров необходимо для более глубокого понимания его внутреннего устройства. На материале кубанского диалекта лексикографическую презентацию получили следующие тематические объединения: лексика земледелия, скотоводства и обозного хозяйства [8], терминология пчеловодства [2], ТГ «Одежда» [1], рыболовецкая лексика [9], лексика и фразеология свадебного обряда [6; 7]. В кандидатской диссертации Л.Ю. Костиной представлен опыт объединения

достаточно разнородных ЛЕ в два лексико-тематических комплекса (ЛТК): «Станичное подворье» и «Основные виды трудовой деятельности» (сельское хозяйство, животноводство, рыболовство) [3, с. 94–128]. Под ЛТК в работе понимается совокупность ТГ и ЛСГ, связанных понятийно-логическими отношениями. Приведённые исследования демонстрируют различную степень проработанности языкового материала. Между тем все они подтверждают, что лексико-фразеологическая система кубанских говоров – это исторически сложившаяся целостность, основанная на множестве иерархически организованных номинаций и динамически развивающаяся.

В предлагаемой статье представлен фрагмент идеографического словаря кубанских говоров, в который включены лексические и фразеологические единицы, функционирующие в кубанских говорах с украинской и южнорусской языковой основой, на что указывает место фиксации. Подчеркнём, что названный принцип формирования словаря является для нас наиболее приемлемым, поскольку описание лексико-фразеологического пространства говоров, обладающих структурной и генетической близостью, какими являются говоры Кубани, должно быть направлено на выявление как общей, так и вариативной части представлений о мире, характерных для жителей изучаемой территории. Такой подход основывается на концепции диалектного языка, «представляющей диалекты как макросистему с общими и различительными признаками, что даёт теоретическое основание для исходного положения не о единстве или различии картин мира отдельных диалектов, а о вариативности общей диалектной картины мира как одной из составляющих картины мира, отражаемой РНЯ» [ср. 5, с. 86]. Принципиальным является также объединение в одном микрополе слов и фразеологизмов. Это позволяет запечатлеть те участки действительности, которые, имея «лексическое покрытие», покрываются или не покрываются фразеологией. «Двойное покрытие» – признак особой значимости этих участков в жизнедеятельности одного человека или целого социума [10, с. 61].

В силу антропоцентрического мировидения человека закономерным является тот факт, что центральным макрополем в схеме идеографической организации лексико-фразеологического пространства говоров Кубани выступает макрополе «Человек». Это подтверждает общепринятое в лингвистике положение об антропоцентрическом

устройстве лексикона диалектосителей. Актуальность СП «Человек» присуща всем формам разговорной речи, поскольку в нём находят отражение разнообразные характеристики человека.

Идеографическая группировка слов и фразеологизмов может проводиться с помощью двух взаимодополняющих операций: 1) дедуктивного разбиения понятийного континуума, покрываемого лексикой; 2) индуктивного «восхождения» от отдельных слов к выделенным дедуктивным путём понятийным рубрикам [4, с. 116]. Работая с диалектным материалом, составитель словаря анализирует диалектные единицы и аргументирует их группировки, которые осуществляются по опорным семам.

Приведем фрагмент идеографического словаря кубанских говоров, в частности микрополя «Рождение человека», входящего в макрополе «Человек».

Беременная женщина – *бе[э]ре'[э]мчата(я)* Гривен.; *ваги'тна(я)* Марьян.; *ва'жка (я)* Старотит.; *поро'сна(я)* Бриньк.; *в(у) тя'гостях* Перед.; *в(у) тя'готах* Некрас.; *в(у) тяжёлом* Пашк.; *в(у) тяжёлости* Мингрел.; *важка'(я) жи'нка* Старомыш.; быть беременной – *зайти' в(у) положе'ние* Арх.; *тако'ю ходы'ть* Новокорс.

Роженица – *породу'ха* Бойко-Пон.; *роди'лка* Старомыш.; первородящая женщина – *пе'рведка* Бесстраш., Твер.; недавно родившая женщина – *сыра'(я) жи'нка* Старотит.; кормящая женщина – *подсо'сая* Бесстраш.

Недавно родившийся ребёнок – *вы'водок* Незайман.; *вы'лупень (ирон. и шутл.)* Анан.; *вы'лупок* Дядьк.; *сыро'й* Успен.

Рожать / родить – *води'(ы')ть (при(ы)вести')* Ей-Укр., Ерик, Кубан., Линейн., Платнир., Твер., Удоб.; *(в)пойма'ть* Дядьк.; *вы'лупи(ы)ть* Дядьк., Новоукр.; *найти'(ы')* Андрюк., Ахтаниз., Бол. Бейс., Бород., Брат., Воздвиж., Вознес., Гейм., Ей-Укр., Желез., Марьян., Некрас., Новопавл., Новопокров., Убин. / *найти'ть* Арх.; *распроста'ться* Старомыш.; *в(у) ри'чки (в)пойма'ть* Дядьк.; *на коля'ске струси'ть* Перед. Родиться – *найти'(ы')сь* Андрюк., Арх., Бол. Бейс., Бород., Брат., Воздвиж., Вознес., Гривен., Желез., Канев., Марьян., Некрас., Новопокров., Старомыш., Тенг., Убин., Чамлык.

Принимать / принять роды – *ба'бчить* Желез., Некрас., Родник., Твер., Тенг. / *бабува'ть* Линейн., Новопавл., Твер.; *(в)пойма'ть* Ахмет.; *пра'выть живо'т* Новопавл. Женщина, принимающая роды, –

ба'бка Арх., Ахтаниз., Воронеж., Вышестебл., Гейм., Дах., Дин., Желез., Некрас., Новолаб., Новоласт., Сев., Слав. н/Куб., Старокорс., Старомыш., Старощерб., Успен., Усть-Лаб.; *пупори'зка* Дядьк.; *пупори'зна(я) ба'бка* Дядьк., Старомыш.

Представление в идеографическом словаре микрополей макрополя «Человек» делает возможным выявить состав лексико-фразеологической системы кубанских говоров, определить количественное соотношение конститuentов микрополей, зафиксировать, какие понятия имеют диалектное наименование, а какие – литературное, установить наличие / отсутствие стилистической маркированности лексических и фразеологических единиц, а также их вхождение / невхождение в общекубанский лексико-фразеологический пласт.

Литература

1. Борисова О.Г., Стороженко О.В. Опыт лексикографического описания говоров Кубани (на примере тематической группы «Одежда»). Краснодар, 2004. Деп. в ИНИОН РАН. № 58477. – 104 с.
2. Иванова Т.Г. Лексика пчеловодства в русских говорах Кубани: дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. – 215 с.
3. Костина Л.Ю. Диалектная лексика говора станицы Архангельской Краснодарского края: структурно-лингвистический и лингвогеографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008. – 392 с.
4. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1977. – 168 с.
5. Нефедова Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008. – 464 с.
6. Трегубова Е.Н. Материалы этнолингвистического словаря: Свадебный обряд Кубани. Учебная версия. Славянск-на-Кубани, 2007. – 214 с.
7. Финько О.С. Лексика свадебного обряда Кубани (на материале обрядовой практики станицы Черноерковской Краснодарского края): дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. – 248 с.
8. Шабалин М.Н. Русские говоры на юго-востоке Кубани (к вопросу о взаимодействии близкородственных языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 1952. – 474 с.
9. Шестак О.В. Словарь рыболовецкой лексики (на материале кубанских говоров). Краснодар, 2004. Деп. в ИНИОН РАН. № 58752. – 62 с.
10. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент, 1988. – 91 с.

Условные сокращения

Анан. – хут. Ананьевский Северского р-на; Андрюк. – хут. Андрюки Мостовского р-на; Арх. – ст-ца Архангельская Тихорецкого р-на; Ахмет. – ст-ца Ахметовская Лабинского р-на; Ахтаниз. – ст-ца Ахтанизовская Темрюкского р-на; Бесстраш. – ст-ца Бесстрашная Отрадненского р-на; Бород. – ст-ца Бородинская Приморско-Ахтарского р-на; Брат. – хут. Братский Усть-Лабинского р-на; Бриньк. – ст-ца Бриньковская Приморско-Ахтарского р-на; Бойко-Пон. – хут. Бойко-Понура Калининского р-на; Бол. Бейс. – с. Большой Бейсуг Брюховецкого р-на; Воздвиж. – ст-ца Воздвиженская Курганинского р-на; Вознес. – ст-ца Вознесенская

Лабинского р-на; Воронеж. – ст-ца Воронежская Усть-Лабинского р-на; Вышестебл. – ст-ца Вышестеблиевская Темрюкского р-на; Гейм. – ст-ца Геймановская Тбилисского р-на; Гривен. – ст-ца Гривенская Калининского р-на; Дах. – ст-ца Даховская Майкопского р-на; Дин. – ст-ца Динская Динского р-на; Дядьк. – ст-ца Дядьковская Кореновского р-на; Ей-Укр. – с. Ейское Укрепление Щербиновского р-на; Ерик – хут. Ерик Апшеронского р-на; Желез. – хут. Железный Усть-Лабинского р-на; Канев. – ст-ца Каневская Каневского р-на; Кубан. – ст-ца Кубанская Апшеронского р-на; Линейн. – ст-ца Линейная Апшеронского р-на; Марьян. – ст-ца Марьянская Красноармейского р-на; Мингрел. – ст-ца Мингрельская Абинского р-на; Незайм. – хут. Незаймановский Тимашевского р-на; Некрас. – ст-ца Некрасовская Усть-Лабинского р-на; Новокорс. – ст-ца Новокорсунская Тимашевского р-на; Новолаб. – ст-ца Новолабинская Усть-Лабинского р-на; Новопавл. – с. Новопавловка Белоглинского р-на; Новопласт. – ст-ца Новопластуновская Павловского р-на; Новопокр. – ст-ца Новопокровская Новопокровского р-на; Новопокров. – хут. Новопокровский Приморско-Ахтарского р-на; Новоукр. – с. Новоукраинское Гулькевичского р-на; Пашк. – пос. Пашковский, район г. Краснодара; Перед. – ст-ца Передовая Отрадненского р-на; Платнир. – ст-ца Платнировская Кореновского р-на; Родник. – ст-ца Родниковская Курганинского р-на; Сев. – ст-ца Северская Северского р-на; Слав. н/Куб. – г. Славянск-на-Кубани; Старокорс. – ст-ца Старокорсунская, район г. Краснодара; Старомыш. – ст-ца Старомышастовская Динского р-на; Старотит. – ст-ца Старотитаровская Темрюкского р-на; Старощерб. – ст-ца Старощербиновская Щербиновского р-на; Твер. – ст-ца Тверская Апшеронского р-на; Тенг. – ст-ца Тенгинская Усть-Лабинского р-на; Убин. – ст-ца Убинская Северского р-на; Удоб. – ст-ца Удобная Отрадненского р-на; Успен. – ст-ца Успенская Белоглинского р-на; Усть-Лаб. – г. Усть-Лабинск; Чамлык. – ст-ца Чамлыкская Лабинского р-на.

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ

О.И.Глазунова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

В состав языка входят средства разных уровней, которые предназначены для выражения как объективных, так и субъективных значений. Успокаивающим воздействием обладают слова с обилием гласных *а, о*. Не только гласные, но и согласные звуки неоднородны по своему психологическому воздействию. Сонорные согласные *м, л, н* воспринимаются более спокойно, чем фрикативные, африкативные и заднеязычные; мягкие согласные, в отличие от твёрдых, в значительно большей степени оказывают позитивное влияние на психику. Если же в слове присутствует скопление твёрдых согласных, это вызывает трудности в произношении. Неудобства, возникающие на физическом уровне, неизбежно отражаются на уровне подсознания.

Слова *любовь, мама, родина* во многих языках имеют благотворную фонетическую конфигурацию и именно так оцениваются слушающими. А вот *предательство, бездарь, мерзавец* включают сочетания фонем, которые носителями языка воспринимаются как негативно окрашенные. При образовании этих слов свободный поток воздуха постоянно «натывается» на преграды, потому что входящие в их состав согласные звуки формируются с помощью разных органов ротовой полости и разных частей языка. Постоянная смена алгоритма произнесения соседних звуков при отсутствии между ними гласной связки, способной снять напряжение, создают проблемы не только при их воспроизведении, но и в процессе восприятия, которое подразумевает внутреннее их проговаривание.

Речь относится к явлениям, которые обладают завораживающей гипнотической силой. «Когда вы говорите, звук выходит из вашего рта подобно воде, свободно изливающейся из бассейна. И он наполняет вас, разливаясь по всему телу. Неосознанно, но тем не менее ощутимо, слоги, как волны, разбиваются, нахлынув на вас. Всё ваше тело реагирует на эти изменения через восприимчивость кожи, которая

становится подобна клавиатуре, восприимчивой к акустическому прикосновению»⁴.

Приведённое выше высказывание принадлежит французскому врачу-отоларингологу Альфреду Томатису. Определяя музыку как «универсальный язык», он исследовал функции слуха и голоса и пришёл к выводу о несомненном терапевтическом значении музыкальных звуков для пациентов, страдающих расстройством нервной системы, пониженным физическим тонусом и проблемами с координацией восприятия сенсорной информации.

Звуковой строй языка играет чрезвычайно важную роль в оформлении речи, но характер звучания не исчерпывает все возможности языка по отражению субъективного взгляда человека на мир. Выбор нужного слова из имеющихся в языке лексических синонимов является частью процесса говорения и определяется стилистическими аспектами построения фразы. В зависимости от того, употребите ли вы в контексте слово *любовь* или *шурь-муры*, *предательство* или *коллорационизм*, *лояльный* или *равнодушный*, *безмятежный* или *бесчувственный*, *очарование* или *демонизм*, *родина* или *отчизна*, ваша фраза будет восприниматься по-разному.

Язык — вещь достаточно совершенная, и в нём нет абсолютных синонимов. Дополнительные компоненты оценочного, лексико-семантического, стилистического, грамматического и даже общественно-социального характера, которые включены в семантическое значение лексемы, с одной стороны, значительно осложняют процесс её употребления в речи, а с другой — расширяют потенциальные возможности человека. Именно эти дополнительные свойства лексем позволяют расставлять приоритеты, акцентировать наиболее важную информацию, направляя беседу в нужное русло. Иногда, например, намеренно сделанная «ошибка» способна выразить гораздо больше, чем традиционный нейтральный вариант словоупотребления.

Нейтральная лексика служит основой для создания первичного информационного сообщения, но каждый носитель языка может

⁴ “When you speak, sound pours from your mouth like water overflowing from a basin. It inundates and spreads over your whole body. Without your conscious awareness, but nonetheless assuredly, syllable waves break and wash over you. Your entire body surface marks their progress through the skin’s sensitivity, as if controlled by a keyboard that is receptive to acoustic touch” [2, с. XIII]. Пер. с англ. мой. — О. Г.

использовать в своей речи стилистически-окрашенные средства языкового выражения, например слова, в состав которых входят уменьшительные аффиксы: **-ик** (*домик*), **-ышк** (*брёвнышко*), **-ошк** (*окошко*), **-урк** (*дочурка*) и др. Диминутивы дают возможность не только оценить объект с точки зрения его размера, но и передать особое к нему отношение: использование уменьшительно-ласкательных (*кошечка, плюшко*) или уменьшительно-пренебрежительных форм (*народишко, людишки, голосишко*) всегда эмоционально-окрашено. Во многих языках существуют уменьшительные формы имени: *Митя* (от Димы), *Саша* (от Александра), *Алёнушка* (от Елена), среди которых встречаются варианты, обладающие грубовато-фамильярным оценочным значением: *Ивашка, Ленка, Димон, Костян* и др.

В русском языке уменьшительно-ласкательные формы встречаются и среди прилагательных и образованных от них наречий: *миленький, хорошенький, чистенький, гладенький, малюсенький* и т. д. Диминутивным прилагательным и наречиям может предшествовать префикс **пре-**: *премиленький, прехорошенький, малюсенький-премалюсенький*, который передаёт значение превосходства (*прекрасный, прескверный*), обозначая высшую степень проявления признака. Сочетание в лексеме уменьшительно-ласкательного суффикса и префикса со значением суперлатива наделяет прилагательные *премиленький, прехорошенький* особенностями, характерными для оксюморонов, которые в языке в силу заложенной в них парадоксальности обладают дополнительными функциональными возможностями.

Особую группу образуют заимствованные слова, которые вошли в язык относительно недавно. *Эстрадное искусство*, традиционно воспринимаемое как искусство малых форм, в 90-х годах превратилось в *шоу-бизнес*. Существительное *толерантность* всё чаще заменяет в речи традиционную *терпимость*, а *пиар-кампании* вытеснили из русского языка привычное словосочетание *работа с общественностью*. Безусловно, необдуманное использование заимствованных слов часто приводит к стилистическим ошибкам. С другой стороны, внедрение в лексический состав языка нового слова, дублирующего традиционную лексему, обуславливает разграничение в сходных между собой, но не совпадающих значениях. Например, семантическое значение заимствованного существительного *толерантность* и традиционного *терпимость* в русском языке одно и то же. Однако в последнее время, в

силу происходящих в стране общественно-политических процессов, *толерантность* всё чаще начинает приобретать негативную окраску.

Слово *толерантность* произошло от английского существительного *tolerance* в значении ‘устойчивость’, ‘переносимость’, которое, в свою очередь, происходит от латинского *tolerantia*, обозначающего терпение, терпеливость, выносливость. Аналогичные значения в древнегреческом имеет и слово *phoretos*, образованное от глагола *phoreo* — ‘нести’. Таким образом, между значениями существительного *толерантность* и глагола *нести* (*выносить*) прослеживается устойчивая связь, которая в современной западной интерпретации не имеет предела в силу того, что не может зависеть от ситуаций и обстоятельств, оказывающих влияние на субъекта. Другое дело в русском языке.

Фразеологические сочетания *терпение лопнуло*, *передел терпения*, *не испытывай моего терпения* указывают на существование некой границы, переход за которую будет сопровождаться нежелательными последствиями. Отсюда происходят разногласия, которые ведут к разному восприятию синонимичных по сути лексем.

Кроме разницы в социально-общественном оценочном значении у синонимичных слов чрезвычайно важными являются и некоторые грамматические показатели. Существительное *родина*, например, традиционно соотносится с тёплым женским началом, а слова *отчизна*, *отечество* употребляются в речи в более мужском, т. е. мужественном, значении. Например, в поэтическом творчестве *отчизна* выступает как нечто вдохновляющее, как предмет гордости, в то время как *родина* чаще всего ассоциируется с родным домом и детскими воспоминаниями.

В языках, в которых присутствует родовое деление слов, принадлежность к роду приобретает особое значение. В этом отношении показателен пример с переводом на русский язык стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam». В немецком языке слово *fichtenbaum* (ель) относится к мужскому роду, а *palme* (пальма), о которой ель мечтает, — к женскому. Оформленная на уровне грамматики разница между лексемами определяет тематику стихотворения, указывая на возможное и столь желаемое, но нереализованное в силу определённых причин чувство.

Для того чтобы приблизить оригинал Гейне к переводам на русский язык, Тютчев, Майков, Гиппиус в качестве центрального образа

использовали образ одинокого кедра, а Афанасий Фет — дуба: *На севере дуб одинокий / Стоит на пригорке крутом*. Однако в наиболее известном русскому читателю переводе Лермонтова в качестве центрального образа выступает *сосна*: *На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна*. *Сосна* и *пальма* в русском языке относятся к женскому роду, что несколько меняет смысл стихотворения Гейне. Отход от романтического ракурса восприятия ситуации способствует выдвиганию на первый план разговора об общечеловеческих ценностях.

В переводе Лермонтова стихотворение повествует о несбыточных мечтах, о пределе возможностей, который не позволяют человеку обрести в реальности то, что хочется. Таким образом, очевидно, что в осознанной и осознаваемой речи даже грамматический показатель может иметь семантическое значение, однако проявляется эта разница на уровне художественной литературы.

В английском языке, например, слова *ignorance* и *unintelligence* часто употребляются как синонимы. Но в романе «Нортенгерское аббатство» Джейн Остин тщательно их разграничивает. В романе приводится рассуждение о том, что женщине не следует стыдиться своего невежества. Наоборот, ей следует использовать его в качестве преимущества, так как с его помощью можно расположить к себе других: проявив невежество, она может обратиться к окружающим с просьбой помочь ей.

«Обладать хорошей осведомленностью — значит ущемлять тщеславие окружающих, — пишет Остин, — чего разумный человек всегда должен избегать, в особенности женщина, имеющая несчастье быть сколько-нибудь образованной и вынужденная поелику возможно скрывать этот недостаток» (пер. С. Я. Маршака). Таким образом, невежество (*ignorance*) может быть не только естественным, но и намеренным, социально обусловленным, выступая в качестве тщательно спланированной неосведомлённости (*unintelligence*); и молодой девушке, которая вступает в общество, по мнению Остин, следует помнить об этом различии.

Разница между формой и содержанием проявляется и на уровне синтаксиса. Выбор отправителем речи синтаксической конструкции обусловлен не только семантикой описываемой ситуации, но и его отношением к происходящему. Базовая синтаксическая структура только в общих чертах способна выразить смысл ситуации, в то время

как различные варианты синтаксических моделей предложения — односоставные конструкции, действительный или страдательный залог, причастные и деепричастные обороты, наличие вводных слов — позволяют говорящему интерпретировать сообщение, обозначив свою позицию через последовательное обращение к тем или иным деталям.

При трансформации, например, предложения с действительным залогом (*Ученики быстро выполнили задание*) в соответствующую ему страдательную конструкцию (*Задание было быстро выполнено учениками*) акцент с субъекта действия (ученики) перемещается на объект (задание), что позволяет говорящему строить свою речь, раскрывая именно эту тему в структуре высказывания. Кроме того, страдательные конструкции предоставляют говорящему другие дополнительные возможности. Производитель действия в них часто опускается, в силу того что его присутствие в описываемой ситуации не имеет значение, а глагол, который изначально предназначен для выражения действия, переходит в свою противоположность — краткое страдательное причастие или глагол несовершенного вида настоящего времени с постфиксом **-ся**, указывающие на пассивное, страдательное, положение соотносящегося с ними объекта-подлежащего (в нашем примере это *задание*), на его пребывание под чьим-то воздействием.

Э. Сепир, рассматривая синонимичные синтаксические структуры «смех приятен» (*laughter is pleasurable*), «смеяться приятно» (*it is pleasant to laugh*), «смеются с удовольствием» (*one laughs with pleasure*), заметил: «Все подобные выражения, передавая одно и то же содержание, воплощают в себе совершенно разные ощущения формы. Все языки способны выполнять всю ту символическую и смысловую функцию, для которой предназначен язык вообще, — либо в реальном, либо в потенциальном плане. Формальная техника выполнения этой функции есть сокровенная тайна каждого языка. Очень важно получить некоторое представление о природе этого ощущения формы, скрытого во всех языках, сколь бы удивительным ни было разнообразие его реальных манифестаций в разных типах речи» [1, с. 253].

На самом деле, форма имеет значение только в том случае, если она взаимодействует с содержанием, и обилие синтаксических конструкций, которые в структуре языке могут быть соотнесены с одной и той же ситуацией, — это лишь показатель возможных способов её описания, арсенал средств, которые необходимы отправителю речи

для выражения не только объективного положения дел в действительности, но и своего, субъективного, к нему отношения.

Таким образом, взаимодействуя друг с другом, разноуровневые средства языка способны отобразить сложный конгломерат значений, позволяя говорящему выразить не только пропозиционное ядро сообщения – «объективное содержание» мысли, но и индивидуальные варианты его осмысления, которые дают возможность оценить физическое и эмоциональное состояние отправителя речи, его социальный статус, политические предпочтения и уровень интеллектуального развития.

Литература

1. Сепир Э. Грамматист и его язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. Общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Универс». 1993. – С. 248–258.
2. Tomatis A. A. The Ear and Language. Norval, Ontario: Moulin Publishing, 1996. P. xiii. – 208 pp.

ФОРМАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В. И. Теркулов

terkulov@rambler.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Предлагаемая статья посвящена описанию базовых положений формально-ономасиологического подхода к определению способов словообразования.

Традиционно способы словообразования определяются по формальным характеристикам словообразовательной пары. Например, Е. А. Земская отмечает, что «в диахроническом словообразовании это понятие служит для ответа на вопрос, с помощью **какого средства (или каких средств)** (выделено нами – В. Т.) образовано производное слово; в синхронном словообразовании оно используется для ответа на вопрос, с помощью **какого средства (или каких средств)** (выделено нами – В. Т.) выражается деривационное (словообразовательное) значение производного слова» [1, с. 176].

Есть несколько моментов, которые вызывают у нас некоторые сомнения.

Во-первых, построенная на основе данного определения типология способов словообразования, включающая морфологический, лексико-семантический, морфолого-синтаксический и лексико-синтаксический способы, строится на основе понятия «средство словообразования», которое в ней чётко не определено и поэтому довольно размыто: в первом случае в качестве средства выступает субстанция – материально выраженный аффикс, во втором и четвёртом – процесс – изменение значения слова или компрессия словосочетания, в третьем – результат – переход слова из одной части речи в другую. В этой ситуации вполне возможно одновременное отнесение одного и того же деривата к разным словообразовательным способам. Например, появление у слова *человек* «*homo sapiens*» во фразе *Тут к тебе человек пришёл* значения «некто» с точки зрения процесса должно быть отнесено к лексико-семантическому способу словообразования (перенос наименования), а с точки зрения результата – к морфолого-синтаксическому (переход: существительное – местоимение).

Во-вторых, данная типология не учитывает того, что одно и то же средство может быть связано с разными деривационными процессами. Например, слова *записка*, *чистка*, *аферистка*, *кредитка* по средству словообразования (суффикс -к-) относят к морфологическому суффиксальному способу словообразования. Однако ономаσιологические и мотивационные основания словообразования у них принципиально различаются: *записка* находится в мутационных отношениях с *записать* и обозначает объект, возникший в результате процесса, обозначенного этим глаголом, *чистка* находится в транспозиционных отношениях с *чистить* и имеет с ним тождественное значение, отличаясь только тем, что интерпретирует номинируемый процесс как акт некоторой ситуации, *аферистка* выступает в качестве полового модификатора значения слова *аферист*, а *кредитка* является универбатом словосочетания *кредитная карточка*. В связи с этим возникает идея выделения формально-ономаσιологических типов словообразования, учитывающих мотивационный (словообразовательный) тип семантических отношений между производящей и производной единицей, механизм словообразования, средство словообразования.

Под **мотивационным (словообразовательным) типом семантических отношений** между производящей и производной единицей понимается общая модель формирования семантики производного слова на базе семантики производящей единицы. Напомним, что выделяются следующие мотивационные типы: мутационный, модификационный, транспозиционный и эквивалентностный.

1. **Мутационный** тип мотивации отражает «процесс и результат формирования нового лексического значения» [4, с. 17] у производного, когда значение производящего слова входит в структуру значения производного как ономаσιологический признак. В основе мутационных отношений лежит формирование на основе известного нового, имеющего признак известного. Например, производное *спальня* имеет словообразовательное значение «[место], где **спят**», в состав которого как признаковый компонент входит значение производящего *спать*. Между производящим и производным устанавливаются эквивалентные отношения.

2. **Модификационный** тип мотивации предполагает «частичное изменение или уточнение значения исходного слова» [3, с. 147] в семантике производящего: оба элемента словообразовательной пары

связаны с одним и тем же референтом, но производное выступает в качестве видového наименования по отношению к производящему, вступая с ним как маркированный член в привативную оппозицию. Например, значение слово *учительница* отличается от значения слова *учитель* только наличием половой семы. При этом *учитель* как родовое наименование выступает в качестве немаркированного компонента оппозиции с *учительницей*.

3. **Транспозиционный** тип мотивации, связанный с образованием лексем, семантика которых «тождественна значению мотивирующего слова, за исключением частеречного компонента» [2, с. 143]. При этом различие между производящим и производным связано только с различием синтаксических ролей. Например, слово *читать* выполняет в предложении функцию предиката, а слово *чтение* – актанта. В словообразовательной паре в этом случае реализуются эквивалентные отношения.

4. **Эквивалентный** тип мотивации, при котором «лексическое значение производного эквивалентно значению производящего» [5, с. 307], что отмечается, например, при образовании универбатов: слово *зачётка* семантически абсолютно тождественно словосочетанию *зачётная книжка*. Отношение между производным и производящим в данном случае трактуются нами как эквивалентные.

Под **средством словообразования** мы понимаем словообразовательные форманты, среди которых выделяются:

а. **Словообразовательные аффиксы и аффиксоиды**, то есть служебные морфемы с обобщённым значением, присоединяемые к производящему слову целиком или к его основе, например префикс *пере* при образовании от слова *писать* слова *переписать*.

б. **Грамматические парадигмы**, то есть набор флексий, который используется, например, при условно безаффиксной транспозиции: *ходить* – *ход*, где для формирования синтаксической роли производного слова используется парадигма существительного.

с. **Универбализационные конструкты**, то есть эквиваленты каких-либо слов, выступающие как средство их **замещения** или **сокращения** в слове, образованном от словосочетания. Нами различаются:

і. аббревиатурные конструкты (абброконструкты), то есть конструкты, равные части основы эквивалентного слова, например абброконструкт *бур-*, используемый для замещения слов *буровой*,

бурильный, бурение и под. при образовании сложносокращённых слов на базе словосочетаний, включающих данные лексемы: *бурголовка* (< *буровая головка*), *бурраствор* (< *раствор для бурения*) и т. д.;

ii. композитные конструкты, то есть конструкты, равные основе эквивалентного слова, например композитный конструкт *перво-*, используемый для замещения слова *первый* при образовании сложных слов: *первозвери* (< *первые звери*), *первоисточник* (< *первый источник*) и под.;

iii. гибридные конструкты, которые в разных ситуациях могут быть равными как части основы, так и основе эквивалентного слова, например конструкт *газо-*, являющийся эквивалентом основы слова *газ* при образовании слова *газодобыча* (< *добыча газа*) и равный части основы слова *газовый* при образовании слова *газоамортизатор* (< *газовый амортизатор*);

iv. инициальные конструкты, то есть первые буквы или звуки эквивалентных словосочетаний, например, первые буквы слов, входящих в словосочетания *выключатель генератора, вторичная группа, выхлопные газы* и т. д., которые формируют алфавитизм *ВГ*.

Под **механизмом словообразования** понимается то, каким образом осуществляется образование нового слова. Мы различаем следующие базовые словообразовательные механизмы:

1. **Деривация**, то есть образование новой лексемы путём формирования в ней нового значения, не совпадающего со значением производящей единицы. Выделяются:

а. Аффиксальная деривация, при которой новая единица формируется при помощи словообразовательных или выполняющих словообразовательную функцию аффиксов, например транспозиционная аффиксация, отмечаемая при образовании слова *любовь* от слова *любить*.

б. Семантическая деривация, при которой новое слово формируется путём различного рода семантических трансформаций значения производящей единицы. Например, слово *лавка* «скамейка» в речи получает значение «скамейка, на которой сидит продавец», которое затем трансформируется в «место торговли», формирующее новое значение «магазин», что приводит к возникновению на базе слова *лавка* «скамейка» лексемы *лавка* «магазин».

2. **Универбализация**, то есть образование слова на базе словосочетания с тождественным значением, которое проходит в три этапа. На **первом** возникает свободное словосочетание, например, *детский дом* = *дом для детей*. На **втором** осуществляется его идиоматизация. Например, в результате идиоматизации у словосочетания *детский дом* возникает не выводимое полностью из семантики составляющих его слов значение «воспитательное учреждение для детей, лишившихся родителей или оставшихся без их попечения» с имплицитными компонентами «воспитательное учреждение», «лишившихся родителей» и т. д. Иначе говоря, словосочетание получает цельное «словное» значение, что и создаёт асимметричный дуализм расчленённой формы и цельного содержания, который преодолевается на **третьем** этапе путём формальной трансформации дискретного наименования в слово: *детский дом* – *детдом*. Базовыми разновидностями универбализации являются:

а. эллипсис, то есть замена словосочетания одним из входящих в него слов: зависимым, например *выходной день* > *выходной*, или главным, например *высокое давление* > *давление*;

б. универбализационная аффиксальная деривация, то есть трансформация словосочетания в слово путём имитации аффиксации на базе зависимой лексемы, например *подсобное помещение* > *подсобка*; сюда же следует отнести ситуации использования грамматической парадигмы (обычно с сокращением), например *противогазовая маска* > *противогаз*, где зависимая лексема после сокращения получает парадигму существительного;

с. сокращение – ситуация, когда компоненты исходного словосочетания сокращаются до инициальных конструкторов, например сокращение словосочетаний *дополнительное соглашение*, *дымовые средства*, *диспетчерская станция*, *диэлектрический слой* и под. в алфавитизм *ДС*;

д. замещение, то есть замена каких-либо слов производящего словосочетания аббревиатурным, композитным или гибридным конструктором, например, *нефте-*: *нефтяная вышка* > *нефтевышка*, *добыча нефти* > *нефтедобыча*, *нефтяной бизнес* > *нефтебизнес*, *нефтеперерабатывающий завод* > *нефтезавод* и т. д.

е. конструирование, то есть замещение компонентов производящего словосочетания, обычно эргонима, универбализационными

конструктами по моделям делопроизводства или благодаря «полёту фантазии» номинатора, например, *Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации* > *Росзарубежцентр*, где *международного научного и культурного сотрудничества* заменяется абброконструктом *зарубеж-*, не имеющим эквивалентов в словосочетании.

Комбинация указанных характеристик позволяет построить новую классификацию способов словообразования, в которой, например, единицы, традиционно относящиеся к аббревиации, должны быть распределены по трём формально-ономасиологическим типам: инициальные аббревиатуры, сложносокращённые апеллятивы и сложносокращённые онимы.

Инициальные аббревиатуры возникают в результате **сокращения** (механизм) компонентов производящего словосочетания до **инициальных конструктов** (средство), например, *автоклавная батарея, авиационный корпус, аппаратура коммутации* и т. д. – *АК*.

При образовании **сложносокращённых апеллятивов**, к которым относятся частично сокращённые слова (*натуробмен*) и слоговые аббревиатуры (*комбат*), относящиеся к нарицательным наименованиям, происходит стереотипное универбализационное **замещение** (механизм) какого-либо слова эквивалентного словосочетания **абброконструктом** (средство). Например, любое словосочетание, включающее в свой состав прилагательное *медицинский*, может универбализоваться в слово путём замещения этого прилагательного конструктом *мед-*: *медицинская аппаратура – медаппаратура, медицинский зажим – медзажим* и т. д.

Третьим типом аббревиатур являются **сложносокращённые онимы** – эргонимы типа *Донецкуголь, Роскомнедр, Минрегион* и под., которые конструируются при помощи абброконструктов. Например, *Рособрнадзор*, является сложносокращённым онимом, параллельным названию *Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки*, которое не может быть развёрнуто на его базе.

В последующих работах предполагается дать полное описание формально-ономасиологических способов словообразования.

Литература

1. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.

-
2. Косова В. А. Деривационно-семантическая типология словообразовательных категорий // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 5. – С. 141–151.
 3. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. – 199 с.
 4. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 219 с.
 5. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш, шк., 1989. – 800 с.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ИНФИНИТИВНО-СУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Н.А. Герасименко

Natalyger11@yandex.ru

ГОУ ВО Московской области

Московский государственный областной университет
(Москва)

Синтаксические функции фразеологизмов реже привлекают внимание лингвистов, чем их структура и семантика, однако грамматика активно использует возможности фразеологии, потому что это расширяет возможности выражения характеризующих и оценочных смыслов [См., напр.: 1, 4, 5, 7 и др.]. Цель этой статьи – проанализировать особенности функционирования фразеологизмов в инфинитивно-субстантивных предложениях (ИСП).

Инфинитивно-субстантивные предложения – особый вид двусоставного предложения, в них предикативное ядро формируется сочетанием инфинитива в позиции подлежащего и связочно-субстантивного сказуемого, представленного сочетанием именного компонента и связки [2, с. 72-78]: *Но вот **носиться** по метро с тяжёлыми сумками, **стать частью толпы** – это не для нее* (С. Лукьяненко); ***Любить** самоотверженно и беззаветно, с силой, равной квадрату дистанции, – дело наших сердец, пока мы дети* (Б. Пастернак); *Это **преимущество** своего рода – **креститься** в разумном возрасте, сознательно* (Л. Улицкая).

В таких предложениях инфинитив выполняет функцию подлежащего, потому что обозначает потенциальное действие (состояние и под.), которое получает характеристику или оценку в сказуемом. Сам инфинитив в силу грамматических свойств не способен обозначать предикативный признак в инфинитивно-субстантивных предложениях, что зависит именно от структуры предикативного ядра. Взаимозависимость главных членов грамматической основы этого типа двусоставного предложения ограничивает синтаксическое функционирование формы инфинитива: *Мой долг лишь **рассказать** о том, что произошло на самом деле* (Д. Быков); *Ларису **учить** – бесполезняк. Её оценка – три с минусом* (Г. Щербакова). Другая картина наблюдается в биинфинитивных предложениях. В них предикативное ядро

формируется сочетанием двух инфинитивов, что способствует возникновению в одном из них семантики отождествления, реже – других оттенков. В такой конструкции один из инфинитивов входит в состав составного именного сказуемого (связочно-инфинитивного, в нашей терминологии) и получает возможность определять инфинитивное подлежащее: *Отдать государству – значит бросить в дырявый мешок ...* (В. Токарева); *По-русски врать значит скорее нести лишнее, чем обманывать* (Б. Пастернак).

Остановимся подробнее на функционировании фразеологических оборотов в инфинитивно-субстантивных предложениях. Яркая оценочность фразеологизма совпадает с потребностью человека отразить именно характеристику или оценку ситуации, названной инфинитивом в позиции подлежащего, чему способствует структура предложения. Грамматическое устройство предикативного ядра ИСП отражает структуру ментальной операции человека: ситуация – субъект (характеризующий или оценивающий) – характеристика (оценка): *Нанимать кого-то – глупость несусветная, вместо одного шантажиста я получаю другого, гораздо худшего<...>* (Т. Полякова). Оценка ситуации как нецелесообразного поступка производится говорящим, имплицитно представленным в предложении, но фразеологизм *глупость несусветная* отражает индивидуальность и субъективность высказанной оценки и подчёркивает присутствие автора оценки. Автор оценки может быть материально выражен и представлен в структуре предложения: *Купить виллу в Испании для меня не проблема* (С. Андреев).

Как известно, фразеологизм, обладающий богатством и многослойностью переносных смыслов, вполне успешно используется в позиции сказуемого, для которого в русском языке характерна и смысловая многослойность, и образность, и оценочность, что особенно важно для инфинитивно-субстантивных предложений: *Он вообще любил подражаться, ходить с ним в ресторан было суицидом наказанием* (Бр. Стругацкие) – фразеологизм *суицидное наказание* прямо выражает негативную оценку говорящим описываемого события. В следующем примере фразеологический оборот *та ещё работёнка*, имеющий значение ‘очень трудно’, тоже выражает оценку: *А говорить с тобой о важных вещах – та ещё работёнка* (М. Фрай).

Обращает на себя внимание, что грамматическая форма инфинитивно-субстантивных предложений способствует тому, чтобы в связочно-субстантивном сказуемом предложно-падежные формы существительных фразеологизировались, приобретали устойчивость в употреблении. Это касается многих форм падежей. Б.Ю. Норман, проанализировав синтаксическое поведение винительного падежа существительного в функции сказуемого, обратил внимание на этот процесс: «<...>на базе оценочных и модально-оценочных значений винительного падежа развиваются фразеологизованные значения, которые могут вывести словоформу из грамматической плоскости (синтаксис употребления) в лексическую (отрыв от грамматической парадигмы слова, переосмысление значения, фразеологизация) [Норман с. 26-27]. Примеров фразеологизации семантики винительного падежа в позиции сказуемого в современном русском языке множество: *Мне двор убрать – в радость, как Льву Толстому сено покосить* (С. Лукьяненко). Существительные, обозначающие чувства человека, предрасположены к фразеологизации, так как эти чувства внутренне связаны с положительной или отрицательной оценкой: *Словом, всё благополучно и даже как-то водевильно разрешилось к общему удовольствию и облегчению, поскольку **жить** в постоянном духовном напряжении и воздержании от привычных удовольствий большинству посельчан было в тягость* (А. Варламов); *Работать с Дьяволини – на тренировке или на атанде, неважно – было одно удовольствие* (Б. Акунин); *Шагать по ней было одно удовольствие, а отрадные мысли это удовольствие многократно усиливали*<...>(Г.Яхина).

Формы предложного падежа существительных в позиции сказуемого также склонны к фразеологизации: *Не в моих привычках **стращать** юных барышень* (М. Фрай); *Исчезать не в моих интересах* (М. Фрай). Инфинитив-подлежащее в таких случаях оценивается как ситуация, противоречащая убеждениям, привычкам субъекта, способного осуществить названное инфинитивом действие или заинтересованного в его осуществлении. Инфинитив приобретает некоторый оттенок активного процесса, хотя грамматически он обозначает потенциальный процесс, не протекающий и не имеющий субъекта. Указание на субъект, способный выполнить действие, обозначенное инфинитивом или заинтересованный в выполнении этого действия, содержится в предложении: *Не в её привычках **давать** неверные прогнозы* (М. Фрай); *Не*

в его привычках советоваться с кем бы то ни было о личных делах, а уж просить – это и вовсе ни в какие ворота (М. Фрай); *Но не думаю, что было бы в интересах следствия сейчас распространяться об этом* (М. Шишкин).

Формы предложного падежа, имеющие модально-оценочное значение, легко поддаются фразеологизации: *Ответить по-настоящему он был не в силах* (Б. Пастернак). Лексикализации падежных и предложно-падежных форм существительных в функции основного компонента связочно-субстантивного сказуемого посвящена монография И.В. Тимошенко, в которой исследуется влияние позиции сказуемого на фразеологизацию падежных и предложно-падежных форм существительного [См.: 6].

Фразеологические единицы регулярно используются в инфинитивно-субстантивных предложениях и в позиции подлежащего. В этом случае обязательным условием является наличие инфинитива в качестве опорного компонента фразеологизма: *Тайного сыщика из колеи выбить – пара пустяков – ‘очень легко’* (М. Фрай); *Зато привести сломленного человека в порядок – тяжкий труд, не каждый за такое возьмется* (М. Фрай) – ‘трудно’; *Идти в ногу с таким веком – невелика заслуга – ‘нетрудно, легко’* (Д. Быков). *Я говорю только, что в решающий момент лапки складывать – грех – ‘нельзя, неправильно, против правил’* (Д. Быков). Глагольный фразеологизм в позиции подлежащего получает в связочно-субстантивном сказуемом прагматическую, модальную или эмоциональную оценку. *А что, и правильно: не царское это дело – порядок наводить* (М. Фрай). Фразеологизм *не царское это дело* в основной части связочно-субстантивного сказуемого выражает значение предназначенности как модально-оценочное значение всего предложения.

Приведённый анализ показал, что фразеологизмы активно употребляются в составе предикативного ядра инфинитивно-субстантивных предложений, так как их переносный смысл и образность соответствуют типовым характеризующему и оценочному значениям ИСП и позволяют отразить ментальную операцию оценивания.

Литература

1. Верзилова А.А. Семантика фразеологических единиц с общим значением оценки и проблемы её описания // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы международной научной конференции. Тула: ТППО, 2018. – С. 61-65.

Русский язык в поликультурном мире (8 – 12 июня 2022 г.)

2. Герасименко Н.А. Инфинитивно-субстантивные предложения // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста: коллективная монография /Отв. ред. Шаповалова Т.Е., зам. отв. ред. Леденёва В.В. М.: ООО «Постатор», 2022. – С. 72-85.
3. Норман Б.Ю. Жизнь словоформы: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 216 с.
4. Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Издательский дом «Языки славянской культуры», 2017. – 592 с.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
6. Тимошенко И.В. Семантика и функции форм-идиом в современном русском языке: Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 134 с.
7. Шаповалова Т.Е. Глагольный фразеологизм как компонент сказуемого // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы международной научной конференции. Тула: ТППО, 2018. – С. 32-35.

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ МОДИФИКАЦИИ ГЛАГОЛОВ-СТЕРЖНЕВЫХ КОМПОНЕНТОВ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В РЕЧИ

Ю.Ю. Балацкая

balackaja.y@mail.ru

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь)

В статье описаны глагольные фразеологические единицы (далее – ГФЕ) и аспектуальные модификации глаголов–стержневых компонентов (далее – СК) этих ГФЕ, которые формируют новые ГФЕ, представляющие собой варианты исходных фразеологизмов, например: *бередить сердце – разбередить сердце; болтаться по ветру – проболтаться по ветру* и т.п.

Фразеологические варианты представляют собой «разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [3, с. 90].

Как пишет С.О. Соколова, вариантами ГФЕ являются такие ее видоизменения, которые проявляются в модификациях компонентного состава и синтаксической структуры, а различаются чередованием в той же позиции разных слов (собственно варианты фразеологических единиц) либо вариантов слов и синтаксических конструкций с сохранением относительной тождественности фразеологических значений и этимологических образов [5, с. 134].

В нашей классификации ГФЕ различаются грамматические варианты и лексико-грамматические варианты. Наследуя все морфологические категории глагола–стержневого компонента, ГФЕ может иметь **грамматический** вариант – видовую пару глагола-СК (*понять толк в ком, чем – понимать толк в ком, чем*) либо **лексико-грамматический** вариант, если глаголы-СК являются аспектуальными модификациями, дериватами (а не видовыми коррелятами), например: *менять декорации – переменить декорации*.

Лексикографическая практика отражает фразеологическую вариативность непоследовательно, объясняя это тем, что «пока эта задача не

может быть решена из-за ограниченности имеющихся сведений о парадигматических формах именных и глагольных фразеологизмов» [9, с. 6].

Рассмотрим варианты ГФЕ, распределив их по фазовым оппозициям глаголов-СК. Согласно теории О.М. Соколова, между глаголами разного вида могут складываться следующие отношения фазовости: *начинательно-процессные, процессно-завершительные* (сюда включаются и результативные, и финитивные и *процессно-ограничительные* отношения, поскольку ограничение процесса временными рамками также приводит к его завершению) и *однократно-многократные* [6, 8]. Например, начало → процесс: *покатиться под откос* → *катиться под откос*; *запеть другим голосом* → *петь другим голосом*; процесс → конец процесса: *тянуть жилы из кого* → *вытянуть жилы из кого*; процесс → ограничение процесса: *носить на руках* → *проносить на руках (всю жизнь)*; *лежать под сукном* → *полежать под сукном (какое-то время)*; однократность ↔ повторяемость процесса: *кивать пальцем кому* ↔ *кивнуть пальцем кому*; *хлопать по рукам* ↔ *хлопнуть по рукам*.

В некоторых случаях на основе фазовых модификаций глаголов во фразеологизмах, как и в свободных словосочетаниях, образуется целый фрейм. О.М. Соколов отмечал, что «фрейм образует определенную систему, построенную на основе детерминативных отношений, отражающих динамику развития сценария. При этом каркас сценария опосредовано коррелирует с грамматическими конструктами, в частности, с такими глагольными категориями, как фазовость, актантная распределенность семантики глагола, функции актантов (падежные значения), каузаивность и др.» [4, с. 165].

Рассмотрим примеры:

Фрейм 1 содержит компоненты, которые отражены в разных словарных статьях: *нелёгкая понесла* кого. Прост. Кто-либо пошёл нехотая, не вовремя куда-либо. – *Вот кого-то понесла нелёгкая!* – *проворчала она.* – *Вот нет, чтоб объехать кругом, все лезут сюда* (И. Гончаров) [9, с. 405]; [faada, nick] *В 15.30 я покинула универ, и тут нелегкая понесла* ‘начало процесса’ *меня в Коломенское* [1] → – *Ну, а что это, – начал опять Плавин, – за песня была в Севастополе сложена: «Как четвертого числа нас нелегкая несла* ‘течение процесса’ *горы занимать!»* (А. Писемский) [Там же]. Контексты указывают на

проявление начально – процессных отношений как между ФЕ в целом, так и их глагольных компонентов (*понести* → *нести*);

нелёгкая несёт / *нелёгкая принесла* кого, куда. Прост. Неодобр. Кто-либо идёт некстати, не вовремя, неизвестно зачем [9, с. 405]. «Кого еще *нелегкая несет* ‘процесс’ об этакую пору?» (Д. Мамин-Сибиряк) [1] → *Принесла* его сюда, за тыщи верст, *нелёгкая* из Харькова! (К. Паустовский) [9, с. 405]; *Но так как факт совершился, и нелегкая принесла* ‘завершение процесса’ уже меня на берега вонючего Лана, то я считаю себя вправе поделиться с читателями вынесенными мною впечатлениями (М. Салтыков-Щедрин) [1]. Примеры подтверждают процессно→завершительные отношения между анализируемыми фразеологизмами;

нелёгкая носит / *нелёгкая унесла* кого. Прост. Неодобр. Кто-либо шляется, болтается где-то. – Ну, где тебя *нелёгкая носила*? Ты погляди на себя: в отрепьях весь (М. Шолохов) [9, с. 405] → Наталья промолчала <...>, а Ильинична быстро перекрестилась и обрадованно сказала: – И слава богу: *унесла нелегкая!* (М. Шолохов) [1]. Между рассматриваемыми ФЕ, как и между ее глагольными компонентами, возникают процессно→завершительные отношения (результат).

Распределив примеры в соответствии с фазами процесса, которые передают глаголы-компоненты ФЕ, получаем ситуацию, имеющую не только начало – продолжение – завершение процесса (*понести* – *нести* – *принести*, *унести*), но и его однократность / многократность (*нести* ‘сейчас, однократно’ – *носить* ‘многократно, в разных направлениях’): *И чуть быстрее: Ах, кого это нелёгкая Несёт? Не высовывайся, дядя, Из ворот...* (К. Сарнов) ↔ *Ах он, далекий мне теперь молодой человек, куда его только не носила нелегкая!..* (В. Розов) [1].

Фрейм 2 представлен в одной словарной статье: «*Кружить голову кому. Закружить (вскружить) голову кому.* Разг. Экспрес. 1. Лишать способности ясно мыслить, здраво рассуждать, трезво оценивать окружающее. 2. Влюблять в себя, увлекать» [9, с. 326].

В заголовке словарной статьи обозначена парность глагола-стержневого компонента (*кружить* – *закружить*, *кружить* – *вскружить*), но эти глаголы не являются видовыми парами (грамматическими вариантами), это так называемые аспектуальные пары (лексико-грамматические варианты ГФЕ). Глагол *кружить* не имеет видовой пары ни в одном из четырех ЛСВ [2, т. 2, с. 137]. Глагол *закружить*² означает

‘начать кружить’ [2, т. 1, с. 533], а глагол *вскружить* указывает на интенсивность и однократность процесса. Таким образом, между ГФЕ «*кружить голову*» и ГФЕ «*закружить голову*» складываются начинательно-процессные отношения, а между «*кружить голову*» и ГФЕ «*вскружить голову*» проявляется однократность / повторяемость процесса, это подтверждают примеры употребления ГФЕ. Рассмотрим, учитывая 1 и 2 значение ГФЕ:

1. *Но красное горячее вино, выпитое им на вокзале, вдруг **закружило** его голову (= ‘начать кружить’) и наполнило ее шумным и каким-то судорожным весельем* (А. Куприн) [<https://kartaslov.ru>]. → *Такая случайная победа не должна **кружить** голову* ‘процесс’ (Л. Гутман) [1];

*Одна мысль о том, что она входит в непосредственные отношения с настоящим миллионером, **кружила** ей голову* ‘постоянно’ и *нагоняла сладкое опьянение* (Д. Мамин-Сибиряк) ↔ *Бесконечные застоля, сердечные тосты – все это легко может **вскружить** голову* ‘однократно’ и *сбить с пути* (Р. Нахапетов) [1].

2. – *Не знаю, не знаю, – продолжал шутливо аббат. – С ней надо держать ухо востро. Вот-вот **закружит** голову* (= ‘начнет кружить’) (Э. Радзинский) [<https://kartaslov.ru>]. → ***Кружить** голову* ‘процесс’ *богатым барыням и молодым девушкам не мое дело* (И. Тургенев) [1];

*Лиза с первого же дня страстно влюбилась в князя, и князь её полюбил — отчасти от нечего делать, отчасти от привычки **кружить** женщинам голову* ‘постоянно’ (И. Тургенев) ↔ *Одно дело – **вскружить** голову* ‘однократно’ *молоденькой девчонке, мечтающей о лимузине и свадебном букете, и совсем другое – добиться взаимности образованной женщины* (Г. Тарасевич) [1].

Таким образом, глаголы-СК во фразеологическом обороте могут иметь аспектуальные (фазовые) модификации. Как и в свободном употреблении, возможность такой модификации обусловлена прежде всего семантикой самого базового глагола, но во фразеологизме она дополнительно ограничена собственным значением фразеологизма и сведена к выражению фазового значения с минимальной семантической нагрузкой [5, с. 140]. Аспектуальные модификации глаголов во фразеологических оборотах могут образовывать фреймы, которые описывают целостную ситуацию. Фреймы и аспектуальные пары ярко

демонстрируют креативный потенциал русской фразеологии в речевой практике.

Литература

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения 12.02.2022).
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1985 – 1988.
3. Современная фразеология: тенденции и инновации: монография / отв. ред. А. П. Василенко. – Москва, Санкт-Петербург, Брянск: «Новый проект», 2016. – 200 с.
4. Соколов О. М. ИмPLICITная морфология русского языка : монография / отв. ред. С. О. Соколова. – 2-е изд., испр. и доп. – Нежин: ООО «Гідромакс», 2010. – 184 с.
5. Соколова С. О. Аспектуальні категорії українського дієслова: монографія / С. О. Соколова. – Київ: «Книга-плюс», 2021. – 224 с.
6. Титаренко Е. Я. Аспектуальность и вариативность глагольных фразеологизмов в русском языке и речи / Е. Я. Титаренко, Ю. Ю. Балацкая // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 152–170. – DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-152-170.
7. Титаренко Е.Я. ИмPLICITная аспектология русского глагола : монография / Е.Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – 324 с.
8. Титаренко Е.Я. Категория фазовости и вид русского глагола: монография / Е.Я. Титаренко. – Симферополь: Доля, 2011. – 368 с.
9. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.

ДЕШИФРОВАЛЬНЫЙ СТИМУЛ СЛОЖНОСОКРАЩЁННОГО СЛОВА: ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ

А. И. Бровец

a.brovets@donnu.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

В статье рассматриваются лингвистические особенности сложносокращённых слов русского языка, позволяющие им на актуальном срезе языка образовывать не аббревиатурные пары, а гнезда эквивалентности, в которых представлены развёрнутые формы сокращённого компонента аббревиатур [5, с. 87]. Данные формы, называемые дешифровальными стимулами, представляют семантический потенциал сокращения и наряду с толкованием значения могут быть использованы для его семантизации в специальных и обычных текстах [3, с. 491]. Обосновывается необходимость иерархически организованного словарного описания дешифровальных стимулов, которое служит, кроме семантизации, также прогнозированию потенциальных эквивалентов аббревиатур посредством создания дешифровальных матриц.

Основным инструментом верификации эквивалентностных отношений между аббревиатурой и эквивалентным ей словосочетанием выступает онлайн-текст, фиксируемый поисковыми системами. Различаются три типа эквивалентных текстов: собственно эквивалентные тексты, параллельные эквивалентные тексты, условно эквивалентные тексты. Аббревиатура *армкомитет* находится в эквивалентных отношениях со словосочетаниями *армейский комитет* и *комитет армии*, формирующими гнездо эквивалентности и включающими дешифровальные стимулы *армейский* и *армии*. Среди дешифровальных стимулов нами выделяются презентативные, представленные адъективными формами (*альпбаза* – *альпинистская база*), интерпретативные релятивы, представленные субстантивными предложно-падежными формами (*бардгруппа* – *группа бардов*), и интерпретативные модификативы, включающие дополнительное слово, отсутствующее в структуре аббревиатуры (*веломагазин* – *магазин велодеталей*).

Модификационные интерпретации аббревиатур требуют особого изучения, поскольку их эквивалентная потенция по отношению к сложносокращенному слову менее предсказуема, чем у презентативных и релятивных дешифровальных стимулов, что делает невозможным «автоматическое» включение подобных единиц в список эквивалентов. Модификационные трактовки аббревиатур встречаются в текстах достаточно регулярно наряду с презентативными и релятивными и поэтому должны учитываться при лексикографическом описании аббревиации. Дешифровальные стимулы, с одной стороны, являются формой представления аббревиатурного слова в словосочетании, а с другой стороны, служат источником толкования аббревиатуры – более непосредственным, чем само словосочетание, поскольку именно дешифровальные стимулы определяют семантическую разницу между всеми единицами гнезда эквивалентности. Поэтому значимым представляется описание дешифровальных стимулов в прогностическом аспекте, что позволит наиболее полно представить толковый потенциал русских аббревиатур.

Подобное описание может быть организовано с учётом специфики словарей синонимов, поскольку эквиваленты аббревиатуры состоят в синонимических отношениях друг с другом. Взаимозаменяемость дешифровальных стимулов в тексте позволяет оценивать их как морфологические синонимы.

Одним из наиболее регулярных и поэтому легко прогнозируемых дешифровальных стимулов является презентативный. При этом атрибутивное словосочетание часто оказывается неинформативным и не всегда может быть использовано для этимологизации аббревиатуры. Например, аббревиатура *велобагажник* может означать как багажник, который крепится на велосипед, так и багажник, помещаемый на автомобиль для перевозки велосипеда. В этом случае презентативный дешифровальный стимул *велосипедный* ничего не сообщает нам о том, куда должен крепиться багажник, в то время релятивные дешифровальные стимулы *на велосипед* и *под велосипед*, реально отмечаемые в эквивалентных текстах, реализуют спецификацию аббревиатуры в тексте [2, с. 100].

Именно дешифровальный стимул признаётся одним из главных средств семантизации аббревиатуры. Однако поскольку, с одной стороны, регулярность и стереотипность дешифровальных стимулов

обеспечивает стабильное появление новых аббревиатур, а с другой стороны, специфика использования дешифровальных стимулов как имплицитных знаний обуславливает неоднородность самих дешифровальных стимулов, требуется описание всех эмпирически отмечаемых дешифровальных стимулов для каждой аббревиатуры. Такое описание может быть организовано по списочному принципу и осуществляться отдельно от «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка», который специализируется, кроме прочего, на описании лексического значения каждой аббревиатуры [7].

Принцип организации словарной статьи может включать четыре уровня: уровень аббревиатурной группы (*авто*), уровень леммы (словарная форма: *автомобиль*), уровень токена (эмпирическая форма: *автомобилей; автомобиль; автомобиля; в автомобиле; в автомобилях; в автомобиле; для автомобилей; для автомобиля; из автомобилей; из автомобиля; к автомобилю; к автомобилям; на автомобиле; на автомобилях; на автомобилях; на автомобиль; об автомобилях; про автомобили*) и пример словосочетания, в котором токен в данной форме фиксируется.

Теоретическая значимость данного лексикографического описания определяется констатацией текстовой множественности трактовки одной аббревиатуры посредством регулярных стереотипных моделей эквивалентности аббревиатурной конструкции. Детальная типология и списочное полнообъёмное описание отмечаемых в текстах дешифровальных стимулов служит семантизации сложносокращённых слов, а также создаёт базу для прогнозирования потенциальных эквивалентов аббревиатур, которые могут быть верифицированы и учтены в словаре.

Литература

1. Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Блюмина Ольга Валентиновна; Горловский государственный педагогический институт иностранных языков. Горловка, 2010. – 341 с.
2. Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращённого слова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 6. – С. 98–107.
3. Бровец А. И. Дешифровальный стимул сложносокращённого слова: к проблеме определения и описания // Русистика. 2019. Т. 17. № 4. – С. 487–501.
4. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич; Горловский государственный педагогический институт иностранных языков. – Горловка, 2008. – 472 с.

-
5. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 6. –С. 73–97.
 6. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. Вып. 3(29). Языкознание. 2016. – С. 13–25.
 7. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова и др.; Под ред. В. И. Теркулова. Фонд «Русский мир». ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Донецк, 2020.

СУБСТАНТИВНАЯ ЛЕКСИКА ПАРЕМИЙ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ: ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Е.В. Генералова

elena-generalova@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург)

Петровская эпоха – особенный период в истории нашей страны и русского языка. Лексика рубежа XVII–XVIII вв. и начала XVIII в. является объектом постоянного внимания исследователей и в свете отражения самым чувствительным уровнем языка радикальных изменений в жизни общества, и в отношении к процессу формирования русского национального языка, датируемого многими исследователями именно этим периодом.

В настоящей статье дается общая характеристика существительных, зафиксированных в пословицах и поговорках Петровского времени. Представляя собой формирование многих эпох, пословичный материал обычно отличается достаточно постоянным словарным составом. При этом изучение лексики паремий Петровской эпохи приобретает особый интерес. Во-первых, в связи с вопросом о реальном соотношении традиционности словника пословиц и лексического новаторства языка рубежа XVII–XVIII вв. (насколько реагирует на эти обновления относительно консервативный словарный состав пословиц?). Во-вторых, потому что именно к этому времени относятся первые записи паремий, самой ранней из которых является собрание «Старинных сборников русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий» П.К. Симони [5]. В.М. Мокиенко подчеркивает, что «пословицы и поговорки, включённые в него, отражают разнообразные явления и реалии жизни того времени и главное – берегут языковой дух переломного периода отечественной истории» [4, с. 35].

Что касается лексикографического описания этого языкового пласта, то пословицы Петровской эпохи в качестве иллюстративного материала с пометой – *в посл.* включены в «Словарь русского языка XVIII в.» [6], а также являются предметом специального описания в созданном в Казанском государственном университете на основе девяти рукописных сборников справочнике «Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII–первой половины XVIII века: Сборник

пословиц Петровской галереи» [1]. В настоящее время в СПбГУ идет работа над словарем «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)», цель которого – выявление максимально полного собрания пословиц и поговорок переломной эпохи, а также анализ источников их происхождения и характеристика особенностей лексического состава. После каждой пословицы приводятся сокращенные названия источников (обозначения сборников половиц и поговорок), в которых зафиксирована поговорка. В ряде случаев пословица сопровождается информацией сравнительно-сопоставительного характера и историко-лингвистическим комментарием, раскрывающим этимологию поговорки, семантику отдельных слов-компонентов, культурные коннотации пословицы или реалий, в ней упомянутых.

Материал задуманного исторического поговорковедческого словаря организован по алфавиту не первых зафиксированных в поговорке существительных, как принято во многих фразеологических и поговорковедческих словарях, а по алфавиту всех существительных, содержащихся в поговорках, при этом каждая поговорка помещается на каждый встречающийся в ней субстантив, что обеспечивает системность и полноту лексикографического описания словарного состава пословиц и поговорок Петровского времени.

С помощью авторского скрипта на языке программирования Python была произведена автоматизированная обработка данных: из всех пословиц компьютерными методами были выделены леммы существительных, и все пословицы были сгруппированы на каждое из вхождений существительных. Например, в словарной статье под существительным *битье* собраны все без исключения пословицы Петровского времени, в которых встречается эта лексема: *Бесхмельное питье – дубинное битье*. Сим., 83; СлРЯ XI–XVII вв. 4, 369; СОРЯ XVI–XVII вв. 1, 153; Сн. 1848, 11; ДП 2, 243; Д 1, 491, 498; *Без битья ничто успеши*. Лексикон 1731, 181; Geyr 1981, 99. Макроструктура Словаря, соответственно, представляет собой организованные по алфавиту все без исключения существительные, встречающиеся в пословицах Петровского времени. При таком сплошном представлении субстантивов в качестве заголовочных слов выводятся и слова, находящиеся в пословице не на первом месте, но являющиеся неотъемлемой частью описываемых пословиц, что позволяет не пропустить ни одно существительное. Ср. при традиционном представлении на первое

встреченное существительное вне внимания лексикографа остались бы, например, лексемы *бяканье, голье* и многие другие, а в словаре «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)» они получают полноценное представление. См.

БЯКАНЬЕ * *Худое вяканье доводит до бяканья.* Богд. 1741, 115.

Много вяканья доводит до бяканья. Пск. СР 2, 223; СПП 2001, 127.

ГОЛЬЕ * *Ходит он ребром, не знается с гольем.* Сим., 180; СЛРЯ XI–XVII вв. 4, 71; 22, 126. < *Ходить ребром* – хорохориться, важничать. *Голье* – бедняки, нищие.

Такая исчерпывающая подача позволяет дать полное представление о функционировании каждого субстантива в пословичном собрании Петровского времени (и соответственно, о роли реалии, обозначенной этим словом, в национальном менталитете) и избежать лакун при описании лексического материала паремий Петровского времени. В качестве отдельных заголовков выводятся субстантивированные существительные (например, *богатый, возгневый, винный, глупый* и т.п.), которыми так изобилуют пословицы за счет частого обозначения носителей типичных, обобщенных характеристик. При отсутствии в пословице имени существительного, она помещается в словарную статью на другие входящие в ее состав полнозначные слова (глагол, прилагательное, наречие, местоимение): см., например:

ВАЛИТЬСЯ * *Где падает, тут и валится.* Паус нач. XVIII в., 42.

Приперто не валится (валитца), а к опослею пригодится. Сим., 204; СЛРЯ XI–XVII вв. 13, 33; 19, 245. < *К опослею* – после, потом.

ВНАЧАЛЕ * *Вначале все изрядно.* Лексикон 1731, 446; Geyr 1981, 155.

Существенно, что описанию подвергаются и нарицательные, и собственные имена существительные: антропонимы (**УЛЬЯН** * *Наш Ульян из духу пьян.* Сим., 128), топонимы (**ТУЛА** * *Тула зипуны сдула, а Кошира в рогожи обшила.* Сим., 144.), гидронимы (**ВОЛГА** * *Не все то перенять, что по Волге плывет (плывет).* Сим., 125.), оронимы (**ФАВОР** * *Фавор гора паче света.* Сим., 147) и др., а также производные от имен собственных, в частности, этнонимы (**ТАТАРИН** * *Рано татарам на Русь идти.* Сим., 136; СР 2, 230; ДП 2, 118; Д 4, 58; СПП 2001, 141)), что позволяет составить объективное представление о лексическом составе паремий начала XVIII в.

Таким образом, цель лексикографического проекта «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)» – всесторонне представить и охарактеризовать лексический фонд пословиц Петровской эпохи. Словарь содержит 2525 словарных статей, в каждой из которых под заголовочным словом собрано от одного пословичного высказывания (например, на слова *верхогляд, буханье*) до нескольких десятков пословиц (например, 89 паремий на заголовочное слово *баба*) или даже сотен (например, 221 паремия на заголовочное слово *Бог*).

Изучение происхождения предметной лексики пословиц позволяет ответить на вопрос, насколько этот источник отражает новаторский характер языка Петровской эпохи. Анализ показал, что основная часть существительных – это традиционный лексикон русского языка, т.е. хорошо известные к этому времени слова, существующие в языке уже значительное время. Более того, в пословицах сборника Петровской эпохи встречается ряд слов, не функционирующих в языке XVIII в., но распространенных в языке предыдущего периода – языке Московской Руси (например, *грай, голка, исада* и др.) (см. подробнее [2], [3]).

Большинство существительных, которые зафиксированы в пословицах Петровского времени, представляют собой исконную лексику, но встречаются и достаточно старые, освоенные к этому периоду заимствования: грецизмы (*аггел, алтарь, аксамит, корабль, тетрадь*), тюркизмы (*арбуз, аббаса, алтын, аргамак, сурьма*), скандинавизмы (*хлеб, Глеб*) и др. Отдельные экзотизмы представлены ориентализмами: см. *ван, лама* (*Ламы да ваны, а все болваны*. Богд. 1741, 90). Среди заимствований из европейских языков основную часть составляет иноязычная лексика, усвоенная русским языком в XVI–XVII вв., т.е. в период Московской Руси: см. заимствования XVI в. *аптека* (*Аптека до полвека*. Сим., 75), *фляга* (*Варить брага потерять и фляга*. Сим., 177), заимствования XVII в. *пан* (*Хрстьянинъ пьян то самъ себе пан*. Сим., 200), *барка, грамматика* и др.

Но существенно, что в лексике пословиц обнаруживаются и отдельные новации Петровского времени, преимущественно новые заимствования: см. появившиеся в русском языке на рубеже XVII–XVIII вв. лексемы *академия* (*Артемью не кажи академию*. Сим., 75; СОРЯ XVI–XVII вв. 1, 41), *геометрия (геометриа)* (*Геометрия (Геометриа) как поветрие – где хочет, там ломают*, – известно в фонетическом

варианте с неустранимым зиянием в конце слова (передача конечного *-ia*), *гварнизон* (*Гварнизон стоит всегда под низом*. Богд. 1741, 74) – используется только фонетический вариант *гварнизон* с характерной передачей начального польского *gi-* русским *гв-* (ср. *гвинтовка*). Такие лексемы – яркие маркеры нового времени, но они составляют совсем небольшую часть субстантивного словника пословиц и поговорок Петровского времени.

Следует сделать вывод, что, в целом, лексика паремий Петровской эпохи характеризуется несомненной преемственностью по отношению к словарному составу языка XVI–XVII вв. и представляет собой по сути старорусский материал с отдельными вкраплениями лексических неологизмов (прежде всего европейских заимствований) рубежа XVII–XVIII вв. и начала XVIII в.

Литература

1. Галиуллин К.Р. Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII–первой половины XVIII века: Сборник пословиц Петровской галереи. Казань: КГУ, 2006. – 187 с.
2. Генералова Е.В. Истоки паремиологии Петровской эпохи в языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации). Материалы Международной научно-практической конференции. Кострома, 2020. – С. 31–34.
3. Мартыянов Д.А. Сборники русских пословиц и поговорок первой половины XVIII века: лингвистическая информативность. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153 № 6. – С. 67–73.
4. Мокиенко В.М. Паремиологическое собрание П.К. Симони как исторический источник Петровской эпохи. //Лексикография цифровой эпохи: сборник материалов Международного симпозиума. /Отв. ред. Е.А. Юрина, С.С. Земичева. Томск, 2021. – С. 33–36.
5. Словарь русского языка XVIII вв. Словарь русского языка XVIII века. Т. 1-22. Л., СПб: Наука. 1984–2019, изд. продолж.
6. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII– XIX столетий /Собр. П. Симони //Сб. ОРЯС. Т.66, № 7. СПб: типография Императорской Акад. наук, 1899. – 216 с.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИМЕННОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

И. В. Ерофеева
erofeeva89@mail.ru

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
(Казань)

Лексический уровень языковой системы подвержен наибольшим изменениям на любом этапе развития общества. Пополнение словарного состава русского языка происходит разными путями, среди которых использование арсенала словообразовательных средств для номинации новых понятий и явлений в разных сферах жизни занимает одно из значимых мест, наряду с заимствованиями и семантическими переосмыслениями имеющихся в языке слов. Активизация словообразовательных процессов в определенный исторический период всегда обусловлена социальным заказом. Необходимость обозначения новых явлений в общественной, экономической, культурной, медицинской, бытовой, спортивной и других сферах жизни обуславливает постоянное пополнение словарного состава языка лексическими неологизмами, многие из которых создаются по имеющимся словообразовательным моделям. Современный мир отличается динамизмом, повышением темпов жизнедеятельности человека, бурным развитием науки, постоянными изменениями в политической жизни.

Язык откликается на изменения в обществе, и это проявляется в области словообразования современного русского языка в следующих наиболее актуальных процессах: в активизации определенных словообразовательных моделей, в увеличении именной префиксации, в росте числа композитов, в широком использовании аббревиации и усечений, в применении словообразовательных средств в целях языковой игры.

Наиболее распространенным и охватывающим лексику всех частей речи способом образования новых слов является суффиксация. В сфере субстантивного словообразования она обслуживает два основных поля – поле действия и поле деятеля [5]. В области образования имен действия в современном русском языке активность проявляют как исконно русские, так и заимствованные суффиксы. Так, среди

исторически сложившихся продуктивных способов словообразования необходимо отметить активизацию моделей с заимствованными суффиксами, например с вошедшим в русский язык в XIX в. и первоначально осложнявшим только заимствованные основы суффиксом *-изац(ия)*. Производные на *-изац(ия)* в большинстве случаев соотносятся с глаголами с суффиксами *-ировать/-изировать* и, соответственно, выражают словообразовательное значение отвлеченного действия: *идеализировать* > *идеализация*, *колонизировать* > *колонизация* и др. Изменения в данной словообразовательной модели связаны с тем, что среди производных на *-изац(ия)* немало образуется непосредственно от имени и глагольная ступень отсутствует в языке (это так называемое «чересступенчатое» словообразование – в примерах типа *канализация*, *суверенизация*). В современном русском языке формируется новая модель производства имен на *-изац(ия)*, мотивированных существительными и прилагательными. При этом отсубстантивные и отадаъективные имена действия с суффиксом *-изац(ия)* отличаются высокой степенью продуктивности. Слова типа *долларизация*, *банализация*, *фундаментализация* и под. стали приметой нашего времени, так как в них данный суффикс активно используется именно для обозначения актуальных для современного мира социально-политических, общественных реалий. Каждое новое социально или экономически значимое событие порождает подобное имя действия с суффиксом *-изац(ия)*: *суверенизация* (округов), *капитализация* (компаний), *криминализация* (массового сознания), *американизация* (культуры), *фермеризация* (сельского хозяйства), *медикализация* (жизни), *наркотизация* (молодежи) и др.

Среди неологизмов последнего времени значительное место занимают производные имена с суффиксом *-инг* английского происхождения. Данный суффикс активно входит в русскую словообразовательную систему. Многие слова на *-инг* заимствуются целиком, а членность приобретают уже на русской почве. Если в русском языке имеются однокоренные с ними заимствования без данного аффикса, это способствует выделению суффикса *-инг* в производном слове: *джипинг* < *джип*, *тренинг* < *тренировать*, *паркинг* < *парковать*, *ребрендинг* < *бренд*. В качестве производящих основ для имен этого суффиксального типа могут выступать слова разной частеречной принадлежности: существительные, глаголы. Основное значение имен на *-инг* –

значение отвлеченного действия, и оно четко выражается при наличии в языке однокоренного глагола, с которым соотносится имя на *-инг*: *тренинг, паркинг, мониторинг* и др.

При отсутствии соответствующего производящего глагола у имен данного типа представлена соотнесенность непосредственно с существительными, даже в случае реализации значения действия: *джипинг* «короткое путешествие на внедорожнике» < *джип*, *ребрендинг* «изменение концептуальной идеологии бренда» < *бренд* (в этом случае можно говорить о конфиксе *ре...инг*).

В ряде случаев слово не имеет словообразовательной членимости в русском языке, так как заимствуется целиком. Однако по аналогии с другими именами воспринимается как имеющее суффикс *-инг*: неологизм *коворкинг* (от англ. *co-working* – «совместная работа») имеет несколько значений, первичным из которых является «организация труда людей в общем пространстве». А так как в русском языке регулярно у имен действия развиваются вторичные значения орудия, объекта, места и т.д., то и данное существительное приобретает значение места – «пространство, в котором собираются сотрудники». Еще одним новообразованием последнего времени является слово *груминг* (от англ. *grooming (groomer)* – «человек, ухаживающий за лошадью, конюх»). В русском языке слово *груминг* может употребляться как в специальном зоологическом значении «поведение млекопитающих, выражающееся в уходе за мехом другой особи», так и в общеупотребительном – «специальный уход за домашними животными». Неологизм *краудсорсинг* (от англ. *crowd* – «толпа» и *sourcing* – «использование ресурсов») также не получил пока членимости на русской почве. Данное слово обозначает совершенно новое понятие, поэтому само его определение представлено очень развернуто: *краудсорсинг* – «привлечение к решению проблем производственной деятельности широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта на добровольных началах с применением информационных технологий». Получило широкое распространение в нашей стране такое понятие, как *каршеринг*. Внутренняя форма данного слова становится понятной только при знании английского языка (*car* – «машина» и *share* – «делиться») – «краткосрочная аренда автомобиля с поминутной или почасовой оплатой».

Следующим способом словообразования, активизировавшимся в современном русском языке, является нулевая суффиксация. Она достаточно рано сформировалась в истории русского языка вследствие развития обратных словообразовательных отношений и на всех этапах развития языка проявлялась как очень продуктивный способ отглагольного и отадаъективного словопроизводства [2, с. 82]. Данный способ отличается особой активностью на протяжении всего письменного периода в силу своей экономичности. При образовании производных от глаголов отсекается суффиксальный элемент, и такой путь производства новых слов для выражения прежде всего процессуального значения широко распространен в современном русском языке. Образования нулевой суффиксации представлены в различных областях жизни: это и профессиональная среда, и сфера быта, моды, спорта и многие другие: *выгул, выпас, прикид, закуп, подклад, обжиг, прогон* и под. При этом в последние десятилетия такой способ уходит на периферию русского литературного языка и становится особенно активным в сфере сленга и просторечия. Это определяет особую экспрессивность, эмоциональность, оценочность подобных номинаций.

При образовании имен нулевой суффиксации в сленге производящая основа может быть нейтральной в стилистическом отношении, например: *напрягаться* > *напряг* «напряжение, принуждение», *откапывать* > *откат* «вид взятки должностному лицу или организации». Но чаще в одном из своих значений производящий глагол сам относится к жаргонной или специальной лексике, и, соответственно, в производном сохраняется стилистическая маркированность, например: *подкол* (учителя), *провал* (на чемпионате), *прокол* (у группы), *пролет* (на экзамене), *разрул* (ситуации), *разрыв* (мозгов), *игнор* (девушки), *тащ* (от фильма), *отрыв* (от реальности), *отруб* (от цивилизации) и др.

Активизируется и модель образования отадаъективных имен нулевой суффиксации, при реализации которой тоже, как правило, отсекается суффиксальный элемент производящего прилагательного: *наив*, *серьез*, *интим*, *беспросвет*, *неформал*, *инфантил*, *негабарит*, *конструктив* и др.

В современном русском языке активно образуются новые номинации и в области второго основного словообразовательного поля – поля деятеля. Так, в сфере номинации имен лиц по-прежнему используются традиционные суффиксы *-ник*, *-щик*, *-ик*, *-ец* и др. Они осложняют

новые производящие основы, прежде всего заимствованные, которые используются для наименования лиц по профессии, роду деятельности, хобби, отношению к спорту и под. Наряду с исконно славянским аффиксами, активизируются и заимствованные морфемы, например, суффикс *-ант*, пришедший в русский язык сложным путем. Латинский по происхождению, он в дальнейшем вошел во французский язык, а позже – в английский.

Слова с данным суффиксом, как правило, выступают в соотнесении с производящими основами заимствованного происхождения: *магистрант, амнистант, номинант* и др. Однако в последнее время, прежде всего в разговорном языке, с целью языковой игры иноязычный суффикс часто присоединяется к славянской производящей основе, что создает комический или иронический эффект, что особенно явственно наблюдается в языке СМИ, например: «*В этом году автором двух главных новых слов стали Игорь Харичев – он придумал слово «домогант», и сам куратор конкурса Михаил Эпштейн – он номинировал слова с приставкой гоп-: гоп-политика, гоп-журналистика, гоп-религия*» (Ксения Туркова. В объятиях «домоганта». Какие слова стали главными в 2017 году // «Сноб», 2017) [3]. Еще в прошлом веке вошло в русский язык слово *подписант* в значении «тот, кто подписывает какое-н. официальное обращение, открытое письмо», и оно до сих пор фиксируется в словаре с пометой разговорное. К разговорному стилю относится и новое слово *неуезжант* «тот, кто не уезжает из страны, хотя и имеет такую возможность».

Значительно возрастает в современном языковом мире активность не только суффиксального, но и префиксального способа словообразования, который также особенно актуален в области номинации социально и общественно значимых явлений. Исторически префиксация как способ морфемного словообразования была наиболее характерна для глагольного словопроизводства. Однако сейчас префиксы широко используются в адъективном и субстантивном словообразовании, что является характерной приметой языка нашего времени [1, с. 57].

При этом наряду с исконно славянскими приставками очень активно проявляют себя иноязычные префиксы, которые часто являются синонимичными друг другу. В этом проявляется отмечаемая учеными конкуренция, семантическая и стилистическая дифференциация сосуществующих словообразовательных единиц [4, с. 424]. Так, исконно

славянскому префиксу *после-* составляет конкуренцию префикс *пост-*: *постконфликтный, посттравматический, посткоммунистический, постпубертатный, постдефолтный, постперестроечный* и др.

Особенно повышают свою продуктивность приставки, используемые для обозначения социально значимых понятий. Среди них иноязычные префиксы со значением противоположности, антагонистичности, противодействия, например, греческий по происхождению префикс *анти-* и латинский *контр-* (синонимичные исконно русским *не-* или *противо-*): *антиинтеллигенция, антикумир, антипарламент; контрпрессинг, контрреформа, контрлозунги, контрмитинг* и др. Активизируются приставки, выражающие значение устранения, удаления, уничтожения результатов чего-либо – латинская *де-* и исконная *раз-/рас-*: *деполитизация, декоммунизация, департизация, разбюрокрачивание* и под.

Высокой продуктивностью отличаются синонимичные префиксоиды *квази-* (от латин. *quasi* – «якобы, как будто»), *псевдо-* (от греч. *pseudos* – «ложь») и исконно славянский *лже-*, выражающие значение ложности, иллюзорности, неистинности явлений, понятий. Причем префиксоид *псевдо-* достаточно давно функционирует в языке, и производные с ним образуют целые ряды словообразовательных синонимов с именами с первой частью *лже-*: *псевдоученый – лжеученый, псевдонаука – лженаука, псевдоатака – лжеатака, псевдотревога – лжетревога, псевдоискусство – лжеискусство* и т.д. Продуктивность префиксоида *квази-* повышается именно в последние десятилетия, например: *квазиреволюционер, квазиталантливый, квазиспециалист, квазиреформа*.

Целый ряд новых слов образован при помощи приставок и префиксоидов, выражающих значение интенсивности признака, высокой степени чего-либо. К ним относятся как давно и активно функционирующие в русском языке префиксы *супер-, сверх-*: *супердешевый, суперпрофессионал, сверхнадежный*; так и синонимичные им префиксы *гипер-, архи- и мега-*, которые становятся активными именно в последнее время. Они получили широкое распространение прежде всего в языке СМИ, где производные с ними используются с целью повышения экспрессивности и оценочности текстов: *гиперкоррупция, гиперинфляция, гиперпространство, архимиллионер*. А префикс *мега-* выражает

значение степени, превышающей ту, что обозначена префиксами *гипер-* и *супер-*: *мегапроект, мегазвезда, мегааэропорт* и др.

Антонимичная рассмотренным префиксам приставка *нано-*, употребляющаяся изначально в качестве обозначения единицы измерения «одна миллиардная часть единого целого», расширяет сферу своего употребления и начинает образовывать существительные со значением отношения к очень мелким объектам с размерами, измеряющимися в нанометрах: *нанотрубка, нанотехнология, нанобактерия, наномир* и др.

Таким образом, в современном русском языке словообразовательные процессы протекают очень интенсивно, отражая динамические изменения в обществе, экономике и науке. Наряду с использованием традиционных морфем, активизируются и новые приставки, и суффиксы, среди которых много заимствованных. Меняется характер производящих основ, возникают новые модели (сочетание основ существительных с приставками или суффиксами, ранее не присоединявшимися к таким основам). По-прежнему активно образуются в современном русском языке производные имена со значением абстрактного действия и лица, при этом усиливается экспрессивность и оценочность производных образований, их вовлеченность в различные виды языковой игры. Возрастает роль именной префиксации, возникает конкуренция между синонимичными префиксальными моделями, что свидетельствует о поиске языком наиболее подходящих форм выражения для номинации новых явлений и их характерных черт.

Литература

1. Жданова Е. А. Особенности именного префиксального словообразования в русском языке конца XX века // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2010. Сер. 2. № 2(12). – С. 56–61.
2. Николаев Г. А. Лекции по русскому словообразованию. Казань, Казанск. гос. ун-т, 2009. – 188 с.
3. НКРЯ URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>, дата обращения 9.03.2022.
4. Петрухина Е. В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование / Под ред. проф. Е. В. Петрухиной. М. Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. – С. 424–443.
5. Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во МГУ, 1969. – 154 с.

**ДИМИНУТИВНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВО
УСИЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕПИСКИ
А.П. ЧЕХОВА С О.Л. КНИШПЕР-ЧЕХОВОЙ)**

П.А.Боронкин, Е.Н. Вакулова

boronkin.pavel@gmail.com ; vakulova-en@ranepa.ru

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ»

Северо-Западный институт управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Санкт-Петербург)

Диминутивы-обращения представляют собой весьма интересную для анализа группу дериватов. Исследователями неоднократно подчеркивалось наличие у членов этой группы возможностей нести и выполнять различные функции и задачи [3, с.124]. «Обращение является носителем четырех функций, обычно накладывающихся одна на другую: контактной, конативной, регулятивной и эмотивной (оценочно-характеризующей), при реализации которой выдвигается подфункция субъективной оценки» [1, с.1].

Широкого диапазона экспрессивности в исследуемых эпистолярных текстах вряд ли можно обнаружить в связи с экстралингвистическими условиями, в которых они создавались, однако суженный формат выбора компенсируется ее углублением, повышенной эмоциональностью с точки зрения ее интенсивности.

Исследуемая «самая большая по объему чеховская переписка» [2, с.40] относится к периоду с 1898 по 1904 гг. и отличается высокой степенью интенсивности: за 6 лет супругами совместно было написано более 800 писем и телеграмм (433 и 400 соответственно).

История переписки супругов Чеховых, как и она сама, носит особый характер. Безусловно, эта крайне интимная, личная любовная переписка отмечена высоким накалом эмоциональности, на вербальном уровне проявляющейся, в частности, в виде такой этикетной речевой формулы, как обращение.

Тон переписки особый, нежный, искренний. В отличие от писем другой корреспондентке – Лике Мизиновой, где Антон Павлович ведет любовную игру (заманивая, ускользя, подтрунивая), в его письмах к жене нет ни игры, ни иронии, автор откровенно лиричен и не скрывает,

что его чувство настоящее, а верность его глубока. Что бы ни происходило порой в отношениях между супругами (ревность, непонимание, упреки), во всех письмах Чехов продолжает быть понимающим, прощающим, благодарным, остается любящим и нежным супругом.

Условия переписки нельзя назвать типичными, поскольку обмен письмами между писателем и его женой не был ситуативным или спорадическим, он происходил не время от времени, как это бывает обычно – в случае отъезда и временного отсутствия одного из супругов, а в условиях продолжительной дислокальной коммуникации, в ситуации длительной разлуки и территориальной разобщенности семейной пары.

Вторым обстоятельством, оказавшим значительное воздействие на эмоциональность переписки, послужило то, что коммуникация осуществлялась на постоянной основе, что определило в значительной мере высокий, повышенный эмоциональный накал исследуемых эпистолярных текстов.

Одним из способов усиления эмоциональности послужило использование диминутивов, преимущественно образованных при помощи суффиксации и имеющих локализацию в структуре текста. Используются они в основном в этикетной рамке, то есть в функции обращения и прощания.

Прежде всего, внимание исследователя обращает на себя сочетание единиц, не выходящих за рамки стандарта (*голубчик, деточка, жеманушка, золотце, светик*), и единиц нестандартных, в большей или меньшей степени индивидуально-авторских (*актрисуля, балбесик, балериночка, гургулька, дусик, лошадка, бабуня, бабуся, мамуся, милюся, немочка, пусик милый мой*).

Интересным представляется также смещение характеристик данного типа обращений по признаку гендера. По отношению к жене А.П. Чехов не раз использует диминутивы мужского рода: *балбесик, голубчик, дусик, светик*. Подобную гендерную трансформацию (противоположной направленности) видим и в использовании в одном из писем О.Л Книппер диминутивного вокатива *дорогуличка*.

Распространенные обращения-диминутивы используются наряду с однословными: *милый мой песик; многодумная ты моя головушка; моя милая бабуня; необычайная жена моя, хорошенькая, гладенькая лошадка; милая Книппуша, драгоценная моя* часто в одном ряду стоит

несколько распространенных вокативов с диминутивами в качестве однородных членов предложения (очевидно, с целью усиления выразительности каждого из них по отдельности): *мамуся, ангел мой, немочка моя прекрасная; милый мой, глупенький пупсик, злая моя, нехорошая жена; немочка моя хорошая; Дуся моя, ангел, собака моя, голубчик; дуся моя, замухрыша, собака.*

Диминутивная суффиксация затрагивает как имена существительные нарицательные, так и прилагательные и имена собственные: *глупенькая, Книппуша, Антонка, Антончик.* Представлены также диминутивные зоосемизмы в функции обращения: *собака, собачка, песик, лошадка, индюшечка, комарик, конопляночка, черномордик* – а также наименования лиц по признаку семейно-родственных отношений: *бабуся, деточка, женушка, старушка* и даже национальности: *еврейка, немочка.*

При сравнении подобных единиц в текстах обоих корреспондентов приходишь к ожидаемому и прогнозируемому выводу о количественном и качественном их преобладании в писательских письмах. В них больше оригинальности, экспрессии, своеобразия, богатства и разнообразия единиц. В этом сказывается, безусловно, литературский профессионализм (Чехов и здесь прекрасный писатель), но свою роль здесь сыграли, с одной стороны, большая степень влюбленности, а с другой – большая степень изолированности Ялты, отрешенности от культурной и светской жизни, по сравнению с Москвой и театрално-богемной средой, перенасыщенной эмоциональными контактами. Скучая по молодой жене, писатель одновременно не мог не тосковать по общению с театральным закулисным, с писательской общественностью, с единомышленниками, нуждаясь в эмоциональной подпитке и такого рода, Воспринимая супругу как часть любимого театра и театрального коллектива, как творческую личность, гордясь ею, он ощущал это неразрывное единство (в определенном смысле препятствовавшее их семейной идиллии), и не случайны поэтому вокативы-суффиксальные образования, связанные с профессией жены, – *актриска, актрисочка, актрисуля.*

Активно используется в письмах Чехова два распространенных и даже популярных в то время этикетных ласковых обращения: *голубчик* и *дуся*. Кривая, показывающая частотность их использования в то время (по НКРЯ), именно в данный период находится на пике, на

наивысшей точке. Но даже при этом автор добавляет диминутивный суффикс –к- и без того ласковому обращению *дуся*, превращая его в *дусик*, игнорируя феминитив *голубушка*, в обращении к жене выбирает аналог мужского рода *голубчик*.

С другой стороны, писатель свободно обращается с готовыми единицами, превращая их в единицы индивидуально-авторские, окказиональные – без диминутивных суффиксов там, где они ожидаемы: *девчуша*, *замухрыша*, *таракаша* (пример обратного словообразования с упрощением словообразовательной структуры и устранением оттенка пренебрежительности). Среди них стоит отметить две лексемы с наличием негативной семантики в самой корневой морфеме и сопоставить их с двумя другими обращениями – *собака* и *балбесик*.

По мнению исследователей этой переписки, «суффикс -к- уничижительного значения придает обращению стилистическую окраску, но не негативную, а положительную» [2, с.41], но обратный процесс – то есть устранение этого суффикса – также придает обращению большую степень интимности и ласки.

Интересным представляется также использование диминутивов как способа смягчения резкости критики. Это относится к примерам с диминутивными обращениями *киселек славянский*, *русский халатик* – таким образом О.Л. Книппер-Чехова пыталась сделать упрек в недостаточной активности мужа менее ранящим, менее обидным.

Анализ диминутивных вокативов в данном массиве супружеской переписки позволяет увидеть ее не только в синхронном, но и в диахроническом аспекте. Длительность разлуки супругов диктовала свои условия, как бы опасаясь порвать тонкую, но прочную нить взаимного чувства, Чехов скрепляет эти узы словесной, вербальной нежностью, своеобразно и творчески используя, среди прочих способов выразительности, диминутивные формы обращений.

Литература

1. Артемова А. Ф., Леонович Е. О. Эмоционально-оценочная функция обращения URL: https://studylib.ru/doc/2682071/e-mocional._no-ocenochnaya-funktsiya-obrashheniya (дата обращения 28.02.2020 г.).
2. Долженко Н.Г., Соскунова О.А. Этикетная функция обращений в письмах А. П. Чехова // Вестник угрюдения № 3 (14), 2013. – С. 38–46. <https://cyberleninka.ru/article/n/etiketnaya-funktsiya-obrascheniy-v-pismah-a-p-chehova/viewer>

3. Кронгауз М. А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства. // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. Москва, 1999. – С. 124–134.
4. Кыштымова Т.В. Лингвистический анализ эпистолярного стиля А.П. Чехова. // Филология и искусствоведение. – С. 255–264. <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-analiz-epistolyarnogo-stilya-a-p-chehova> (дата обращения 28.02.2020 г.).
5. Фуфаева И.В. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016, № 3. – С. 257–266.
6. Черняева А.Б. Стилистические особенности обращения в лично ориентированной сфере общения. // Гуманитарный аспект образовательного пространства. СПбГГУСЭ. – С. 88–92. <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskie-osobennosti-obrascheniya-v-lichnostno-orientirovannoy-sfere-obshcheniya/viewer> (дата обращения 28.02.2020 г.).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО- СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Т.А.Дьякова

diako122@rambler.ru

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры
и искусств имени М. Матусовского»
(Луганск)

Одним из основных процессов формирования, развития и существования языка является перераспределение лексики между активным и пассивным запасом. Одна из составляющих пассивного фонда языка – устаревшая лексика, ставшая предметом исследования многих лингвистов. В последнее время устаревшую лексику изучают как лингвистическую составляющую этнокультуроведческого подхода в обучении русскому языку, ученые обращаются к проблемам описания историзмов и архаизмов в современной лексикографии, семантической эволюции историзмов и архаизмов.

Лексический строй литературных произведений, являясь основным средством создания образов, отражения авторской художественной картины мира, как нельзя лучше иллюстрирует процессы перераспределения лексических единиц в плане активности / пассивности использования. Анализируя устаревшую лексику в произведениях М. Л. Матусовского, будем придерживаться традиционного деления ее на историзмы и архаизмы. При этом архаизмами, вслед за авторами «Краткого справочника по современному русскому языку», будем называть «устарелые названия актуальных понятий, у которых есть другие, современные названия» [5, с. 7]. Учитывая опыт разграничения архаизмов А. С. Белоусовой [1, с. 37–38] и Т. В. Жеребило [4, с. 41–42], среди рассматриваемых лексических архаизмов выделяем собственно лексические (они стали предметом рассмотрения в другой работе), фонетические и грамматические, к последним мы относим лексические единицы, которые используются в устаревших словообразовательных и морфологических моделях. Исследуя лексикографическую фиксацию архаизмов, обращаемся к пометам, сопровождающим слово в источниках, само же

толкование подаем одно, поскольку оно совпадает во всех привлеченных для анализа словарях.

Фонетические архаизмы

К этой группе устаревших лексических единиц относим те, которые «отличаются от современных вариантов лишь несколькими звуками» [1, с. 37]. Диапазон помет к рассматриваемым лексическим единицам довольно широк. Так, архаизм **врата** ‘ворота’ сопровождается такими: *церк.-книжн., поэт. устар.* [13]; *устар. и в поэтической речи* [12, т. 2, стб. 794]; *трад.-поэт.* [2, т. 3, с. 221]; [3, с. 156]; *книжн. устар.* [11]; *устар.* [10, с. 102]. В приводимом далее контексте данное слово используется для придания иронического звучания речи лирического героя: *...и вполне понятно, что я был огорчен, увидев на церковных **вратах** ржавый, неведомо когда отпиранный замок* [9, с. 373].

Слово **глас** ‘голос’ характеризуют пометы: *церк.-книжн., поэт. устар.* [13]; *устар., в поэтической и стилизованной речи* [12, т. 3, стб. 131]; *устар. в соврем. употр. – обычно в поэтической, стилизованной или приподнятой речи* [2, т. 4, с. 143]; *трад.-поэт.* [11]; *высок.* [3, с. 207]; *устар. высок.* [10, с. 132]. В произведениях М. Матусовского данный архаизм применяется для: 1) стилизации текста: *Когда он пел акафист вместе с хором, / Казалось, трубный **глас** гремит с высот. / И ежели б не супротивный нор, / В больших чинах ходил бы пастырь тот* [8, с. 339]; 2) придания характера приподнятости лирическому размышлению: *Как найти тот звукоряд, / Что придумал некий гений, / Скрыв от нас бесценный клад / Вдохновенных песнопений? // Чем он был в глубинах лет, / Плачем струн иль вещим **гласом**?* [6, с. 111].

Лексема **древо** ‘дерево’ сопровождается ремарками: *церк.-книжн., поэт. устар.* ‘дерево’ [13]; *устар. и в поэтической речи* [12, т. 3, стб. 1105]; *устар.* [2, т. 5, с. 365]; [10, с. 179]; *трад.-поэт.* [11]; [3, с. 283]. В приводимом далее контексте слово употребляется как сравнение для придания характера приподнятости речи лирического героя: *То ловишь отзвук древнего напева, / То говор поздних дней. / И слово состоит, как будто **древо**, / Из веток и корней* [7, с. 268].

Архаизм **змий** ‘дьявол в образе змея’ комментируют такие примечания: *церк.-книжн., устар.* [13]; *устар., поэт.* [12, т. 4, стб. 1272]; [2, т. 6, с. 753]; *книжн. устар.* [11]; *книжн.* [3, с. 367]; *стар.* [11, с. 231]. Очевидным свидетельством архаичности слова **змий** является

древнерусская форма *змии* и старославянская – *змиѧ* [14, т. 2, с. 100]. В художественном тексте рассматриваемая единица используется для стилизации текста, создания приподнятости: *...ты ясно представляешь, как здесь распевались былины <...> и добрый Илья после долгого сна пробуждался; и с огненным змием боролся Добрыня Никитич; и с честью вступался за слабых Алеша Попович...* [7, с. 165–166].

Устаревшее слово *плат* ‘платок’ отмечено указаниями: *устар.* и *ритор.* [13]; *устар.* и *народно-поэт.* [12, т. 9, стб. 1331]; [2, т. 17, с. 23]; *устар.* и *трад.-поэт.* [11]; *нар.-поэт.* [3, с. 839]; *устар.* [10, с. 521]. В стихотворении архаизм применяется для стилизации текста, создания портретной характеристики персонажа: *...Будто нынче сидит она, – / Черным платом до глаз прикрытая, / Слезы льющая в три ручья, / Проводить его не сумевшая / Белозерская плачя* [6, с. 31].

Лексическая единица *полон* ‘плен’ сопровождается пометами: *устар.* и *нар.-поэт.* [13]; [2, т. 18, с. 504]; *устар. поэт.* [12, т. 10, стб. 1055]; *народно-поэт.* и *трад.-поэт.* [11]; *трад.-поэт.* [3, с. 906]; *стар.* и *высок.* [10, с. 555]. В поэтическом тексте слово *полон* употребляется для стилизации текста, создания приподнятости: *Навсегда в полоне я / У твоих основ, – / У твоих, Олония, / Серых валунов* [Г, с. 27].

Архаизм *шелом* ‘шлем’. характеризуется примечаниями: *истор.* [13]; *устар.* и *народно-поэт.* [12, т. 17, стб. 1339]; *трад.-поэт.* ‘шлем’ [11]; *устар.* [3, с. 1494]; *стар.* [10, с. 894]. В приводимом далее контексте данная лексема используется в качестве сравнения для придания выразительности повествованию: *Когда все это было – сто лет назад иль двести? / Как много облетело листков с календарей. / Литые исполины давно стоят на месте, / Как будто бы шелома пяти богатырей* [8, с. 438].

Грамматические архаизмы

Среди грамматических архаизмов преобладают морфологические устаревшие формы. Соглашаясь с формулировкой Т. В. Жеребило, морфологическими будем называть «разновидность архаизмов, отличающихся от современных эквивалентов грамматической вариативностью, устаревшими морфологическими категориями и формами слов» [4, с. 41–42]. Так, местоимение *вся* (ф. род. п. ед. ч.) употреблено в архаичной форме *всея*. В старославянском языке определительное местоимение *вьсь* имело смешанный тип склонения, где соединялись особенности твердого и мягкого варианта. Местоимение ед. ч. ж. р.

вѣста в старославянском языке имело форму Р. п. **вѣсѣѣж**, что и сохранилось в наименовании титула. В поэтическом тексте рассматриваемое слово применяется для воссоздания колорита эпохи: *Хочешь, в тихой сиди печали, / Хочешь в голос заголоси. / Не спросясь, ее обвенчали / С государем **всѣя** Руси* [8, с. 336].

Существительное **дом** использовано в именит. п. мн. ч **дѣмы**. Пометы к рассматриваемому слову совпадают: *устар.* [13]; [12, т. 3, стб. 957]. Анализируемое слово – отголосок старославянской формы двойственного числа существительного **домъ**. В приводимом далее контексте архаизм употреблено для речевой характеристики персонажа, стилизации текста: *«Не счислитъ наши раны и потери, / И наши **домы** в пепле и в дыму. / Мы бьем челом о православной вере», – / Раскольник дерзко отвечал ему* [8, с. 341].

Пометы к архаизму **каменья** близки: *устар.* мн. к **камни** [2, т. 7, с. 584]; [11]; [3, с. 412]; *устар.* и *прост.* мн. к **камни** [10, с. 262]. В приводимом далее тексте рассматриваемое слово используется для воссоздания исторического колорита, стилизации текста: *Я представил себе, как хитростью, тайком от матери выманили маленького царевича во двор, где, стоя на крыльце, уже ожидали его трое мужчин <...>, как один из них, трогая на груди у Дмитрия украшение из дорогих **каменьев**, сказал с притворным интересом...* [9, с. 379].

Рассматриваемая грамматическая форма **крыла** (ф. мн. ч.) восходит к старославянскому языку, где у существительных среднего рода на -ѣ форма именительного, винительного и звательного падежей множественного числа всегда оканчивалась на [-а]. Пометы к анализируемому архаизму близки: *устар.* мн. -**ѣлѣ** [13]; *устар.* **крѣлѣ** и *род. мн.* **крыл** [12, т. 5, стб. 1754]; [2, т. 8, с. 707]; *высок.* **крѣлѣ**, **крыл** [3, с. 476]; [10, с. 310]. В художественном тексте устаревшее слово применяется для стилизации текста, создания характера торжественности, приподнятости: *Вот всеми отвергнутый демон летит над пропастью, и явственно слышен шум его **крыл**, и холодом веет от разверстых расщелин, от этого беспредельного одиночества* [9, с. 518].

Поэт использует грамматический архаизм **рек**, являющийся ф. ед. ч. прош. вр. глагола **реци** ‘говорить’, вышедшего из употребления. [13]. Пометы к рассматриваемому слову разнятся: *церк.-книжн., поэт. устар.* [Уш]; *устар.* и *ирон.* [12, т. 12, стб. 1301]. В приводимом далее контексте рассматриваемая лексема используется для

воссоздания исторического колорита, стилизации текста: «*Церковные дела не в вашей власти, – / Рек патриарх, – не вам судить о них. / С грамматикою греческой в согласье / Исправлены страницы старых книг*» [8, с. 341].

По мнению Т. В. Жеребило, словообразовательными архаизмами являются устаревшие слова, «отличающиеся от современных эквивалентов суффиксами, приставками» [4, с. 42], примером из произведения М. Матусовского является лексема **пастырь**. Толкование данного слова в одних словарях не сопровождается никакими пометами: ‘священник как руководитель паствы’ [12, т. 9, стб. 277]; ‘священник по отношению к верующим; духовный руководитель, наставник’ [2, т. 15, с. 454]. В других – пометы близки: *церк.* [13]; *рел.* [11]; *религ.* [3, с. 786]; *книжн.* [10, с. 495]. Предположительно, *пастырь* – слово исконно славянское, производное от *pasq* ‘пасу’, однако другие образования на *-тырь* до сих пор не известны [14, т. 3, с. 215]. В стихотворении архаическая лексема употребляется для стилизации текста, придания характера приподнятости повествованию: *Когда он пел акафист вместе с хором, / Казалось, трубный глас гремит с высот. / И ежели б не супротивный норв, / В больших чинах ходил бы пастырь тот* [8, с. 339].

Таким образом, рассмотрев фонетические и грамматические архаизмы в произведениях М. Матусовского, можем констатировать: 1) архаические лексические единицы являются органичной частью произведений писателя; 2) лексикографические источники разных лет содержат пометы широкого диапазона к фонетическим архаизмам, что свидетельствует о динамике функционально-стилистической дифференциации устаревших слов; 3) идентичность помет к грамматическим архаическим формам говорит об устоявшемся характере оценки словообразовательных и морфологических архаизмов; 4) в художественных текстах архаизмы используются для воссоздания исторического колорита, стилизации текста; придания ему характера приподнятости или иронического звучания; 5) архаические единицы служат для создания портретных характеристик персонажей, в качестве сравнений употребляются для придания выразительности тексту.

Литература

1. Белоусова А. С. Архаизмы // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. – С. 37–38.
2. Большой академический словарь русского языка в 30 т. / под. ред. К. С. Горбачевича, А. С. Гердта и др. Т.1–20. СПб.: Наука, 2004–2012.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
5. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку / под. ред. П. А. Леканта. М.: Высш. шк., 1991. – 383 с.
6. Матусовский М. Л. Горечь: Книга стихотворений. М.: Совет. писат. 1992. –192 с.
7. Матусовский М. Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе. М.: Република, 2011. – 304 с.
8. Матусовский М. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни. М.: Худ. лит. 1982. – 639 с.
9. Матусовский М. Семейный альбом // Матусовский Михаил. Проза. Луганск: Виртуальная реальность, 2011. – С. 7–550.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А ТЕМП, 2006. – 944 с.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
12. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / ред. В. И. Чернышов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 3-е изд., стер. СПб.: Азбука, 1996. Т. 2–3.

СНОВА О ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ ЛЕКСЕМ *МЕНТАЛИТЕТ* И *МЕНТАЛЬНОСТЬ* В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: МЕТОНИМИЯ ИЛИ МЕТАФОРА?

Л.И. Жуковская

lara_nn@mail.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
(Нижний Новгород)

В одной из наших предыдущих работ на этом представительном научном форуме в 2019 г. мы обсуждали проблему грамматических преобразований лексем *менталитет* и *ментальность* — в частности, контексты их употреблений во множественном числе, что в целом не характерно для подобных лексем абстрактного характера, которые в норме относятся к группе слов *Singularia Tantum* [4, с. 384–389].

В данной работе мы продолжим начатое обсуждение, задавшись вопросом о лингвокогнитивных и собственно языковых механизмах, которые стоят за самой возможностью этих лексем употребляться в форме множественного числа. Как нам представляется, характер данных смысловых преобразований может многое сказать об особенностях восприятия концепта «менталитет / ментальность» современными носителями русского языка.

Методологический инструментарий нашего исследования представлен прежде всего идеями исследования «языка культуры» и «языка ценностей» [2; 3], а также теории языковой концептуализации мира [1; 5]. Собственно технология представленного исследования складывается из комплекса двух методик, разработанных учеными ННГУ им. Н.И. Лобачевского: это методика комплексного описания концептов культуры [8; 9] и методика, лингвокультурологической интерпретации активных процессов в современном русском языке [10; 11; 12]. Материалом исследования являются контексты, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка [7].

Данные Национального корпуса русского языка [7] обнаруживают, что неузуальное множественное число для лексемы *менталитет* достаточно распространено в отечественном научном, публицистическом и политическом дискурсах. Чаще всего это связано со

стандартной для таких абстрактных имен **моделью метонимической конкретизации**, когда имеются в виду менталитеты разных цивилизационных, этнических, социальных или культурных групп:

А «Брат-2» - нет. Результат разницы менталитетов. У нас это хит, а на Западе он никому не интересен, что и понятно: я сознательно делал фильм для русского зрителя, начиная с того, что в нём вся музыка наша [Алексей Балабанов: «Я снимаю не для вечности» // «Культура», 2002.04.01];

Это означает, что в 2014 году мир с новой силой столкнется с проблемой взаимодействия культур и менталитетов [коллективный. Перемены неизбежны // «Русский репортер», 2014];

И дело здесь далеко не в национальных менталитетах отдельных людей [Форум: Инновационная экономика (2013)];

Причина – в существенных отличиях менталитетов народов, сформировавшихся на основе разных национально-религиозных традиций [Валерий Андреев. Национальные модели экономики // «Наш современник», 2004.07.15];

При наличии очень разных идеологий, менталитетов, присущих итальянцам и русским, а также несхожих эстетических вкусов работа над литературной основой картины напоминала известную басню Крылова о лебеде, раке и щуке... [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)];

«Демократический опыт России» (1998), «Основы свободного общества» (1999)», Россия и США на пороге третьего тысячелетия: Опыт экспертного исследования российского и американского менталитетов» (1999) ... [Борис Гершунский. Американское лидерство в мире благо или зло? // «Вестник США», 2003.07.23].

Схожим образом ведет себя и лексема ментальность:

Для читателя, незнакомого с лосевской диалектикой, (но, может быть, знакомого с современной культурологией, искушенной в описании неповторимости и своеобразия культурных ментальностей) постулирование единства категорий, которые входят в структуру каждой культуры, может показаться рассудочным схематизмом [А.Л. Доброхотов. А.Ф. Лосев – философ культуры (2009)];

И опять заплутал, заплутал по переулкам вперемежку с надоевшими, в который раз повторяющимися полумыслями о природах

ментальностей — нашенской и ихней [Андрей Битов. Внук 29-го апреля (1995)];

По его словам, 20-25 лет назад невозможно было себе представить ситуации, когда столь разные государства, со столь разными экономиками, ментальностями, историческими традициями сели бы за один стол и смогли договориться в такой тяжелой ситуации о том, как действовать» [Анфиса Шахова. Дмитрий Медведев видит «элементы стабилизации» в мировой экономике // Новый регион 2, 2009.04].

В контекстах метонимического смыслового расширения носителями разных менталитетов могут быть жители городов:

Менталитеты обитателей Перми и Ярославля, отстоящих друг от друга на 1200 км, очень похожи [Андрей Пермьяков. Десятая часть года. Почти документальная повесть // «Волга», 2010] – или даже разные индивидуумы:

По его мнению, в этом противоречии «менталитетов» кроется причина многих недоразумений и чрезмерной чувствительности беженцев [А.Б. Арсентьев. У излуины Дуная (1999)];

Борис Березовский был в числе самых активных разработчиков тех правил, по которым играют сегодня многие представители деловой и политической России, где, по его собственному остроумному замечанию, менталитеты олигарха и «братка» имеют так много схожего [Галина Сидорова. Новая маска олигарха // «Совершенно секретно», 2003.02.06].

То же отмечается и для лексемы *ментальность*:

Слишком ясно и безжалостно вижу сугубую разницу – до пропасти – наших ментальностей [о поэтах – примечание наше, Л.Ж.] [Елена Крюкова. «Каждый художник пишет свою Библию» // «Дружба народов», 1999.07.15].

Применительно к лексеме *ментальность* интересны контексты, в которых дается типология ментальностей по идеологическому признаку – в этих случаях, помимо множественного числа, лексема приобретает неузואальные прилагательные в роли определений:

Так, В.Е. Семенов предлагает следующую типологию ментальностей: православно-российская, коллективистско-социалистическая, индивидуалистско-капиталистическая, криминально-мафиозная и мозаично-конформистская псевдоментальность (порождение

массовой культуры, конгломерат осколков указанных ментальностей) [Т.Г. Стефаненко. Этнопсихология (1999)].

Конкретизация абстрактного существительного типа *менталитет* и *ментальность* создает условия для дальнейших семантических преобразований по линии усиления конкретного представления абстракции, а именно — в направлении уже концептуальной метафоризации этих лексем по модели овеществления или одушевления, в духе концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона [6; 13]. Иными словами, помимо множественного числа эти лексемы приобретают также неузвальную сочетаемость (глагольную или генитивную), которая актуализует чувственно-воспринимаемое представление, возникающее в узусе за данными концептами в русской языковой картине мира.

Так, в моделях овеществления менталитеты могут мыслиться как детали неких сооружений или устройств, которые, например, могут соединяться или притираться друг к другу, а то и, напротив, быть несовместимыми:

Именно соединение в равной степени европейского и американского менталитетов дает Сибири уникальный шанс продемонстрировать явление нового сообщества – Евроамерики [Игорь Князев. Сибирь – Россия – Европа // «Неприкосновенный запас», 2003.07.14];

Не менее важна координация нашей деятельности, скажем так, притирка менталитетов, и очень большая роль здесь отводится Совету по комплексной программе во главе с академиком Геннадием Андреевичем Месяцем [М.Д. Прохоров, Г.А. Месяц. Водородная энергетика и топливные элементы // «Вестник РАН», 2004];

Но ведь проблема никуда не делась и не изменилась. Боюсь, она в несовместимости менталитетов народов. Может быть, внятно сказать: вот вам независимость, но отныне граница на замке [Все же это выход. Обратная связь // «Известия», 2002.10.29],

Ментальности, подобно биологическим объектам, могут, например, сплетаться:

Поэзия Зейферт – это интуиция и высокий уровень версификации, традиция и эксперимент, сплетение разных ментальностей, темпераментов, языковых элементов (словотворчество), сближение и столкновение генетически разных слов ради новых граней преломления смыслов... [Игорь Дуардович. Всегда женщина // «Волга», 2012].

Представление абстракции в качестве конкретно-чувственного объекта, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, относится к классу онтологических концептуальных метафор [6]. Еще один вид подобных метафор – осмысление абстрактной сущности в качестве некоего трехмерного пространства, имеющего пределы, границы, что видим для словоупотребления во множественном числе *ментальности*:

От Истории Фуко ожидается именно этой детерминации видимого и высказываемого в каждую эпоху, детерминации, выходящей за пределы типов поведения и ментальностей, а также идей, поскольку она делает их возможными» [И.М. Чубаров. Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда (2014)].

В контекстах одушевления, в которых абстрактным лексемам приписываются логические или грамматические предикаты, в норме приписанные живым, активно и целесообразным действующим существам, словоупотребление *менталитеты* может, например, сочетаться с глаголом *обнаруживать*:

Федеральный и московский менталитеты быстренько обнаружили родство, а, быть может, вышедшая из прекрасного города на Неве Н.Л. Дементьева презирает всю эту московскую деревню? [Алексей Комеч. Пятизвездочный доход. Перестраивая гостиницу «Москва», власть реанимирует дух сталинской Москвы // «Известия», 2002.07.28].

Ментальности, подобно живым существам или группам живых существ, могут вступать в конфликт:

Даже после отмены в 1966 году режима военных администраций в арабских районах ... государственная политика в отношении арабов строилась исходя из предположения об имманентно присутствующем им «конфликте ментальностей», то есть противоречии между самоидентификацией с Израилем и арабским миром [Григорий Меламедов, Алек Эпштейн. Двунациональное еврейское государство. Отчет Комиссии Т. Ора и проблемы арабского сектора в Израиле // «Вестник США», 2003.10.01];

Я снял заляпанные очки и поплелся на работу, до которой оставалось несколько шагов, уныло думая при об этом об издержках провинциальной жизни, о конфликте ментальностей, о брэнности всего сущего... [С.И. Ваксман. Я стол накрыл на шестерых (главы из романа) // «Уральская новь», 2002].

В целом проанализированный материал показывает значительный потенциал конкретизации абстрактного концепта «менталитет / ментальность», заложенный в моделях метонимизации и метафоризации его репрезентантов — лексем *менталитет* и *ментальность*.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 18–39.
2. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. – С. 69–70.
4. Жуковская Л.И. Грамматические преобразования лексем *менталитет* и *ментальность* как признаки культурного освоения инокультурного концепта // Русский язык в поликультурном мире: III Международный симпозиум (8–12 июня 2019 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. научн. статей. В 2-х т. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. Том 1. – С. 384–389.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002. – 392 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. М.: Едиториал, 2004. – 356 с.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. –Режим доступа: // www.ruscorgo.ru. (дата обращения: 12.09.2020).
8. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №. 6. Ч. 2. – С. 569–573.
9. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас–Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 49–54.
10. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. – С. 107–115.
11. Радбиль Т.Б. Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. – С. 63–79.
12. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. – 232 с.
13. Чернейко Л.О. Логико-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ДОВОЛЬНЫЙ* В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Л.Ф. Килина

kilin_74@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
(Ижевск)

Несмотря на длительную традицию изучения имени прилагательного, его семантические свойства и грамматические характеристики до сих пор нуждаются в описании. По мнению ученых, прилагательное занимает особое место в грамматической структуре русского языка: «...русский человек активно воспринимает и интерпретирует мир через совокупность признаков его отдельных фрагментов, формируя таким образом его атрибутивный портрет» [3, с. 124]. Трудности, связанные с описанием семантики прилагательных, обусловлены широтой их смысловой структуры и зависимостью от контекста: «Чем обобщеннее обозначаемый прилагательным признак, тем шире круг явлений, которым он может быть приписан, и соответственно шире сочетаемость прилагательного с существительными, называющими эти явления» [10, с. 134].

Формирование прилагательного как части речи в русском языке начинается с древнейших времен [4, с. 49], поэтому продуктивным представляется диахронический подход к исследованию лексических и грамматических особенностей прилагательных, который позволяет установить основные направления изменения их смысловой и грамматической структуры. С этой точки зрения несомненный интерес представляет прилагательное *довольный*, которое, согласно данным современных толковых словарей, имеет значение ‘испытывающий чувство удовольствия, удовлетворения; выражающий чувство удовольствия’ [1, с. 266], в словаре «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой указано еще одно значение (с пометой *устаревшее*) – ‘значительный, достаточный’, для иллюстрации которого приведены примеры из классической литературы: *В крепости находилось до тысячи гарнизонных солдат и послушных; довольное количество пороху, но мало съестных припасов. Пушкин, История Пугачева. Уже спустя довольное время я сам поусомнился, заметив, что ничего не помню из*

дивной статьи. Белинский, Письмо В.П. Боткину, 15 янв. 1841. *Мы приехали с ним вместе [на вечер] и застали довольное число гостей.* Писемский, Виновата ли она? [6, с. 414]. Итак, прилагательное *довольный* сейчас характеризует состояние человека, испытывающего удовлетворение от чего-либо, в предложении может выполнять как предикативную (*Я доволен жизнью. Учитель доволен своим учеником*), так и атрибутивную (*довольный человек, довольное лицо, довольный вид*) функцию, сочетается с существительными в творительном падеже (*доволен кем? чем?*).

В исторических словарях русского языка мы обнаруживаем большее количество значений анализируемого прилагательного, причем при описании того или иного значения через две косые черты приведены еще его оттенки. Так, в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» указаны значения ‘довольный, довольствующийся’ и ‘достаточный, необходимый // пригоден для чего-л., способен; достоин чего-л. // подобающий, положенный кому-л. // значительный, немалый’ [5, с. 29–30]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксированы 4 значения: ‘достаточный’, ‘удовлетворенный’, ‘значительный, многочисленный // обильный, щедрый // преклонный (о возрасте)’, ‘способный, достаточно искусный’ [7, с. 279]. В «Словаре русского языка XVIII века» обнаруживаем 3 значения: ‘достаточный, удовлетворяющий чему-л. // способный к чему-л. // знающий, умеющий’; ‘не малый, изрядный; многий, многочисленный // изобильный, богатый // имеющий что-л. в нужном, достаточном количестве’; ‘довольствующийся чем-л., удовлетворенный // испытывающий удовольствие, радостное удовлетворение // выражающий удовольствие, удовлетворение’ [8].

Таким образом, у прилагательного *довольный* в древности была более сложная семантическая структура, оно могло характеризовать человека и неодушевленные предметы, имело достаточно широкую сочетаемость. Проиллюстрируем это на примерах из русских летописей XV–XVI вв., представленных в старорусском подкорпусе Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>). Выбор именно летописей в качестве материала для исследования обусловлен тем, что «летописные своды широко отражают разные стороны жизни средневековой Руси: правительственную, церковную, хозяйственную, военную и другие», «дают представление о реализации категории качества

в конкретных языковых единицах, а также об их синтагматической дистрибуции» [2, с. 27].

В атрибутивной функции прилагательное *довольный* (*довольнь*) употребляется в сочетании с существительными *час*, *время*, *лето*, например: Месяца септевриа 5, бысть чудо преславно: явися на небеси 3 месяца и стояху **доволенъ час** близъ другъ друга, в нощи, к недели пред заутрении. Псковская 2-я летопись (1400–1486); По **времени** же **доволенъ** Сава, оставивъ отечество, поиде во Святую гору въ свои молчальни келіи, и пребысть **время довольно** въ молчаніи. Никоновская летопись (1176–1362 гг.) (1526–1530); И пребысть въ святительствѣ и въ учительствѣ **лѣта довольнона**, уча слову божию и по благочестии побаряя, правя слово истинныя православныя вѣры, поставляя епископы, иерѣя и диаконы. Московский летописный свод (1479–1492). В подобных фрагментах, как правило, речь идет о больших промежутках времени, т.е. реализуется значение ‘значительный, многочисленный’, однако для носителя современного русского языка разница между этим значением и значением ‘достаточный’ не всегда очевидна.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в примерах, в которых *довольнь* сочетается с существительными, обозначающими материальные ценности (*корм*, *обиход*, *злато*, *милостыня*, *мзда*), например: И честнѣ ихъ велѣл государь держати и **кормъ доволен** давати от своих царских погребов и полат. Лебедевская летопись [события 1553–1563 гг.] (1567–1576); Повелѣ же у него устроити детеи боярскихъ и дьяковъ из всякихъ дворовыхъ и приказныхъ людеи и пожаловати из своеѣ казны, **обиход** же ему повелѣ давати з дворца **доволенъ**. Лебедевская летопись [события 1553–1563 гг.] (1567–1576); Повелѣ же по немъ государь **милостыню** дати **доволену** по церквамъ. Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного (1563–1567).

В нескольких примерах *довольнь* употребляется в сочетании с существительными *дружина*, *воинство* для обозначения достаточного (большого) количества людей, например: Констяннти[нѣ] же, иже того братъ ото иныя матери, **довольно воинство** собравъ, и посла въскор[ѣ] уступити царствія веля, «нѣсть, рече, слышано отъ вѣка слѣпу быти царю», и сія рече укоряя его. Никоновская летопись (1176–1362 гг.) (1526–1530); Таже, цѣловавшеся, разлучихомся; онъ возвратися ко граду, мы же поидохомъ напредъ; и отпусти съ нами боярина своего

Станислава з **доволною дружиною**. Никоновская летопись (1362–1424 гг.) (1526–1530).

Значительным могло быть не только количество, но и размер, поэтому анализируемое прилагательное употреблялось в сочетании с существительным *отчина* ‘владение, удел, земельная собственность’: и веля ему взяти их на свой петрахиль, и глаголя: «А яз рад их жаловати и отца их, великого князя, выпущу, и **отчину** дам им **доволню**». Холмогорская летопись [852–1559 гг.] (1540–1560). В сочетании с существительным *слезы* (один пример) реализуется значение ‘обильный’: Въ соборную же церковь пресвятыя владычици наша Богородици приснодѣвы Маріи князь великій вшедь, къ чюдотворнѣй иконѣ пречистыя Богородици Владимирскіа, и многа моленіа совершивъ и **слезы доволны** изліа. Никоновская летопись (1425–1506 гг.) (1526–1530).

В одном фрагменте прилагательное *довольнь* характеризует отвлеченное существительное *взыскание* ‘поиск’: и сшедшимъся архиепископом и епископомъ в преименитыи и царствующии град Москву, и бывшу **взысканию доволну** о митрополите. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича (1553–1555). Здесь повествуется о том, как великий князь Иван Васильевич собрал архиепископов и епископов, чтобы найти митрополита. Этот пример интересен тем, что в этом случае достаточно сложно определить значение прилагательного, т.к. искать могли долго (значительное количество времени) или среди большого количества претендентов.

Во всех приведенных выше примерах рассматриваемое прилагательное употребляется в функции определения и имеет значения ‘достаточный’, ‘значительный, многочисленный // обильный’. Именно эти значения являются наиболее распространенными в летописях XV–XVI вв.: они реализуются в 35 контекстах из 58.

В значении ‘удовлетворенный’ прилагательное употребляется только в предикативной функции, например: Да отселе, братия моя возлюбленная, останемся от несытъства своего, но **доволни** будете уроки вашими, яко и Павел пишеть: «ему же дань, то дань, ему же урок, то урок». Вологодско-Пермская летопись (852–1538 гг.) (1550–1590); буди **доволень** своимъ, а чюжаго не ищи; кто тя научи тако насильствовати и чюжая восхищати? Никоновская летопись (859–1176 гг.) (1526–1530). В этих и подобных примерах прилагательное, как и в

современном русском языке, сочетается с существительными или местоимениями в форме творительного падежа.

В нашей выборке есть примеры, в которых *довольнь* употребляется в предикативной функции в сочетании с инфинитивом: ...и кто можетъ сказати труды его? или хто **доволенъ изглаголати** подвиги его, како претръпѣ единъ живый въ пустыни? Никоновская летопись (1362–1424 гг.) (1526–1530); рече: «азъ не **доволенъ благословити** его, но оже дасть ему богъ и святая богородица и пресвященны патриархъ и вселеньскый съборъ». Московский летописный свод (1479–1492). В таких случаях, судя по всему, реализуется значение ‘способный, достаточно искусный’.

Особое внимание следует обратить на единственный контекст, встречающийся сразу в нескольких летописях, в котором субъект при предикате не является человеком: Но токмо глаголемъ: велии еси, господи и, чюдная дѣла твоя, ни едино же **слово доволно** к похвалению чудес твоих. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича (1553–1555). Это случай интересен еще и тем, что прилагательное здесь управляет существительным в дательном падеже, подобный пример приведен в «Словаре русского языка XVIII века» как иллюстрация к значению ‘достаточный, удовлетворяющий чему-л.’: Что пользуют нам языцы иностранныи, не доволен ли един наш славенский ко глѣанию. ЛП Предисл. 5 [8]. Учитывая это, приведенный выше летописный фрагмент можно перевести как *не достаточно же только слова, чтобы похвалить чудеса твои*.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что с течением времени прилагательное *довольный* перестало обозначать большое (достаточное) количество чего-либо (кого-либо), а также способного, знающего или умеющего человека. Как следствие, произошло сужение лексической сочетаемости этого слова, оно стало употребляться только с существительными, обозначающими человека, а также с существительными *лицо, вид, выражение (лица), смех, улыбка* и под. [9, с. 137]. Изменилась и грамматическая сочетаемость данного прилагательного: если раньше оно могло употребляться в сочетании с инфинитивом, а также с существительным в дательном падеже (*довольнь к чему?*), то сегодня возможны только сочетания с существительными в творительном падеже без предлога (*доволен кем? чем?*).

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.
2. Ерофеева И.В. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом -ьн- в Московском летописном своде 1479 года // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 2. – С. 27–43.
3. Климова Ю. А. Русские имена прилагательные: атрибутивная картина мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 69. – С. 122–127.
4. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с. (Slavica Petropolitana).
5. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. III. Добродетельно–Изжечис / И. В. Андрианова и др. М.: Русский язык, 1990. – 510 с.
6. Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. I. А–Й, 1985. – 696 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. Г–Д / сост. Н.Б. Бахилина [и др.]; гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1977. – 403 с.
8. Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Вып. 6. (Грызться–Древный). – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1991. – 256 с. Режим доступа: <http://febweb.ru/feb/sl18/slov-abc/>
9. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. ст. / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1983. – 688 с.
10. Терентьева Е.В. Семантическое содержание прилагательных в функции собственно интенсификаторов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5. – С. 134–139.

“СВОИ СЛОВА У ВРЕМЕНИ ЛЮБОГО” (ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ)

И. А. Меркулова

igell@yandex.ru

ФГАОУ ВО «Воронежский государственный университет»

(Воронеж)

Лексика – важнейшая часть языковой системы. Она играет особую роль в формировании языковой картины мира, являясь языковой интерпретацией экстралингвистической действительности. При этом лексическая система языка наиболее ярко показывает, как членится действительность, какие ее фрагменты выделяются сознанием и репрезентируются в языке благодаря процессу номинации (лексикализации). В лингвистических работах последнего десятилетия лексическая система (словарный состав языка – совокупность номинативных средств, организованных согласно фонологическим, морфологическим и словообразовательным закономерностям) всё чаще называется лексико-семантическая, так как обе эти стороны – лексика и семантика – тесно взаимосвязаны и не могут быть разделены на систему собственно содержания и организации этого содержания.

Целью исследования является обзор активных процессов в современной русской лексике.

Наиболее заметной тенденцией является резкая интенсификация процесса заимствования. При этом слова могут заимствоваться целиком без изменений (*хайп, каршеринг, фолловер, буллинг, баннер, шиммер, спам, контент, худи, кавер, кулер, фриланс, аутфит, дизлайк, репост, кешбэк, коворкинг, буккроссинг, хайлайт, дедлайн, стартап*) или русифицироваться, обрастая русскими аффиксами (*смска, айтишник, интернетовский, сканировать (отсканить), топовый, спонсорство, секундовый, фейковый, троллить, лайкать, постить, гуглить, приаттачить, ангрейдить*). За 2020 год 675 новых слов Институт русского языка имени Виноградова Российской академии наук включил в свой орфографический словарь. Большинство из них заимствованные. Одна из причин активизации заимствований видится в широком распространении виртуального общения и его жанров (блоги, форумы, чаты, интернет-комментарии, интернет-отзывы, сообщения в

мессенджерах). Интернет-пространство становится полноценной коммуникативной средой, поставляющей неологизмы. Некоторые исследователи склонны говорить об электронной непрофессиональной письменной речи как самостоятельном модусе существования русского языка [3], а обозначение «устно-письменная речь» все более закрепляется в лингвистической литературе. Яркой особенностью новых иноязычных слов, используемых в современном русском электронном дискурсе, является их формальная вариантность: графическая и орфографическая. В последнее десятилетие современный русский лексикон активно пополняется заимствованиями, связанными с психологическими и физическими воздействиями на людей (*фишинг, троллинг, буллинг, абьюз, киберсталкинг, слатшейминг, менсплейнинг, лукизм, бодишейминг, эйджизм, моббинг, газлайтинг* и многие другие). Так, слово *кибербуллинг* появилось в обиходе в связи с развитием сетевых коммуникационных технологий, на площадках которых *буллинг* перешел на новый уровень – травля стала анонимной, практически ненаказуемой и недоказуемой.

Вторая тенденция – размывание границ между общеупотребительной лексикой и терминами, включением узкопрофильной лексики в широкий обиход. Все чаще в печати, на радио и телевидении появляются малопонятные слова, известные лишь специалистам, но благодаря настойчивой рекламе и пропаганде быстро распространяющиеся в узусе. «Термины не только теряют свое узкое терминологическое значение, но и становятся объектом всякого рода переосмыслений. На базе терминов в разговорной речи возникают новые, нетерминологические значения путем ассоциаций, сопоставления, сравнения предметов и явлений действительности» [9, с. 86-87]. Приведем фрагмент текста, позаимствованного из новостной подборки на сайте ВГУ: *«Развитие МЦЕ-индустрии имеет большое значение для региональной экономики. В первую очередь оно дает увеличение доли **несырьевого экспорта**. Уникальный туристский продукт, реализуемый в синергии с отраслевыми **локальными брендами** Воронежа способствует увеличению числа первичных и повторных **туристских прибытий**. Воронежский государственный университет активно участвует в развитии **сегмента МЦЕ туризма** Воронежского региона и ЦФО, ежегодно проводит множество деловых и **конгрессных мероприятий**, многие из которых обладают межрегиональным и международным*

статусом, что привлекает в область деловых туристов и **нишевый научно-образовательный сегмент**». В тексте выделены слова и словосочетания, вероятно, хорошо известные представителям данной индустрии, но вряд ли они являются таковыми для всех других. Применительно к современной языковой ситуации можно говорить о своеобразной терминологической экспансии, которую некоторые лингвисты определяют как тенденцию к интеллектуализации лексики, связанную с возрастанием коммуникативной роли терминологии. Очевидно, что кроме как модой на интеллектуализацию высказывания, такую терминологическую атаку в приведенном примере объяснить нечем. Средства массовой информации, использующие новейшие термины из актуальных сфер специальных знаний, активно способствуют их детерминологизации. Да и самих специальных сфер становится все больше. Исследователи отмечают появление новых областей терминообразования и терминографии. Например, сфера туризма, сфера наружной рекламы, индустрия красоты и моды и другие.

Еще одна тенденция развития лексической системы связана со стилистическими изменениями. В первую очередь это проявляется во взаимопроникновении и смешении отдельных стилистических пластов лексики. Например, появлении большого количества жаргонных слов в сферах, для них не предназначенных (публицистический дискурс, общественно-политический дискурс). Несмотря на явные коннотативные признаки (экспрессивность, эмоциональность, сниженность), такие слова невозможно отнести к какому-либо типу жаргона, они общеупотребимы, общеизвестны. Используется даже термин «общий жаргон» [2]. В качестве примера приведем такие слова, как *тусовка (туса), пофигизм, расклад, напряженка, кайфовать, халва, оттянуться, вискарь, фоткать, откат, понты, приколы* и др. В самостоятельный стилистический пласт формируется фамильярная лексика. «Появление таких слов в речи призвано создать обстановку непринужденности и простоты, формировать стиль общения, в котором осуществляется принудительное уравнивание статуса собеседников» [7, с. 31]. Одним из проявлений фамильярности можно считать повсеместное исчезновение отчеств в публикациях, репортажах, интервью. Авторская работа профессора факультета журналистики Аллы Шестериной «Веб-квест «Конфликты: за и против»» удостоена диплома. 85-летний ветеран ВОВ Илья Сорокин встретился со

школьниками. Ректор ВГУ, доктор экономических наук, профессор Дмитрий Ендовицкий вошёл в состав Аттестационной комиссии Минобрнауки России. Главврач детской больницы Леонид Кулешов... – и т.д. А ведь отчество в том виде и в той традиции употребления, которая существует среди носителей русского языка, – индивидуальная и неповторимая особенность именно русского именования. Можно даже говорить об отчестве как этической категории русской речи [5].

Многие исследователи отмечают и такую особенность современной речи, как усиление ее оценочности и экспрессивности. В лексике это проявляется, в частности, в появлении и расширении номинаций людей по социальному признаку, причем преобладают негативные номинации – этнофолизмы (*чурка, азер, пиндос, макаронник*) и социофолизмы (*понаехавшие, либераст, яжемать, православнутый*). Активизация подобных наименований свидетельствует о расслоении общества и неблагоприятной обстановке, при которой осуждаются, высмеиваются, презираются и отрицаются традиционные ценности [6].

К разряду лингвокультурных инноваций относится формирование «русского молодежного языка». И это не сленг, не жаргон, а более широкая форма, характеризующаяся представленностью иноязычных или образованных на базе новой иноязычной лексики инноваций самых разных тематических сфер, а также значительной представленностью специальной терминологии (лексика компьютерных игр, японских аниме и азиатских сериалов). При этом оказываются невостребованными и неизвестными молодежи многие единицы русской лексики, связанные с обозначением принципиально важных понятий русской духовной культуры [4, с. 6].

Чрезмерное использование сокращенных слов и аббревиатур – еще одна яркая примета нашего времени. ФГОУ ВО, МОУ СОШ, МУДОСН СДЮШОР, ГУ ЦСПСиД – все это названия учебных заведений. А.М. Селищев, характеризуя язык революционной эпохи, отмечал, что «сокращение слов носит иступленно-стихийный характер и угрожает в недалеком будущем сделать нашу речь нечленораздельной», а также: «Не только деревня, но и город жалуется на затруднения, причиняемые в общении этими сокращениями, остающимися неясными по своему значению. Эти сокращенные термины своим звуковым видом необычайные для русской речи, напоминают некоторым лицам то завывание

ветра, то птичье щебетанье” [8, с. 167]. Этот “птичий” язык отражает, на наш взгляд, убыстряющийся темп повседневной и деловой жизни современного человека и связанную с ним хроническую нервозность общества, увеличивающийся объем информации и поверхностность в ее усвоении, когда неспешность устной и письменной речи затрудняет общение, раздражает.

Нельзя не заметить появления новых устойчивых сочетаний. Приведем примеры:

Ну такое (себе). Имеет значение сходное с *так себе* – посредственно, средненько, не очень хорошо. Используется для характеристики не действий, а объектов, причем грамматически по-разному оформленных. – *Как тебе фильм (м.р.)?* – *(Ну) такое (себе)*. – *Тебе нравится моя новая машина (ж.р.)?* – *Ну такое себе*. Использование среднего рода как бы лишает объект оценки значимости, важности.

От слова совсем используется в значении «совсем, полностью». *Я не люблю мыть посуду от слова совсем. Она не подходит на эту роль от слова совсем. И вообще меня не понимала, когда я пыталась объяснить, что ребёнок (4, 5 года между прочим) вообще с ней один на один не останется без меня и разговаривать тем более не будет, как говорится, от слова совсем*. Как видно из примеров, в первой части конструкции должен быть глагол с отрицанием. Подробнее об этом выражении [1].

Я тебя (вас) услышал. Обычно используется, когда хотят сказать: «Я принял к сведению все сказанное, но это не обязательно буду что-то делать». Предположительно, эта фраза – перевод английского "I hear you", означающее «Я вас слушаю». Но по-русски эта фраза имеет несколько иное значение, поэтому получил распространение более приемлемый перевод, который в русскоязычной модели часто воспринимается как уклонение от прямой реакции, вежливый отказ или банальное незнание, как ответить.

Таким образом, анализ основных тенденций развития лексико-семантической системы показывает, что развитие лексики русского языка на рубеже XX—XXI веков характеризуется принципиальными изменениями под влиянием общемировых процессов глобализации и стремительного распространения электронной коммуникации. Это приводит к возникновению новых лексических и фразеологических единиц, распространению новых заимствований, к различным

семантическим и стилистическим трансформациям и др. Наиболее активным процессом в развитии лексической системы русского языка начала XXI в. продолжает оставаться обогащение за счет заимствований.

Литература

1. Белоусов С.С. От слова совсем как грамматическая конструкция // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7-1 (160). – С. 72–77.
2. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. – 273 с.
3. Загоровская О.В. Естественная (непрофессиональная) письменная речь как модус существования современного русского языка и "зеркало" идиолекта его носителя // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. №2 (283). – С. 202-206.
4. Загоровская О.В. Об инновациях в русской лингвокультуре XXI века // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2020. № 30. – С. 3-7.
5. Ковалев Г.Ф. Отчество как этическая категория русского языка // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Сб. мат-лов IV Международной научно-методической конференции. Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2016. – С. 359-364.
6. Меркулова И.А. Активизация социофолемов в современной русской речи // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. Москва: Флинта, 2021. – С. 434-445.
7. Очерк современной речевой практики. / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Ритм», 2021. – 304 с.
8. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). Изд. 2-ое, стереотип. – М.: УРСС, 2003.
9. Собянина В. А. Процесс возникновения специальной лексики на основе обиходно-разговорной // Вопросы лингвострановедения и лексикологии. М., 2003. – С. 82–93.

ЭЛАТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ТЕКСТЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

С.Л. Михеева

mikhsveta@rambler.ru

Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева
(Чебоксары)

Прилагательные, имеющие в своем составе так называемые уменьшительно-ласкательные (-еньк- / -оньк- и т.п.) или увеличительные (-ущ- / -ющ- / -енн- и т.п.) суффиксы, определяются в грамматических описаниях как «формы субъективной оценки» [6, с. 296-299]. К числу характеризующих их свойств относят семантическую несамостоятельность (сохранение основного лексического значения производящего адъектива), стилистическую маркированность (слова имеют ярко выраженный разговорный, в некоторых случаях просторечный характер), эмоциональную окрашенность (используются в речи для передачи особого эмоционального состояния), наличие оценочного компонента в лексическом значении (рассматриваемые прилагательные имеют общую смысловую основу – обозначение степени качества) (см. в частности [7]). Последнее позволяет увидеть в формах субъективной оценки слова, обладающие ярко выраженным интерпретативным потенциалом, что делает их одним из средств вербализации интерпретативной деятельности сознания. Высказываемое положение значимо с точки зрения характеристики идиостиля того или иного автора – создателя художественного мира произведения.

Понятие идиостиля имеет множество трактовок. В своем рассуждении мы основываемся на следующем определении: «Идиостиль – это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих текстах авторский способ языкового выражения и стиль его мышления. <...> Под идиостилем же понимается совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определенного автора, которые определили появление этих текстов именно в такой последовательности» [8].

Характерной особенностью создаваемого Ф.М. Достоевским художественного мира является чрезмерность, иногда подчеркнутая

гиперболизация в изображении поведения персонажей, в проявлении их качеств, с одной стороны, и в трактовке и оценке поведения и качеств, с другой (см. в частности представление такого пласта смысловых доминант текстов Достоевского, как «вакхическая ситуация», в [2], [3]). Этот эффект в текстах достигается при помощи разнообразных языковых средств (см. в частности [9]). К их числу следует отнести и рассматриваемые в настоящей статье прилагательные субъективной оценки. Остановимся далее подробнее на функционировании этих адъективных слов в тексте романа «Бесы».

Текст этого романа насыщен элативами – прилагательными в особой форме, номинально соотнесенной с категорией степеней сравнения, но отличающейся «повышенной интенсивностью при оценочной модальности» [5]. В словаре Т.Ф. Ефремовой *элатив* определяется как «омонимичная с превосходной степенью форма имени прилагательного, обозначающая безотносительно высокую степень качества (*величайший художник, злейший враг* и т.п.)» [4]. В отличие от собственно превосходной степени – суперлатива элатив предназначен не для передачи идеи сравнения, а для выражения подчеркнуто оценочного отношения субъекта речи к определяемой предметной сущности. Элатив, таким образом, оказывается «втянут» в семантическую сферу форм субъективной оценки (см. в частности [1]).

Семантику оценки принято представлять в виде некоей шкалы с полюсами «хорошо» – «плохо», между которыми располагаются зоны перехода от одного семантического акцента к другому. В тексте формы субъективной оценки имен прилагательных приобретают и развивают дополнительные семантические, экспрессивно-стилистические и прагматические оттенки, организуя собственные смысловые полюсы – преувеличения и преуменьшения, которые накладываются на собственно оценочную шкалу.

Полюсы преувеличения и преуменьшения определяются по словообразовательному форманту в составе адъективной основы: соответственно это слова с суффиксами *-ущ-* (*здоровущий*), *-енн-* (*здоровенный*), *-ейш-* (*милейший*), *-айш-* (*высочайший*), *-ш-* (*высший*) (могут сопровождаться приставкой *наи-* – *наиблагороднейший*), с одной стороны, и слова с суффиксами *-еньк-* (*хорошенький*), *-оньк-* (*сухонький*), с другой стороны.

Насыщенность текста романа элативами – стилистическая черта литературного языка времени написания романа и разговорной речи интеллигентской среды этого времени (дворяне и разночинцы). Эти формы употребляются в репликах персонажей, связанных с характеристикой человеческих взаимоотношений – например, частотно употребление их в составе обращений (*милостивейший государь* и т.п.): – *Ты, любезнейший, врешь, и смешно мне тебя даже видеть, какой ты есть легковёрный ум.*¹; – *Видите, милейший Петр Степанович, вы называете нас чиновниками от правительства?*; при непосредственной оценке собеседника или третьего лица: – *Сердце у вас доброе, Nicolas, и благородное, – включил, между прочим, старичок, – человек вы образованнейший <...>; Неуклюжий, но стыдливый Шатов нежностей не любил. Снаружи человек был грубый, но про себя, кажется, деликатнейший.* Одной из характерных особенностей в этом случае является употребление прилагательного в роли предиката, что, на наш взгляд, усиливает и подчеркивает собственно интерпретативный компонент высказывания. Кроме того, адъектив в предикативной функции оказывается средством реализации каузальных внутритекстовых связей. В частности, качество Шатова *деликатнейший* находит подтверждение в последующем более отдаленном контексте: это его поведение в ситуации, когда к нему возвращается жена, беременная от другого человека, и Шатов делает все возможное в его положении, чтобы помочь женщине.

Формы субъективной оценки в повествовании становятся одной из речевых примет рассказчика – участника и свидетеля многих ключевых событий сюжета, собеседника героев – это *Антон Лаврентьевич Г-в*. В его описаниях эти адъективы буквально являются средством выражения именно субъективной оценки. Элатив используется для экзальтации образа или дополнительной драматизации сюжетной линии. Во фрагментах, представляющих облик и характер, поступки Степана Трофимовича Верховенского, эти формы регулярны, встречаются и окказиональные образования: *Уверь кто-нибудь тогда честнейшего Степана Трофимовича неопровержимыми доказательствами, что ему вовсе нечего опасаться, и он бы непременно обиделся. А между тем это был ведь человек умнейший и даровитейший, <...>; Да он и нуждался в няньке, потому что становился иногда очень странен: в середине самой возвышенной скорби он вдруг зачинал смеяться самым*

простонароднейшим образом; Фраза «*dans le pays de Makar et de ses veaux*» (страна Макара и его телят – С.М.) означала: «куда Макара телят не гонял». Степан Трофимович нарочно *глупейшим образом* переводил иногда русские пословицы и коренные поговорки на французский язык, без сомнения умея и понять и перевести лучше; но это он делывал из особого рода шик и находил его остроумным; <...> Такое *полнейшее, совершеннейшее незнание* обыденной действительности было и умилительно и как-то противно. Перечень иллюстраций может быть продолжен большим количеством фрагментов, в которых речь идет об одном из главных действующих лиц романа. Они создают образ человека, с одной стороны, возвышенного и прогрессивного, с другой же – абсолютно непрактичного, ограниченного, очень сильно оторванного от реальности, с которой он постоянно буквально сталкивается вплоть до драматического финала своей жизни.

Рассказчик, используя элативные формы, пытается сделать свое повествование максимально воздействующим на читателя, в своих максималистских, иногда утрированных оценках пытается найти ответ на вопрос, как же могло случиться все, что случилось, в обществе людей благоразумных, рассудительных, незыблемо чтущих законы общественного приличия. Наиболее явно этот смысловой контраст нарастает в части романа, посвященной описанию подготовки и проведения праздника, вылившегося в многослойный скандал. Приведем некоторые фрагменты: *Солиднейшие из наших умов* дивятся теперь на себя: как это они тогда вдруг оплошали?; <...> А между тем *дрянейшие людишки* получили вдруг перевес, стали громко критиковать всё священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а *первейшие люди*, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так *позорнейшим образом* подхихикивать.

Особого внимания заслуживают словосочетания с прилагательным *благороднейший*.

Согласно данным Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ)², лексема *благороднейший* в тексте романа встречается в 8 контекстах и в 4 в варианте *наиблагороднейший*. Эта характеристика связана с темой капитана Лебядкина и его помешанной сестры Марьи Тимофеевны, на которой женат Николай Ставрогин: – *Сударыня, я еще не помешан! Я буду помешан, буду, наверно, но я еще не помешан!*

Сударыня, один мой приятель – **бла-го-роднейшее** лицо – написал одну басню Крылова, под названием «Таракан», – могу я прочесть ее? В сцене представления басни, якобы написанной приятелем Лебядкина, а на самом деле им самим, это прилагательное для самого Лебядкина – средство сохранения достоинства в щекотливой для него ситуации. Для стороннего же наблюдателя вложенное в уста полупьяного человека, славящегося своим взбалмошным нравом (*дикий капитан* – в восприятии Лизы Дроздовой), это слово приобретает ироническое звучание – именно звучание пытается передать автор, графически в тексте разделяя прилагательное на слоги (ср. также примеры из речи Лебядкина: – *Люблю, коли с обществом, кла-сси-чес... значит, **о-бразо-о-ваннейший...** отставной капитан Игнат Лебядкин, к услугам мира и друзей... если верны, если верны, подлецы!; Вот когда он в этом преддверии, – сударыня, тут и случается, что он отправит **письмо** в стихах, **ве-ли-ко-лепнейшее**, но которое желал бы потом вернуть обратно слезами всей своей жизни, ибо нарушается чувство прекрасного).*

Наиблагороднейшим лицом также оказывается Липутин, один из ключевых персонажей романа, – сплетник, мелочный скряга, каким видит его Николай Ставрогин, и одновременно яростный сторонник «*будущей фаланстеры, в ближайшее осуществление которой в России и в нашей губернии он верил как в свое собственное существование*» и ради которого готов пойти на убийство. За этой характеристикой Липутин пытается замаскировать себя, сообщая в виде очередной сплетни историю о передаче капитану Лебядкину денег от Ставрогина через Дарью Шатову: – *Тут случай вышел-с, сообразите-ка: выходит, что его превосходительство будто бы выслали еще из Швейцарии с **одною** **наиблагороднейшею** **девицей** и, так сказать, скромною сиротой, которую я имею честь знать, триста рублей для передачи капитану Лебядкину. А Лебядкин немного спустя получил точнейшее известие, от кого не скажу, но тоже от **наиблагороднейшего** **лица**, а стало быть **достовернейшего**, что не триста рублей, а тысяча была выслана!.. Стало быть, кричит Лебядкин, девица семьсот рублей у меня утащила, и вытребовать хочет чуть не полицейским порядком, по крайней мере угрожает и на весь город стучит... – Это подло, подло от вас! – вскочил вдруг инженер со стула. – Да ведь **вы сами же и есть это** **наиблагороднейшее** **лицо**, которое подтвердило*

Лебядкину от имени Николая Всеволодовича, что не триста, а тысяча рублей были высланы. Ведь мне сам капитан сообщил в пьяном виде.

Подлость Липутина заключается в расстановке оценочных акцентов: называя *девицу наиблагороднейшей*, он в то же время ставит под сомнение ее «благородство», косвенно уличая ее в краже. В собственном же «благородстве» он не сомневается, так как он – *наиблагороднейшее лицо, а стало быть достовернейшее* как источник информации.

Таким образом, введенное в речевые действия персонажей, вызывающих у читателя сомнения в своем нравственном облике, прилагательное *благороднейший* с исходной положительной оценочной коннотацией подвергается девальвации, будучи переосмысленным в ироническом ключе.

Примечания

¹Текст цитируется по изданию: *Достоевский Ф.* Бесы: роман / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Н. Будановой. М.: Худож. лит., 1990. 672 с.

²Национальный корпус русского языка – электронный ресурс: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения – 03.02.2022).

Литература

1. Демидова Е. Б. «Чудеснейшая вещь» (Превосходная степень в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Русская речь. 2016. № 4. – С. 25-30.
2. Димитриева О. А. О вакхической лексике в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русская речь. 2020. № 1. – С. 56-67. DOI 10.31857/S013161170008295-3.
3. Димитриева О. А. «В России пьяные люди у нас самые добрые...» (Об образе пьяного человека в произведениях Ф. М. Достоевского) // Мир русского слова. 2019. № 3. – С. 56-61. DOI 10.24411/1811-1629-2019-13056.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. В 2 т. Т. 2: П – Я. М.: Рус. яз., 2000.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2005. – 376 с.
6. Русская грамматика: научные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. – 784 с.
7. Скворецкая Е.В. О статусе так называемых форм субъективной эмоциональной оценки в русском языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (30). – С. 86-93. DOI: 10.15293/2226-3365.1602.07.
8. Фатеева Н.А. К вопросу об изучении идиостиля Ф.М. Достоевского // URL: <https://www.ruslang.ru/doc/grigoriev2020/Fateeva.pdf> (Дата обращения: 17.01.2022).
9. Шарапова Е.В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.

НЕВЕРБАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ПРИРОДА УСТНОЙ РЕЧИ И ЕЁ КОДИФИКАЦИЯ В ЗНАКАХ ПРЕПИНАНИЯ

В.И. Мозговой

towi48@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Практика работы с текстами с большим количеством пунктуационных ошибок не всегда свидетельствует об игнорировании их авторами знаков препинания. Чаще всего речь идёт о недооценке ситуативного многообразия форм высказывания и возникающей в связи с этим проблемой его кодирования и декодирования [4]. Её решение возможно при уяснении простой истины: чтобы грамотно кодировать письменный текст, нужно обладать умением его слышать, и, соответственно, чтобы правильно расшифровывать написанное, нужно научиться его читать. Субъективность трактовки речевого синтаксиса [9] связана, таким образом, с объективной трудностью, вытекающей из некорректных подходов к пунктуации, сформированной школьной традицией смешивания языка с речью [6]:

– подлежащего и сказуемого с существительным и глаголом (в предложении *На небе ни облачка* «не видят» сказуемого, а в предложении *Куришь – здоровью вредит* – подлежащего);

– обстоятельства с деепричастным оборотом и даже с предложным словосочетанием: *не смотря на непогоду* (правильно: *не смотря в текст*, но *несмотря на непогоду*);

– распространённого определения с причастным оборотом [11, с. 9], в результате чего прилагательные с зависимыми словами не подчиняются правилам выделения причастного оборота: *Ночью тревожной и туманной или батальоны*, хотя правильно *Ночью, тревожной и туманной, или батальоны*;

– категории состояния с наречием (в предложении *Жарко и хочется пролады* не «слышат» запятой после сказуемого «жарко»);

– отглагольного прилагательного с причастием, что влечёт за собой ошибочные употребления *-н-* и *-нн-* в словосочетаниях, типа *кованая* и *кованная железом дверь* (*-нн-* во втором случае фиксирует причастие, в котором появляется «действитель» [5]).

В школьной трактовке синтаксиса мы встречаем формулировки, в которых главные члены определяются при помощи вопросов, что разрушает само понятие их «главности»: «Подлежащее – главный член предложения, который обозначает предмет речи (о чём говорится?) и отвечает на вопросы *к т о? ч т о?* и в двусоставном предложении связан со сказуемым», а «...сказуемое – главный член предложения, обозначающий признак подлежащего (действие, состояние, свойство) и отвечающий на вопросы: *ч т о* делает предмет речи? *ч т о* с ним делается? *к а к о в он? к т о он такой? ч т о он такое?»* [10, с. 43–45]. И, далее: «В односоставном предложении только один главный член, и его нельзя назвать ни подлежащим, ни сказуемым. Это просто главный член односоставного предложения», который предлагается подчёркивать «...тремя прямыми линиями» [11, с. 99].

Постулируем, однако, что презентация сказуемого как зависимого от подлежащего разрушает понятие предложения. Его состав, формы словоизменения и смысл грамматического центра становятся недоступными. Однако в предложении не всегда может быть подлежащее или сказуемое, но это не означает, что их нет:

– *Как погода?* (вопрос предполагает ответ-сказуемое).

– *Ветрено* (в формально безличном предложении «восстанавливается» подлежащее *погода*).

Таким образом, только контекст позволяет обеспечить правильную расстановку знаков препинания и орфографическую грамотность [7]. Это особенно актуально для русского языка, где «плавающее» ударение, его многофункциональность (оно силовое, количественное и тоновое одновременно), редукция гласных безударных звуков, вольный порядок слов и способность к логическому выделению любого из них формируют внеязыковой смысл, не всегда улавливаемый представителями иных языковых культур:

Здравствуйте – «приветствие», но *Здра-а-асьте* с характерным поклоном и разведением рук – неприятие собеседника;

На собрание идёшь ты?, *Ты идёшь на собрание?*, *Ты идёшь на собрание?* – ответ «Да» имеет разный смысл: *я; пойду; на собрание;*

На столе лежали и книги, и тетради, и ручки – акцентное выделение «*и*» при отсутствии грамматической связи между глаголом и существительным («*лежали и книги*»?) позволяет считать его усилительной частицей, а не союзом, как заявлено во всех пособиях;

Логичнее поэтому начинать изучение русского языка с синтаксиса речи, а не с морфологии. Иначе запоминание языковых норм превратится в мучительный процесс с огромным количеством ошибок, оправдываемых выводами о мнимой сложности родного языка (?) и безграничных возможностях «авторского вымысла».

В отличие от полуграмотной фиксации письменного текста школьниками дошкольник открывает глубины родной речи без особых сложностей. Не всегда осмысливая значение абстрактных для него понятий и не подозревая о существовании частей речи, он точно оценивает действительностную палитру высказывания.

Так, в конструкции *Холодно, и мама меня тепло одела* дошкольник выделяет две информации, опираясь на «двойное» затухание тона (*Холодно, и мама меня тепло одела*), поэтому запятая перед союзом «и» для него вполне логична. Ребёнок готов к осознанному восприятию знаков препинания, исходя из общей картины звучащего текста [8]. Его социально-ситуативная природа способна решать конкретные задачи, связанные с озвучиванием собственного и восприятием «чужой речи, в которой контекст формирует её общий смысл» [4, с. 82].

Впрочем, парадокс речедеятельностного механизма ещё не до конца осмыслен методикой изучения знаков препинания. В большинстве пособий по пунктуации идеализируется её структурный и смысловой принципы, а интонационный рассматривается лишь как речевой разграничитель [1, с. 394–400].

Между тем А.А. Леонтьев считает этот принцип основной формой становления личности дошкольника, у которого специализированное употребление речевых моделей представляет собой «...частный случай деятельности общения» [3, с. 64]: Л.С. Выготский определяет его как главный способ интеллектуальной деятельности посредством языка, являющегося неотъемлемой составной частью и единством общения и обобщения [2].

В пределах статьи мы попытаемся «раскрыть» особенности перенесения деятельностного восприятия ребёнком речи во «взрослый» мир письменного кодирования на разных этапах его осуществления:

1. Интонационно-невербальный этап. Он формирует умение членить текст, опираясь на интонацию и её визуальный «рисунок»:

А. На нисходящую интонацию в конце высказывания или между его частями: 1) *Вы взобрались на гору.* 2) *И до каких пор ты будешь мною командовать?! 4) Было душно; из леса глухо шумел тёплый ветер.* 5) *Сами видите: всё вокруг в могущественном движении;*

Б. На восходящую интонацию с паузой в середине высказывания: 1) *Мой отец – врач.* 2) *Секунда – и самолёт взлетел;*

В. На частичное понижение тона с перечислением при продолжении высказывания: *Яков открыл глаза, вопрошающим взглядом обвёл всех кругом и увидел, что победа была его* (И. Тургенев);

Г. На тоновое выделение фрагментов предложения, не связанных с текстом: *Народу осталось мало, а травы, как нарочно, уродилось невпрокос* (В. Солоухин); *Они наняли извозчика – Павлика посадили на переднюю откидную скамеечку, а Петя, совершенно, как взрослый, поместился рядом с папой на главном сиденье – и поехали* (И. Катаев).

2. Функционально-смысловой этап, который формирует представление о типах синтаксических связей:

А. Между словами в простом предложении, где главным является **координация** связи между подлежащим и сказуемым, хотя к подлежащему упорно вне контекста ставят вопрос *кто, что?*, а к «зависимому» сказуемому – *что делает оно?, что с ним делается?*

Между тем, если считать главные члены предложения неделимыми, следует признать, что суть подлежащего – тема разговора (о чём идёт речь), сказуемого – идея (информация о подлежащем) и что без явных или домысленных подлежащих и сказуемых предложение существовать не может.

Так, предложение *Вокруг беспредельная сушь, а на небе ни облачка* кажется простым с подлежащим сушь и сказуемым ни облачка. Но, опираясь на «ядерное» понимание грамматического центра, легко опровергнуть этот тезис и определить его как сложносочинённое. В первой его части говорится о состоянии климата (сушь) и «домысливается» сказуемое есть; во второй – расширяется вероятностная информация об отсутствии дождя (составное именное сказуемое нет ни облачка) с «домысленным» подлежащим жара.

Таким образом, логика высказывания предполагает существование темы и идеи в любом из них. Рассуждение о том, что в

односоставном предложении нет ни подлежащего, ни сказуемого, а присутствует только главный член предложения, беспочвенно.

Условным следует считать и деление предложений на односоставные, двусоставные, номинативные, личные и безличные, поскольку они «...базируются на лексических элементах языковой системы, а не на речевом многообразии средств презентации мысли, подчёркнутой в письменной речи соответствующими знаками препинания» [5, с. 110]. Так, в предложении «*Зима!*» предикативность подчёркивается восклицательным знаком.

Проблематично и существование в диалогичной речи исключительно полных предложений. Большинство из них, охватывая контекстные ситуации «живого общения», неполные, но просто не воспринимаемые таковыми коммуникантами. Как правило, они квалифицируют неполное предложение как то, в котором нет подлежащего, сказуемого либо одного из второстепенных членов. Но тогда существуют только неполные предложения, что тоже проблематично: вряд ли возможны высказывания со всеми членами предложения.

Неполными логичнее считать «...предложения, в которых нет полной информации без контекста или оценки ситуации [5, с. 110]. Они, соответственно, делятся на контекстуальные (*Ты коренной дончанин? – Да!*), ситуативные (*М-да... Так... – медленно проговорил фельдшер и вздохнул. – Инфлуэнца, а может быть и горячка*) (А. Чехов), эллиптические (*В котором часу («начнётся») собрание?*) и ситуативно-эллиптические (*Шампанского! Граф приехал! Шампанского!* – Л. Толстой).

Б. Между частями сложного предложения. На основании этой связи традиционно выделяют сложносочинённые, сложноподчинённые и бессоюзные сложные предложения [1], хотя эта классификация вряд ли обоснована [6]: наличие или отсутствие союзов не изменяют характер связи: при добавлении в предложение «*Пришла весна, и прилетели птицы*» ещё одного сказуемого («*Пришла весна, прилетели птицы, распустились деревья*») исключается союз «и», но предложение остаётся сложносочинённым, но и при замене союзов *потому* и *потому что* соответствующей интонацией статус сложноподчинённых предложений тоже не изменяется: «*Пришла весна, потому прилетели птицы*» // «*Пришла весна – прилетели птицы*» (следствие) и «*Прилетели птицы, потому что пришла весна*» // «*Прилетели птицы: пришла весна*» (причина).

3. Деятельностный этап, который связан с принятием решения об употреблении того или иного знака, соотнесённого с типом синтаксических связей:

А. Отсутствием связи между предложениями и частями сложного бессоюзного предложения. В устной речи оно характеризуется нисходящей интонацией завершения высказывания с последующей паузой, что передаётся на письме **точкой**: *Звучный напев чёрного дрозда внезапно раздавался в густой листве вслед за переливчатым криком иволги.* (И.С. Тургенев).

В зависимости от цели высказывания (дать информацию, получить информацию, домыслить её, побудить к действию) точка дополняется надстрочными символами: а) вопросительным знаком: *Русь, куда ж несёшься ты?* (Н.В. Гоголь); б) восклицательным знаком: *Да здравствует солнце, да скроется тьма!* (А.С. Пушкин); в) знаком вопроса со знаком восклицания: *Да что ты говоришь?!* (цель – риторический вопрос, а затем повышение интонации; г) многоточием (не более трёх точек, включая другие знаки); *Друг Моцарт, эти слёзы... не замечай их* (А.С. Пушкин); д) многоточием с вопросительной и восклицательной интонацией: *Сколько жить ещё на свете?!* (А. Твардовский); е) точкой с запятой в бессоюзном сложном предложении с разной по смыслу информацией: *Река вьётся вёрст на десять, тускло синяя сквозь туман; за ней водянисто-зелёные луга; за лугами пологие холмы...* (И. С. Тургенев); ж) двоеточием как аналогом арифметического знака делителя и делимого, если первая часть заканчивается нисходящей интонацией, а вторая раскрывает причину и смысл первой: *Любите книгу: («потому что») она поможет вам разобраться в пёстрой путанице мыслей...* (М. Горький); *Никогда не прекращается работа железнодорожного транспорта: ни днём, ни ночью, ни в стужу, ни в зной* (после обобщающего слова перед однородными членами); *Я только тогда выпрямился и подумал: «Зачем это отец ходит ночью по саду?»* (И. С. Тургенев) – после слов автора перед прямой речью.

Антонимом двоеточия при передаче интонации следствия, вывода, противопоставления, неожиданной смены событий является **тире**, напоминающее знак минуса – **пропуска**, сопровождающегося характерным взмахом руки: *Лес рубят – щепки летят* («**поэтому** щепки летят»); *Ни днём, ни ночью, ни в стужу, ни в зной – **никогда** не прекращается работа железнодорожного транспорта* (однородные члены

перед обобщающим словом); *Значит, родился артиллеристом, – сказал полковник»* (В. С. Гроссман) – после прямой речи перед словами автора; *Секунда – и, мелькая в чаще, олени понеслись вниз»* (Б. Жиденков) – неожиданная смена событий и вывод; *Упали две-три капли дождя – и вдруг блеснула молния* (И. А. Гончаров) – авторская фиксация неожиданности события.

Б. Наличием сочинительной или подчинительной между однородными членами предложения или частями сложного бессоюзного предложения. В устной речи оно характеризуется интонацией перечисления, которое передаётся на письме **запятой**, используемой для соединения:

а) однородных членов предложения с противительными или повторяющимися союзами: *Это была не гроза, а стремительный ураган* (К. Паустовский); *Это был человек с молодым лицом, но седыми волосами* (Э. Казакевич); *Дни стояли пасмурные, однако тёплые* (С.Т. Аксаков.);

б) однородных частей сложносочинённых предложений, связанных сочинительной связью соединительными союзами *и, да, то есть, или, то, ...то, ни, ...ни, а, зато, хотя* или интонацией перечисления, например: *Палящий зной спадал, и от притихшего океана веяло нежной прохладой* (К.М. Станюкович); *Ни один сучок не шелохнётся, ни одна капля дождя на тебя не падёт* (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Запятая не ставится, если в сложносочинённом предложении есть общий второстепенный член: *Часам к двум пополудни сверкнула молния и прокатил гром* (Д. В. Григорович)

В. Неграмматическая связь, которая на письме передаётся обособлением лексических единиц, грамматически не связанных с предложением при помощи парных запятых, скобок и, реже, тире: *Вы отгадаете, конечно, кто этот гость нежданный был?* (М.Ю. Лермонтов.); *Да, да, не к чему, прикажи подавать лошадей»* (И.А. Бунин); *Нет, не выдумывайте, а расскажите всё как было»* (К. Паустовский.); *Тот, казавшийся неразрешимым, узел, который связывал свободу Ростову, был разрешен этим неожиданным (как казалось Николаю), ничем не вызванным письмом Сони* (Л. Толстой) и т. п. При этом для выражения повышенной эмоциональности могут применяться восклицательный или вопросительный знаки: *Нет! Ты уж выслушай!* (А. Толстой.); *Ты вернешься завтра? Да?* (Б. Пастернак).

Г. Грамматическая союзная и бессоюзная связь, применяемая для выделения дополнительной информации:

а) уточнений⁵ обстоятельств места, времени, дополнений, которые предполагают вопрос «а именно что?, кто?, где?, когда» и т. п.: *Здесь, наверху, на ветру, ощущения морской болезни были не так мучительны, как в душной каюте* (К.М. Станюкович);

б) условных уточнений, выраженных распространёнными определениями, стоящими после определяемого слова, в том числе имеющих причинное значение или относящихся к имени собственному или личному местоимению: *Резкие звуки рожка, игравшего сбор, заставили меня вздрогнуть* (В. М. Гаршин); *Начитанный и образованный, он знал несколько иностранных языков* (А. С. Новиков-Прибой); *Худой, с воспалёнными глазами, Павел яростно взмётывал лопатой* (Н. Островский);

в) обстоятельств, фиксирующих добавочное действие или условие действия: *Сверкая быстро в вышине, кружились искры* (М.Ю. Лермонтов); *Несмотря на дожди, материалы для строительства были подвезены вовремя*;

г) обособленных приложений: *И ворон, птица умная, присел, сидит на дереве у самого костра* (Н.А. Некрасов).

д) придаточных предложений⁶ и сравнительных оборотов: *Однажды в мае месяце, когда Город проснулся, сияющий, как жемчужина в бирюзе, и солнце выкатилось освещать царство гетмана, когда граждане уже двинулись, как муравьи, по своим домишкам и заspanные приказчики начали открывать рокочущие ишторы, прокатился по городу страшный и зловеющий звук* (М. Булгаков);

е) сложноподчинённых предложений с соподчинением, исключая запятую между их частями: *«Фома плохо понимал, когда Егор шутит и когда он говорит серьёзно»* (М. Горький).

⁵ **Уточнения** – это переход от более широкого понятия к более узкому. Логика уточнений связана с сужением информации по принципу «матрёшки», поэтому ошибочным является выделение запятыми словосочетаний, которые не являются таковыми: *После занятий, я должен сначала отдохнуть*.

⁶ Наиболее важными из них являются придаточные предложения, которые вставляются внутрь основного текста: *Улица, по которой он теперь шёл, была по обеим сторонам обсажена липами* (А. Чаковский); *Когда я вбежал в ворота, под которыми было очень темно, уже никого не было* (Ф.М. Достоевский).

Вывод. Ознакомление с этапами усвоения пунктуационных норм ждёт своего дальнейшего развития в методике преподавания русского языка и её закрепления в учебной практике соответствующим комплексом тренировочных упражнений.

Литература

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Учебник для вузов / Н.С. Валгина. М. : Высшая школа, 1973. – 423 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. / Л.С. Выготский. М. : Издательство «Лабиринт», М. , 1999. – 352 с.
3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. / А.А. Леонтьев. М. : Просвещение, 2007. – 214 с.
4. Мозговой В.И. Синтаксис речи и проблемы пунктуации / В.И. Мозговой. // Русский язык в поликультурном мире: I Межд. симпозиум (8-12 июня 2017 г.) сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. Т.2. – С. 81–89.
5. Мозговой В.И. Методика изучения знаков препинания в контексте синтаксиса речи / В.И. Мозговой. // VIII Международный Крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Сборник докладов. Отв. редакторы А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев, 2017. – С. 109–111.
6. Мозговой В.И. Логика и смысл русской пунктуации в контексте синтаксиса речи / В.И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. Т. 4, № 1. Севастополь: СГУ, 2018. – С. 61–67.
7. Мозговой В.И. Специфика русской пунктуации как невербального продукта речи / В.И. Мозговой. // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. научн. трудов Международного научного семинара «In memorem: профессор Н. А. Луценко» (Донецк, ДонНУ, 13 декабря 2017 г.); отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. Донецк: ДонНУ, 2018. Вып. 3. – С. 97–106.
8. Мозговой В.И. Пунктуация как отражение смысла невербальных средств коммуникации родного языка / В.И. Мозговой. // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты : сб. научн. ст. / Витеб. гос. ун-т ; под общ. ред. И.П. Зайцевой. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 61–66.
9. Пермякова Т.Н. Двоеточие и тире: к вопросу о конкуренции / Т.Н. Пермякова. // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.): Сб. науч. статей: в 2 т. Т. 1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 200–206.
10. Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И., Львов В.В. Русский язык. 8 кл.: учебник / под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. 6-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2019. – 270 с.
11. Тростенцова Л.А., Ладыженская Т.А., Дейкина А.Д., Александрова О.М. Русский язык. 8 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций / науч. ред. Н.М. Шанский. М.: Просвещение, 2014. – 271 с.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

М.Е. Новичихина

novichihiname@mail.ru

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

(г. Воронеж)

Понятие «ономастический словарь» на сегодняшний день трактуется неоднозначно. Чаще под ономастическим словарем понимается словарь собственных имен ([3], [7] и мн. др.). Однако в отдельных случаях ономастическим словарем называют также словарь ономастической терминологии; в данной работе под ономастическим словарем будет пониматься словарь второго названного типа.

Целью работы явилась дифференциация целого ряда появившихся в последние десятилетия ономастических и квазиономастических терминов и их анализ на предмет представленности в ономастических словарях.

До сих пор самым авторитетным словарем ономастической терминологии был словарь Н.В. Подольской, включающий около 700 различных ономастических терминов [8], [9]. Между тем в последние годы резко активизировались научные исследования в той области ономастики, которая так или иначе связана с коммерческой сферой. В результате этих исследований появились новые термины, не зафиксированные прежде ономастическими словарями. Именно это создает возможности для доработки и пополнения имеющихся публикаций.

При этом ключевым термином, ожидающим своей фиксации в ономастическом словаре, стал, с нашей точки зрения, термин «коммерческая номинация». Под коммерческой номинацией исследователи начали понимать языковую номинацию учреждений и товаров, преследующую коммерческие цели и ориентированную на получение коммерческого эффекта [4, с. 433]. Результатом коммерческой номинации становятся так называемые коммерческие названия – названия фирм, кафе, парикмахерских, отдельных видов товаров и т. п. (например, фирма «*Беркут*», магазин «*Пятью пять*», кафе «*Итальянский дворик*»).

Нами уже неоднократно отмечалось, что группа коммерческих названий неоднородна – можно выделить как так называемое «ядро» коммерческой номинации, так и ее «периферию» [5, с. 152].

Значительная часть ядерных элементов коммерческой номинации (например, товарные знаки, фирменные наименования), даже не получив сугубо лингвистического толкования, тем не менее находит определение в юридических трудах, в частности, в Гражданском кодексе РФ [1]. Периферийные же элементы до сих пор окончательно не определены, что порождает неоднозначное их восприятие и всевозможные разночтения.

К периферийным элементам коммерческой номинации, с нашей точки зрения, могут быть отнесены так называемые слова-фармонимы (фармацевтические наименования), ник-имена, эстрадные имена, слова-эргонимы (имена деловых объединений людей – союзов, партий, организаций, обществ, кружков), названия мероприятий (так называемые event-названия), медианазвания и некоторые другие. Все они, не являясь коммерческими в полном смысле этого слова, выполняют явную коммерческую функцию, требуют четкой дефиниции и фиксации этой дефиниции в ономастическом словаре.

Так, под медианоминацией понимают языковую номинацию средств массовой информации, например: «*Известия*» (газета), «*Очаг*» (журнал) и т. п. [2, с. 4]. М.А. Дрогайцева отмечает, что термин «медианоминация» значительно шире зафиксированного в ономастическом словаре термина «гемероним» и убедительно обосновывает свою позицию.

Нередко наблюдается смешение понятий медианоминации и медийного имени, именно поэтому представляется необходимой их четкая дифференциация. С нашей точки зрения, понятие «медийное имя» является тождественным понятию «медийный псевдоним»; при этом под медийным именем (медийным псевдонимом) понимается имя индивида (медийной личности), под которым эта личность выступает в медиасфере с целью формирования так называемого личного PR. К категории медийных имен могут быть причислены, например, эстрадные (сценические) имена (например, *Аркадий Арканов* – сценическое имя Аркадия Штейнбука, *Валерия* – сценическое имя Аллы Перфиловой) и др. Таким образом, различие обсуждаемых понятий связано с принципиальным отличием именуемых объектов – средства массовой информации (газеты, журналы, телевизионные программы и т. п.) в первом случае и индивид (медийная личность) – во втором.

В последние десятилетия и в научной литературе, и в обиходе интенсивно используется термин «ник-имя» (или «никнейм»). Этот

термин, происходящий от английского *nickname* (и изначально означавший: «кличка, прозвище»), стал пониматься как псевдоним, используемый пользователем в Интернете, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах). Словарь ономастической терминологии этот термин, несмотря на его широкую известность, до сих пор не зафиксировал.

На стыке лингвистических исследований и исследований в области связей с общественностью предметом изучения нередко становятся названия различных мероприятий – выставок, фестивалей, ярмарок и т. п. (например, фестиваль моды «*Идеаль*», пивная вечеринка «*Beering*», тимбилдинг «*Завещание Че Гевары*» и др.). Применительно к названиям подобного рода может быть использован термин «event-номинация», также имеющий право на существование и не зафиксированный словарем ономастической терминологии. Следует заметить, что на сегодняшний день словарь дает лишь термин «геортоним»; так во втором издании «Словаря ономастической терминологии» Н.В. Подольской находим определение: «геортоним (от греч. *праздник*) – вид идеонима – собственное имя любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля. Примерами, приведенными Н.В. Подольской, стали: *День Победы* или *праздник Победы (9 Мая)*, *Международный женский день (8 Марта)*, «*Москва –80*» (фестиваль) [9, с. 48]. Представляется, однако, логичным выделить «event-номинацию» как гипероним (термин с более широким смысловым содержанием) по отношению к термину «геортоним» по нескольким причинам: во-первых, термин «event-номинация» используется как для обозначения процесса номинирования различных мероприятий, так и для обозначения результата этого процесса; термин же «геортоним» фиксирует внимание лишь на результате процесса (самом имени), во-вторых, термин «event-номинация» охватывает более широкий спектр мероприятий (причем не только развлекательного характера).

Вниманием ономастического словаря обделены и так называемые слова-фармонимы. При этом под словами-фармонимами следует понимать имена фармацевтических препаратов (например, капли «*Валидол*», гель «*Артрозилен*» и др.). Фармонимы также становятся предметом активного изучения в последние годы и ждут отдельного упоминания в словаре.

По всей видимости, ждут своего толкования в словаре и такие не получившие исчерпывающего лингвистического толкования понятия как общеизвестный товарный знак, а также знак, вошедший во всеобщее употребление. Поясним, что общеизвестный товарный знак – это знак, который в результате его использования приобрел такую высокую степень различительной способности, что потребители стали воспринимать его не только как обозначение товаров, обладающих определенными потребительскими свойствами, но и как знак, принадлежащий определенному лицу (см. подробнее в: [6, с. 36].) Известно, что в настоящее время к категории общеизвестных причислены, например, такие товарные знаки как «*Известия*», «*Ява*», «*Арарат*» и др. При этом общеизвестный товарный знак и знак, вошедший во всеобщее употребление, – это принципиально несовпадающие понятия. В последнем случае мы имеем дело с названиями, которые, обладая изначально высоким различительным потенциалом, в силу длительного их использования различными лицами, стали восприниматься потребителями как наименования видов товаров. К числу подобных названий могут быть отнесены: «*Ксерокс*», «*Лавсан*», «*Термос*» и мн. др.

Бесспорно, в современном словаре ономастической терминологии целесообразно отразить и такие термины, относительно недавно введенные в научный оборот и пока обделенные «лексикографическим вниманием», как: *вторичный бренд*, *антибренд*, *бренд-фейк* и другие. По мере же углубления научных исследований в рассматриваемой области этот перечень может и должен быть расширен.

Литература

1. Гражданский Кодекс РФ, часть четвертая (принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г., одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г. Российская газета, № 289, 22 декабря 2006г., вст. в силу с 1 января 2008 г.).
2. Дрогайцева М.А. Коммуникативная эффективность медианоминации (на материале названий региональных печатных средств массовой информации): Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. – 188 с.
3. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. – 509 с.
4. Новичихина М.Е. Об использовании количественных характеристик в процессе исследования коммуникативной эффективности слова-названия // VI Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения / Сб. научных статей. Севастополь, 2012. – С. 433–442.
5. Новичихина М.Е. Слово-фармоним как элемент периферийной зоны коммерческой номинации // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: материалы I Международной научно-практической конференции. Орел, 2016. – С. 152–155.
6. Новичихина М.Е. Товарный знак: вопросы функционирования и лингвистической экспертизы: монография. Воронеж: Кварта, 2019. – 108 с.

Русский язык в поликультурном мире (8 – 12 июня 2022 г.)

7. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Рус. яз., 1984. – 384 с.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. – 198 с.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. – 187 с.

НОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В АСПЕКТЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ

А.И. Ольховская

aleksandra_olhovskaya@mail.ru

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»
(Москва)

Начиная с 80-х гг. прошлого столетия лингвисты фиксируют масштабное обновление русского лексикона за счёт заимствований-англицизмов [Крысин 2008], [Костомаров 1994], [Маринова 2019]. На основании понятийных соответствий с лексикой принимающего языка выделяются эквивалентные и безэквивалентные заимствования [Маринова 2019: 23–25]. Если первые именуют предметы и явления, у которых нет устойчивых обозначений в языке-реципиенте (*вебинар, чайлдфри, интерфейс, прайм-тайм, коворкинг*), то вторые имеют эквиваленты из числа укорененных единиц (*продакшен* ≈ *производство*, *бренд* ≈ *торговая марка*, *воркшоп* ≈ *мастерская*, *инновация* ≈ *новация*, *новшество* и др., *эйчар* ≈ *кадровик*).

Семантическая эквивалентность слов может иметь три основных реализации: 1) синонимия (*фэшн* – *мода*, *байопик* – *фильм-биография*, *комьюнити* – *сообщество*); 2) аналогия (*квиз* – *викторина*, *веган* – *вегетарианец*, *нубук* – *замша*); 3) гиперо-гипонимическое единство (*свитшот* – *кофта*, *тоддлер* – *ребёнок*, *барбершоп* – *парикмахерская*). Говоря об эквивалентных заимствованиях, имеют в виду прежде всего синонимические заимствования. В некоторых источниках их называют неоправданными [Валгина 2003: 111] по той причине, что они дублируют содержание укорененных единиц. Учитывая тот факт, что эквивалентность может быть как полной, так и частичной, мы обратились к выявлению общей картины смысловых соответствий между новейшими заимствованиями и их автохтонными синонимами.

Материал исследования составили порядка 1200 синонимических парадигм, включающих хотя бы одно заимствование, вошедшее в русский язык за последние 40 лет. Синонимические ряды конструировались с опорой на иноязычные единицы, извлечённые из современных лексикографических источников. Показателем ненулевой синонимической ценности служило либо указание на синоним в специальной зоне словарной статьи, либо использование синонимического

толкования. Оценка смысловых отношений заимствований с членами синонимического ряда производилась с опорой на семантические оппозиции, предложенные Л.А. Новиковым. Между синонимами фиксировалась либо нулевая, либо привативная, либо эквиполентная оппозиция [Новиков 1982: 136–142].

Сегодня общим местом лексикологических работ может считаться мысль о том, что заимствованный синоним в большинстве случаев приобретает более узкое значение по сравнению с укоренённым эквивалентом. Ср. следующие высказывания: «Чаще всего коренное слово или более раннее заимствование сохраняет более общее значение и оставляет более узкое новому заимствованию» [Володарская 2002: 108]; «В связи с увеличением числа новых заимствований усложняются семантические отношения <...>. В частности, весьма характерны специализирующие, уточняющие номинации» [Крысин 2002: 30].

Между тем результаты анализа показывают, что большинство заимствований выборки (80 %) находятся в отношениях нулевой смысловой оппозиции, то есть, по сути, являются абсолютными, точными синонимами. Приведём примеры: *от-кутюр – высокая мода, слеш – косая черта, бокс-офис – кассовые сборы, пати – вечеринка, хэндмейд прил. – рукодельный, прайс-лист – прейскурант, сейл – распродажа, прессинг – давление, промоакция – рекламная акция, абстракт – аннотация, айвори – слоновая кость, аккаунт-менеджер – менеджер / специалист по работе с клиентами, бильдредактор – фоторедактор, дизайн – художественное конструирование.*

Чаще всего нулевая оппозиция наблюдается в рамках синонимических пар, однако встречаются и более объёмные синонимические тождества, ср.: *бигборд, билборд, рекламный щит; пост, запись, публикация; блиц-опрос, блиц-интервью, флеш-интервью; диджитал прил., диджитал-..., дигитальный, цифровой; питайя, питахайя, драгонфрукт, драконий фрукт; паранаука, квазинаука, лженаука, псевдонаука.*

В редких случаях абсолютные синонимы образуют довольно многочисленные парадигмы, состоящие из 5 и более членов, например, *аквабайк, байк, акваскутер, скутер, гидроцикл, джет-ски, джет, водный мотоцикл; роллы, суши-рулеты, суши / суси, макидзуси, маки; стритстайл, стрит-фешен, стривер, уличная мода, уличный стиль.* Протяжённые синонимические ряды порождают в

русском языке явление полионимии (многоимённости) и лексической избыточности.

Е.В. Маринова относит множественность наименований к актуальным тенденциям рубежа веков. По словам исследователя, «в период языковой нестабильности происходит активное накопление обозначений одного и того же денотата», что в дальнейшем способствует дифференциации различных сфер человеческой деятельности [Маринова 2008: 41]. Сходная ситуация наблюдалась в русском языке петровского и послепетровского периода: «Широкая лексическая синонимия («многоимёнство») – одна из особенностей развития лексического состава XVIII века» [Бастриков 2008: 186].

Многоименство, как кажется, обусловлено не только дальнейшей дифференциацией, но и выбором наиболее удачной номинации из ряда возможных. Пробуя разные варианты в живой коммуникации, носители языка фильтруют их на основании фонетической, грамматической, словообразовательной и лексико-семантической пригодности. Следовательно, можно сделать вывод о том, что протяжённые ряды с идентичной денотативной отнесенностью имеют остро конкурентное наполнение и временный характер.

Доминирование нулевой оппозиции связано, как нам представляется, с несколькими причинами. Во-первых, в выборку вошли т.н. формальные синонимы, т.е. синонимы с очевидно соотносительными означающими – однокоренные синонимы и словообразовательные варианты (*ресайклинг, рециклинг, рециклирование*), аббревиатуры и их расшифровки (*пиар, паблик рилейшнз*), словосочетания и универбаты (*флеш-карта, флешка*) и др.

Во-вторых, довольно распространённым явлением при освоении заимствований является опосредованное калькирование, под которым мы понимаем калькирование с иноязычного слова уже после того, как оно проникло в принимающий язык. В результате опосредованного калькирования возникают «спайки» лексем, идентичных по лексическому значению и внутренней форме: *ню-вейв – новая волна, месседж – сообщение, скриншот – снимок экрана, роутер – маршрутизатор, браузер – обозреватель*.

В-третьих, значительную часть выборки составляют параллельные заимствования, например, *бар-код – штрихкод, фейс-арт – аквагрим, флешмоб – смартмоб, фризлайт – лайтпейнтинг, хипстер – инди-кид*.

В отличие от калек, параллельные заимствования, как правило, различаются признаком, положенным в основу номинации: *скайдайвинг* – ныряние в небеса (*sky* ‘небо’, *to dive* ‘нырять’), *фрифлай* – свободный полёт (*free* ‘свободный’, *fly* ‘полёт’); *бодидраггинг* – «таскание» тела (*body* ‘тело’, *to drag* ‘тащить’), *скудинг* – «мчание», скольжение (*to scud* ‘нестись, скользить’); *в директ* – напрямую (*direct* ‘прямой, непосредственный’), *в приват* – в частном порядке (*private* ‘частный’). Поскольку носители языка в большинстве случаев не ощущают мотивационных различий между синонимическими заимствованиями, сосуществование таких синонимов, вероятнее всего, является временным.

Как видно из приведённых примеров, абсолютная синонимия концентрируется в рядах неологизмов и почти не затрагивает взаимоотношений заимствований с укоренёнными единицами. Что касается последних, им свойственен привативный (включение, специализация) либо эквиполентный (частичное наложение) характер.

Количество синонимических рядов с привативной и эквиполентной оппозициями примерно одинаково с небольшим преимуществом у рядов первого типа. Приведем несколько примеров новейших заимствований, вступающих в эквиполентные отношения с русскими лексемами. Слова из ряда *творчество, творение, созидание, креатив* называют деятельность по созданию оригинальных объектов. Укоренённые единицы связаны с объектами, ценными в контексте духовной жизни человечества, тогда как заимствование *креатив* актуализирует утилитарный, прагматический аспект: конечной целью креатива является эффективное решение практической задачи (часто это продажа товара, ср. *рекламный креатив*). Немаловажно и то, что единицы имеют разные фокусы: для творчества значимым является уникальность созданного объекта, для креатива – его нестандартность, отход от шаблона.

Пожертвование и *донейшн, донаты* обозначают добровольный взнос в пользу какого-либо лица или учреждения. Однако сбор пожертвований обычно производится для реализации социально значимых, общепользных проектов (*пожертвование на восстановление храма, в фонд милосердия, на больных детей*), в то время как *донейшн* выступает специфической формой оплаты услуг, чаще всего развлекательного или просветительского характера (ср. выражение *работа за донейшн*). Синонимы *пол* и *гендер* называют набор признаков,

различающих мужчин и женщин, в разных плоскостях – биологической и социокультурной. Если пол обусловлен репродуктивной системой человека, то гендер – социальными ролями и стереотипами.

Перейдём к рассмотрению примеров привативной смысловой оппозиции. В некоторых случаях заимствования называют более широкие понятия. Так, если *опыт* и *багаж* – это накопленные в течение жизни знания и навыки, то *бэкграунд* – это всё многообразие характеристик человеческой жизни: происхождение, воспитание, образование, опыт работы, связи и т.д. Человека, который доминирует в отношениях и деструктивно воздействует на партнёра, сегодня всё чаще называют абьюзером. При этом абьюз может проявляться по-разному: в унижениях, критике, манипуляциях, контроле, принуждениях и т.д. В то же время за русскими аналогами закрепились конкретные виды проявлений: за деспотом стоит власть и навязывание собственной воли, за тираном – ограничение свободы и причинение физических или нравственных страданий.

Однако в большинстве случаев иноязычное слово обозначает более узкое и специализированное понятие. Так, *лайфхак* – это *хитрость*, рассказанная в форме совета; *арт* – современное и неклассическое *искусство*; *буллинг* – *травля* в детском коллективе; *шейминг* – публичное *осуждение*, основанное на предубеждении; *ивент* – яркое, развлекательное *мероприятие*, проводимое в целях формирования положительного имиджа компании; *стрим* (*лайфстриминг*, *лайфстрим*, *онлайн-трансляция*) – *прямой эфир* в интернете.

Интересным направлением специализации можно считать профессионализацию – закрепление за заимствованной единицей значения, связанного с явлениями профессиональной сферы, на фоне укоренённых единиц, именующих те же явления безотносительно к трудовой деятельности. Чаще всего такие единицы называют новые профессии (*кофевар* – *бариста*, *наставник* – *коуч*, *убийца* – *киллер*, *руководитель* – *топ-менеджер*) или деятельность, осмысленную как сферу профессиональных услуг (*наблюдение* – *мониторинг*, *называние*, *наименование* – *нейминг*, *писательство*, *сочинительство* – *райтинг*, *перепродажа*, *спекуляция* – *ресейл*). В некоторых случаях за неологизмами стоят понятия, связанные с рабочим процессом, например, *дедлайн* – *срок* выполнения рабочей задачи, *скилл* – *ценный в работе навык*, *драфт* – *черновик* рабочего документа, *транспарентность* –

открытость, прозрачность как принцип работы. Отмеченная тенденция говорит, вероятно, о развитии и обогащении российской сферы услуг, а также о внимании общества к трудовой деятельности.

Таким образом, большинство новых заимствований в русском языке находится в отношениях абсолютной синонимии. Это намечает основное направление развития лексикона рубежа веков – массивованное наращение конкурентного материала с его последующей селекцией. Появление заимствований, уточняющих и дополняющих укоренённые слова, говорит о развитии русской концептосферы, которое осуществляется параллельно с развитием и усложнением действительности. Кроме того, анализ сформированной выборки позволяет поставить под сомнение растиражированный тезис о преимущественном развитии заимствований в направлении специализации, поскольку количество привативных и эквиполентных блоков, оказалось примерно одинаковым.

Литература

1. Бастриков А.В. Пополнение лексического состава русского литературного языка XVIII века иноязычными заимствованиями (на примере формирования наименований этических понятий) // Учёные записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 15, № 2. – С. 185–196.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. – 304 с.
3. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. – С. 96–118.
4. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопрос языкознания. 2002. № 6. – С. 27–34.
5. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. – 318 с.
6. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
7. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX–начала XXI вв.: Проблемы освоения и функционирования. Автореферат диссертации д-ра филол. наук. М., 2008. – 44 с.
8. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи к. XX – н. XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЛЕНАНД, 2019. – 536 с.
9. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.

О СТРУКТУРЕ «СЛОВАРЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ В ПОЭЗИИ МЕТАРЕАЛИЗМА»

М. Н. Панчехина

tranchehina@gmail.com

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк, ДНР)

«Словарь лингвокультурем в поэзии метареализма» запланирован как авторское лексикографическое издание, основная задача которого состоит в изучении языка поэзии Алексея Парщикова, Александра Ерёменко, Ивана Жданова⁷.

Словарь такого типа позволит выделить основные единицы поэтического высказывания, определить базовые лингвокультуремы и частотность их употребления, установить специфику лингвокультурных полей в стихотворениях указанных авторов.

Под лингвокультуремой понимается комплексная межуровневая единица, представляющая собой «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [1, с. 44–45]. Её структура содержит два компонента: собственно знак (формальная сторона) и сочетание языкового значения с культурным смыслом (содержательный аспект). Действительно, нельзя не отметить, что понятие «лингвокультурема» «позволяет, во-первых, отметить специфику собственно лингвистического выражения образа, во-вторых, содержит отсылку к культурным коннотациям, включённым в поэтический текст» [3, с. 56].

Ранее нами уже предпринималась попытка классифицировать материалы для «Словаря лингвокультурем в поэзии метареализма» [3]. Его *макроструктура* предполагает наличие вводной статьи, в которой описывается назначение данного лексикографического издания. Здесь же приводятся общие сведения о метареализме как направлении в литературе, указываются период его возникновения, обозначаются основные творческие принципы поэтов-метареалистов.

При составлении словника учитывается, что в поэзии метареалистов лингвокультурема может быть представлена не только одной

В связи с ограниченным объёмом в данной статье приводятся примеры только из творчества Алексея Парщикова.

лексемой (*лиман, лес, лесополоса, нефть, степь, уголь, холм, шлак и др.*), но и единицами, связанными с ней парадигматически: синонимами, гипонимами и т.д. При этом в качестве таковых зачастую используются регионально маркированные единицы: *лесополоса – посадка, шлак – жужелка*.

«Жужелка» – одно из самых известных стихотворений Алексея Парщикова, которое само по себе можно интерпретировать как текст-лингвокультурему:

И сняли свет с неё, как персты,
и убедились: парит
жужелка между шести
направлений, молитв,

сказанных в ледовитый сезон
сгоряча, а теперь
она вымогает из нас закон
подобья своих петель.

Стихотворение сопровождается авторской сноской, в которой поясняется, что жужелка – это фрагмент шлака. Слово не является общеупотребительным: оно характерно для лингвокультурного колорита Донбасса, где Алексей Парщиков окончил среднюю школу. Особенность данной лингвокультуры ещё и в том, что её буквальное значение – «несгорающая часть угля» – связано с базовой лингвокультуремой Донбасса *уголь*.

Таким образом, при формировании словника нужно учитывать, что некоторые единицы способны объединяться в *лингвокультурологическое поле*, которое В. В. Воробьёв определяет как «иерархическую структуру множества лингвокультурем, обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определённую культурную сферу» [1, с. 65].

Подчеркнём, что «Словарь лингвокультурем в поэзии метареализма» описывает только определённый лексический пласт, отобранный в поэтическом языке конкретного направления. По своей направленности такое издание является функционально-образным, а это значит, что имя лингвокультурологического поля имеет «не обычное общее языковое значение, а инвариантный лингвокультурологический смысл (интенционал имени поля)» [1, с. 65].

Так, если интенсионалом выступает лингвокультурема *уголь*, то в качестве экстенционала – понятия, соотносимые с именем поля: *антрацит, горняк, забой, жужелка, камень, клеть, обвал, террикон, шахтёр, штольня* и т.д. Ср. в стихотворении Алексея Парщикова «Угольная элегия»:

...что тащит со дна своего *уголь*?
Шахтёры стоят над ним на коленях
с лицами деревенских кукол.
Горняки. Их наружности. Сны. Их смерти.
Их тела, захороненные повторно
между эхом *обвалов*. Бригады *в клетях*
едут ниже обычного, где отторгнут
камень от имени, в тех *забоях*
каракатичных их не видать за мглюю.

При этом очевидно, что каждая выделенная единица является отдельной лингвокультуремой и подразумевает наличие специальной словарной статьи. Обнаружить, какие из лингвокультурем являются базовыми, а какие – периферийными, поможет описание лингвокультурологического поля.

Микроструктура «Словаря лингвокультурем в поэзии метареализма» связана с особым построением статей. Каждая из них начинается с заголовочной единицы – собственно лингвокультуремы как объекта словарного описания (1). Лингвокультурема чаще всего выражается именем существительным, для вокабулы используется форма именительного падежа единственного числа. Далее следует этимологическая справка (2), которая позволяет уяснить исконное значение слова. После приводится расшифровка лингвокультурологического смысла (3). Она основывается на рассматриваемой нами выше двухкомпонентной структуре лингвокультуремы: сначала по аналогии с толковым словарём указывается собственно языковое значение описываемой единицы, далее разъясняется её лингвокультурный смысл.

Завершает словарную статью иллюстративный материал (4) и дополнительные сведения: пословицы, поговорки, устойчивые выражения (5). Данные заключительные компоненты представляют собой отрывок текста, который демонстрирует заголовочную единицу в конкретном контексте. Они «выполняют две основные функции: 1) уточняют, выделяют значения заголовочной единицы; 2) приводят

иллюстрирующие доказательства, дополняющие семантизацию языковой единицы. Главными требованиями, предъявляемыми к лексикографическим иллюстрациям, зачастую выдвигаются их краткость и точность» [2, с. 36].

Примерный образец словарной статьи, построенной из указанных компонентов, может выглядеть следующим образом.

(1) **СТЕПЬ.**

(2) *Сътепь следует сближать с то́пот, топта́ть, т. е. первонач. «вытопанное место».

(3) Равнина, покрытая обильной травянистой растительностью. В русской истории под степью понимается не только тип природной зоны, но и место обитания кочевников различного происхождения.

(4) Степь как метафизическое пространство описывается в одноименном стихотворении Алексея Парщикова:

Привязав себя к жерлам турецких пушек,
степь отряхивается от вериг,
взвешивает курганы и обрушивает,
впотьмах выкорчёвывает язык,
и петлю затягивает потуже,
по которой тащится грузовик.

Образ степи является традиционным для русского фольклора, темой многих народных песен («Ах ты, степь широкая» и др.). Широко распространён и в отечественной литературе, описывается в произведениях А. П. Чехова, В. Г. Короленко, М. А. Шолохова, Н. В. Гоголя.

В контексте метареализма степь – это одушевлённое пространство. Метафоризация позволяет интерпретировать его как беспредельное, необъятное, ничем не ограниченное. Художественное описание степи формирует образ подвижного, динамического пространства, которое соотносится с историей народа, его культурой и языком.

(5) Ср.: *Идущий степь пересечёт; В степи простор, в лесу угодые; И за высокой горой лежит степь. Степь лесу не лучше. В степи простор, в лесу угодые.*

Итак, предлагаемые материалы для «Словаря лингвокультурем в поэзии метареализма» позволят, во-первых, описать собственно языковую специфику данного литературного направления, во-вторых, обозначат уникальность его национально-культурной составляющей. Перспектива дальнейшего исследования состоит в том, чтобы

определить методику описания лингвокультурологических полей в контексте указанного лексикографического издания.

Литература

1. Воробьёв В. В. Лингвокультурология. М.: Издательство РУДН, 2006. – 331 с.
2. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. Вена – Харьков: Харьковское лексикографическое общество, 1998. – 160 с.
3. Панчехина М. Н. Структура авторского «Словаря лингвокультурем в поэзии метареализма» // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2021. № 4. – С. 56–60.

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ГИБРИДИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Е. В. Сачкова

november29@yandex.ru

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»
(Москва)

Процесс глобализации, начавшийся в XX веке, в XXI веке достиг высокой интенсивности и стал практически всеобъемлющим. Всемирной унификации и интеграции практически во всех областях человеческой деятельности и знания способствовало интенсивное развитие компьютерных технологий, цифровых средств массовой информации и массовой коммуникации. Доминирующей культурой в цифровой среде СМИ и средств массовой коммуникации является англосаксонская культура. Это привело к возвышению английского языка как современного языка глобального общения, *lingua franca*. Глобальная цифровизация большинства сфер человеческой деятельности привела к стиранию границ как между национальными языками, так и между национальными культурами. Поскольку языковая деятельность в широком смысле и есть проявление культуры, способ и форма ее существования, то погружение в иное, неродное языковое поле ведет к погружению в иную культуру, и, как следствие, к восприятию ценностей этой культуры [5, с. 80]. Следствием такого взаимодействия становятся изменения в общественном сознании, в концептосфере языка-реципиента, а следовательно, и во всей языковой картине мира, то есть к гибридизации как языка, так и культуры в целом.

Под гибридизацией культуры понимается «смешение, взаимопроникновение и переработка элементов различных культур в определенном социальном контексте» [8]. Такая гибридизация имеет как положительные стороны (обогащение культуры), так и отрицательные (стандартизация национальных культур, разрушение традиционных ценностей, внедрений чуждых для данного социума ценностей и концептов). В сфере языка гибридизация в своем крайнем выражении проявляется как появление языков-гибридов: франгле (*français + anglais*), русангл (русский + английский) или интеррусский язык, денглиш (*Deutsch+English*), спэнглиш (*Spanish+English*), чинглиш

(Chinese+English) в постепенной трансформации некоторых европейских языков в локальные гибридные формы английского [6, с. 129].

В гибридизации языка можно выделить три вида новообразований [5, с. 81]:

1) ксенизмы, то есть употребление иностранного слова в русской транслитерации. К этому виду относится большинство заимствований: дресс-код, челлендж, нарратив, месседж и т. д.;

2) употребление иностранного и русского слова в рамках одного текстового произведения. Примерами этого типа гибридизации, как правило, являются рекламные тексты. Употребление в данных текстах иноязычных слов указывает на наличие у рекламируемого товара исключительных характеристик, высокого качества, что делает этот товар предметом моды и символом определенного, как правило высокого, социального статуса (life-style бренд, литературный мейнстрим, и т. д.);

3) гибридизация на уровне словообразования. В этом случае новое слово создается из элементов, принадлежащих разным языкам (SPA-салон, PR-компания, hi-tech рынок), или заимствованное слово, подвергается ассимиляции и используется в соответствии с грамматическими правилами русского языка (*лайкать, агрить, донатить, донат* и т. д.).

Следующим вопросом, связанным с гибридизацией языка, является ее причины, то есть причины заимствований иностранных слов. Традиционно в лингвистике считается, что иностранное слово заимствуется либо с новым предметом, либо с новой идеей (концептом), еще не получившими осмысления и вербализации в языке-реципиенте.

Однако, как видно из приведенных примеров, многие заимствования не привносят в язык ни новых предметов, ни новых идей, и с этой точки зрения видятся избыточными в языке. Причинами таких заимствований являются:

1) необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия;

2) необходимость специализации понятий – в той или иной сфере, для тех или иных целей;

3) тенденция, заключающаяся в том, что цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект и обозначаться должен цельно, а не сочетанием слов;

4) социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или его частью – иноязычного слова как более престижного, «ученого», «красиво звучащего», а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия. Сюда же можно отнести обеспечение стилистического эффекта и выражение дополнительных коннотаций, которые отсутствуют в семантике слова языка-реципиента [9, с. 89-90].

Рассмотрим несколько примеров заимствований, которые свидетельствуют не только о том, что процесс заимствований англицизмов в русский язык идет очень интенсивно, но и о том, что гибридизация русского языка уже состоявшееся явление.

Как известно, наиболее легко в современном мире гаджетов и девайсов заимствования приходят в подростковый сленг.

Существительное «кринж» от английского «cringe» – стыд, кажется с точки зрения логики языка избыточным, поскольку в русском уже есть концепт «стыд», представленный достаточным количеством синонимов. Однако ядром русского концепта является синонимическая доминанта «стыд» со значением «интенсивное дискомфортное эмоциональное состояние человека, нарушившего нормы поведения» [1, с. 179]. В английском же слове фокус значения смещен на стыд, который испытывает человек за действия другого человека, которые необязательно являются нарушением норм, а лишь кажутся со стороны нелепыми, само же чувство не носит такого интенсивного характера, как в русском языке. Причиной заимствования в данном случае является необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия. Результатом заимствования является изменение концепта «стыд» в русском языке, выражающееся в изменении интенсивности испытываемого эмоционального состояния, и в смещении причины данного состояния с собственных поступков на поступки другого лица. Также к концепту добавляется важный компонент «эмпатия».

«Краш» – существительное, от английского фразеологизма «to have a crush on somebody» – испытывать сильное и обычно мимолетное увлечение к человеку, с которым ты близко не знаком. Английское существительное «crush» соответственно имеет значение «человек, к которому испытывается такое чувство». В русском языке значение слова «crush» претерпело значительные изменения: русское «краш» – это недостижимый человек, к которому испытывается тайное сильное

увлечение и даже любовь платонического характера. Изменение семантики слова связано с особенностями концепта «любовь», в который входит данное слово, в русском и английском языках. Концепт «любовь» в русском языке предполагает фундаментальность, продолжительность во времени, сакральность данного чувства. В английском варианте этого концепта указанные компоненты значения отсутствуют (фундаментальность, сакральность) или имеют другое качество (продолжительность во времени) [4, с. 71]. Причиной заимствования в данном случае стало отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе русского языка. Кроме того, здесь наблюдается результат действия закона «экономии языковых средств», то есть номинация довольно расплывчатого понятия с использованием минимального количества языковых единиц: одной. Результатом заимствования стало обогащение концепта «любовь» в русском языке новым для русской концептосферы понятием.

Таким образом, заимствования «кринж» и «краш» изменили традиционный состав русских концептов. Однако высока вероятность, что эти слова – дань языковой моде и, как многие сленговые неологизмы, скоро уйдут из активного употребления.

Слова «стартап», «фаундер», «донат», «донатор» и «донатить» являются не менее популярными и прочно вошли в деловой русский язык.

Существительное «стартап» от английского «start-up» заимствовано в русский язык со значением «новая, быстро развивающаяся компания, в основе которой лежит инновационная идея» [3, с. 308]. Первые случаи употребления данного слова зарегистрированы в Национальном корпусе русского языка в 2008 году [7]. В данном случае мы имеем дело с заимствованием нового слова вместе с новым концептом, у которого не было вербализации в языке-реципиенте. И если в английском языке «start-up» – это просто новая, только начавшая работать компания, то в русском языке семантика слова значительно шире. «Стартап» – это может быть не только компания, но и коммерческий проект на стадии идейной разработки. Семантика «стартапа» включает в себя также следующие компоненты: быстро развивающаяся компания; в основе лежит уникальная, инновационная идея; требует инвестиций для развития; находится в зоне риска.

Концепт «стартап» включает в себя также такие компоненты как «фаундер» – основатель и «кофаундер» – сооснователь, то есть те люди, которые стоят у истоков стартапа. Следует отметить, что с точки зрения языка эти заимствования являются избыточными, поскольку в русском языке уже существуют их эквиваленты. Причиной заимствования в данном случае является социально-психологический фактор «языковой моды», когда иноязычное слово воспринимается как более «престижное», демонстрирующее «ученость» говорящего.

В концепт «стартап» также входит и словообразовательный ряд от английского глагола «to donate» – «жертвовать деньги в благотворительных целях», который представлен в структуре концепта компонентом «требует инвестиций». В русском языке семантика глагола «донатить» расширяется: это не только благотворительные пожертвования, но и покупка дополнительных опций в онлайн играх, плата блогерам за возможность просматривать их контент, инвестиции в стартапы. Причиной заимствования является необходимость в специализации понятий для различных целей. В русском языке пожертвование денег на благотворительность не подразумевает получение какой-либо выгоды. Семантика заимствованного глагола «донатить» предполагает, что в случае успеха человек, дающий деньги, получит некую выгоду.

В русском языке глагол «донатить» прошел грамматическую ассимиляцию с помощью глагольного суффикса *-ить* и стал основой словообразовательного ряда: *донатить* – *донатор* – *донат*, где существительное «донатор» – человек, жертвующий деньги, «донат» – сумма пожертвованных денег. Следует отметить, что оба существительных являются неологизмами, образованными в самом русском языке, так как аналогичные понятия в английском – это «donor» и «donation».

Существительное «донат» является результатом обратной деривации как при образовании от глагола «донатить» путем усечения суффикса *-ить*, так и при переосмыслении английского слова «donation», имеющим суффикс существительного *-tion*.

Существительное «донатор» было образовано с помощью суффикса *-ор*. Данный суффикс в русском языке используется в иноязычных заимствованиях для образования названия лиц по роду деятельности. В нашем случае это скорее всего переосмысленный английский суффикс *-or* с широким значением «деятель». Необходимо указать, что существительное «донатор» от латинского «donator» – даритель и

ранее существовало в русском языке со значением «заказчик произведения искусства для храма» или в широком значении «жертвователю на храм» [2, с. 260-261]. Таким образом «донатор» является этимологическим дублетом, заимствованным в современный русский язык с более широкой семантикой.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что на современном этапе развития русского языка гибридизация, вызванная заимствованиями, проявляется во всем корпусе русского языка от неформального сленга до официально-делового стиля и выражается в появлении новых заимствованных концептов в русской языковой картине мира, в изменении уже существующих концептов под влиянием семантики заимствований, в использовании иноязычных словообразовательных элементов для образования неологизмов.

Литература

1. Антонова Л. Е. Семантика стыда в современном русском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 117. – С. 177-180.
2. Большая российская энциклопедия. Том 9. М.: БРЭ. 2007. – 767 с.
3. Бурдуковский В. Н. Стартап как объект исследования: понятие, сущность, виды и отличительные особенности // Скиф. 2019. №10 (38). – С. 306-309.
4. Зотова Е. С. Концепт «любовь» в русском и английском языках // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №6 (37) Ч. 2. – С. 69-72.
5. Кравченко А. В. Взаимодействие культур и гибридизация языка // Homo communicans: человек в пространстве межкультурных коммуникаций. Щецин: GRAFFORM, 2012. – С. 80-86.
6. Ломтева Т. Н., Пахаренко С. В. Процессы языковой гибридизации в картине мира принимающей лингвокультуры // Филологические науки. Вопросы теории и практик. 2015. № 12 (54). Ч. IV. – С. 129-133.
7. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> – дата обращения 18.02.2022
8. Руденко М. О., Ерофеев С. А. Культурная гибридизация // Федеральный образовательный портал: экономика, социология, менеджмент. – URL: <https://ecsocman.hse.ru/text/19279735/> – дата обращения 14.02.2022
9. Юйпин Ч. Иноязычные заимствования в современном русском языке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (26). – С. 86-93.

Для заметок

Научное издание

Материалы симпозиума

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

**Сборник научных статей
VI Международного симпозиума
(8–12 июня 2022 г.)**

Том I

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 27.05.2022 г.

Формат 60x84/16. Усл. п. л. 17,44

Тираж: печать по требованию. Заказ № НИ/94.

Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать цифровая.

Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».
295051, Республика Крым, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7,
тел.: +7 978 823 14 29, e-mail: print@cfuv.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательского дома ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского».
295051, Республика Крым, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7,
тел.: +7 978 823 14 29, e-mail: print@cfuv.ru